

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 11

Киров
2016

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Научный журнал «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.) переименован в научный журнал «Вестник Вятского государственного университета» (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающей **А. Н. Петрова**

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Воробьёва Т. А.</i> Вьетнамский фактор в советско-американо-китайских отношениях и разрядка международной напряжённости (1964–1973).....	5
<i>Бенда В. Н.</i> Влияние научно обобщенного опыта и теоретических взглядов на повышение результативности артиллерийской стрельбы в ходе боевых действий русской армии во второй половине XVIII в.	16
<i>Нечаева С. В.</i> Социология вещей: перспективы использования для изучения древнегерманских дружинных сообществ.....	21
<i>Скутнев А. В.</i> Русская православная церковь и наука в пореформенную эпоху (Вятский край).....	26
<i>Титова Е. И.</i> Общественная и культурная жизнь старообрядческих общин Южной Вятки в 1920-е гг.	30
<i>Файзуллин С. А.</i> Утверждение городов Татарской АССР в 1926 г.	34
<i>Подкорытова С. В.</i> Участие выпускников общеобразовательных школ и учебных заведений системы трудовых резервов в ударных комсомольских стройках Урала (конец 1950-х – начало 1960-х гг.).....	38
<i>Макаренко Г. И.</i> Формирование этноса крымчаков как отражение исторически сложившегося полиэтничного пространства Крымского полуострова.....	41

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Шибанова А. Н.</i> Языковые средства создания образа Екатерины II в романе Б. Акунина «Внеклассное чтение».....	46
<i>Попова Л. Г., Исмаилова С. Н.</i> Отображение дихотомии «красота/безобразия» в английских и азербайджанских паремиях.....	50
<i>Михайленко Е. Н.</i> Образ байроновского Дон Жуана в контексте мифа о грехопадении.....	53
<i>Маркова Е. А.</i> Маска в поэзии У. Б. Йейтса.....	57
<i>Тарасова О. М.</i> Мотив природы в лирике Гюго (к вопросу о библейских сюжетах).....	63
<i>Асратян З. Д.</i> Синергетические аспекты художественного текста.....	65
<i>Мартынычева А. С.</i> Компаративный анализ глаголов передачи сигналов для восприятия во французском и русском языках.....	69
<i>Иванова А. Д.</i> О понятийном аппарате современной имагологии.....	74
Сведения об авторах	79
Information about authors	81

CONTENTS

- Vorobieva T. A.* Vietnamese factor in the Soviet-U.S.-China relations and détente (1964–1973)
- Benda V. N.* The impact of generic experience and theoretical views on improving the effectiveness of artillery fire during the fighting the Russian army in the second half of the XVIII century
- Nechaeva S. V.* The sociology of things: perspectives of use for the study of the Old German warrior society
- Skutnev A. V.* Russian orthodox church and science in post-reform period (Vyatka region)
- Titova E. I.* Social and cultural life of old believers' community of the South Vyatka in 1920s.
- Faizullin S. A.* Approval of the cities of the Tatar ASSR in 1926
- Podkorytova S. V.* The participation of school leavers of secondary schools and educational establishments of the system of labor reserves in shock Komsomol building of Ural (the end of 1950s – the beginning of 1960s)
- Makarenko G. I.* Formation of ethnicity of the Crimeans as a reflection of historically formed polyethnic area of the Crimea peninsula.
- Shibanova A. N.* Linguistic means creating the character of Catherine the Great in B. Akunin's novel "Extracurricular reading"
- Popova L. G., Ismailova S. N.* Display of a dichotomy "beauty / ugliness" in the English and Azerbaijani proverbs
- Mikhaylenko E. N.* The image of Don Juan by Byron in the context of the myth of the Fall
- Markova E. A.* The Mask in the Poetry of W. B. Yeats
- Tarasova O. M.* The motive of nature in the lyrical works of Victor Hugo (biblical subjects)
- Asratyan Z. D.* Synergetic Aspects of Imaginative Literature Texts
- Martynycheva A. S.* Comparative analysis of signal transmission verbs in French and Russian
- Ivanova A. D.* About the terms of modern imagology.

УДК 94(73)"1964/1973"

Т. А. Воробьева

Вьетнамский фактор в советско-американо-китайских отношениях и разрядка международной напряжённости (1964–1973)*

В статье рассматривается вьетнамская политика президентов Л. Джонсона и Р. Никсона в контексте советско-американо-китайских отношений. Анализируется влияние вьетнамского фактора на процесс формирования политики разрядки международной напряжённости. В статье показано, что вооружённый конфликт в Индокитае не привел к резкому обострению советско-американских отношений, в отличие от периода войны в Афганистане. Автор полагает, что Соединённые Штаты использовали конфликт между СССР и КНР в своих стратегических интересах, когда стало ясно, что Америка не выиграет войну во Вьетнаме.

The article deals with Vietnamese policy of U. S. presidents Lyndon Johnson and Richard Nixon in the context of Soviet-U. S. -China relations. It's analyzed the influence of the Vietnamese factor on the formation of the policy of détente. The article shows that the armed conflict in Indochina did not lead to a sharp deterioration of Soviet-American relations, unlike during the Afghan war (1979–1989). The author supposes that the United States has used the conflict between the Soviet Union and China in its strategic interest, when it became clear that America will not win the war in Vietnam.

Ключевые слова: Тонкинская резолюция; вьетнамская война, советско-американские отношения, визит Р. Никсона в Китай, Г. Киссинджер, М. Цзэдун, разрядка.

Keywords: Tonkin Resolution, The Vietnam War, Soviet-American relations, Nixon's visit to China, Henry Kissinger, M. Zedong, détente.

В системемеждународных отношений эпохи холодной войны, имевшей в своей основе, по определению Н. Косолапова [1], «миропорядок двух сверхдержав», со второй половины 1960-х гг. появился новый фактор – «Треугольник США – Китай – СССР». Как пишет отечественный американист В. Кременюк, «при всех взаимных симпатиях и антипатиях у каждой вершины треугольника, наряду с совпадающими, были свои автономные интересы» [2]. Этот тезис наглядно демонстрирует «вторая война в Индокитае» 1964–1973 гг. [3] Но специфика ситуации в годы вьетнамской войны, в отличие от корейской, заключалась в том, что СССР и США в этот период от конфронтации перешли к политике разрядки международной напряжённости, параллельно развивался процесс нормализации американо-китайских отношений. Одновременно утрата роли советско-китайского альянса, основанного в 1950 г., меняла конфигурацию блоковой конфронтации в Восточной Азии. Анализ места «вьетнамского фактора» в этих событиях является темой данной статьи.

«Вьетнамская проблема» в международных отношениях возникла как результат незавершённости процесса урегулирования ситуации в Индокитае после Женевской конференции 1954 г. Вьетнам по-прежнему оставался страной, разделённой на два государства, в Лаосе часть территории находилась под контролем Патет-Лао, в Южном Вьетнаме правил проамериканский режим Нго Динь Зьема. Повстанческие движения в разных частях Индокитая под руководством левых националистических сил для Вашингтона создавали угрозу распространения коммунизма в регионе. Американское вмешательство в южновьетнамскую ситуацию и начало раскола между КПК и КПСС совпало с новыми тенденциями в американо-советских отношениях после разрешения кубинского кризиса. Мирный исход кубинского кризиса, а затем подписание в 1963 г. Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трёх сферах, курс Москвы на мирное сосуществование с Западом, казалось, создавали предпосылки для формирования более стабильной международной системы. Американский президент Дж. Кеннеди выступил с концепцией

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6

© Воробьева Т. А., 2016

«ограниченной войны», в рамках которой был поставлен вопрос о «необходимости избежать ядерной войны с СССР и Китаем» [4]. Реалистическая позиция державами была занята по Лаосу [5]. Кеннеди стал рассматривать вопрос о возможной нормализации отношений с КНР [6].

Но одновременно с этими позитивными сдвигами в советско-американских отношениях усиливались кризисные явления в ЮВА, связанные с активностью промаоистских левых радикальных групп, лозунгом которых стал призыв Мао Цзэдуна «винтовка рождает власть» (Южный Вьетнам, Индонезия, Бирма). В 1964 г. КНР стал пятой ядерной державой, но Пекин не присоединился к договору 1963 г. Убийство президента Кеннеди активизировало в американском истеблишменте позиции сторонников политики «сдерживания коммунизма» в Азии. Так, спустя два дня после убийства Кеннеди Л. Джонсон заявил: «Я не собираюсь терять Вьетнам. Я не буду президентом, который позволит всей Юго-Восточной Азии пойти по пути Китая» [7]. По замечанию Г. Киссинджера, «Джонсон оправдывал американское вторжение во Вьетнам преимущественно ссылками на необходимость дать отпор объединенным планам Пекина и Ханоя» [8]. «Доктрина Трумэна» и «теория домино», как считает американский исследователь этой темы Дж. Харринг, по-прежнему были «самыми важными факторами в американской политике во Вьетнаме» [9].

Ситуация в Южном Вьетнаме в первой половине 1960-х гг. превращалась в «болеую точку» политики США в данном регионе. Попытка демократизации южновьетнамского режима провалилась. Кризис в Тонкинском заливе летом 1964 г. и резолюция Конгресса положили начало военному вмешательству во внутренние проблемы Южного Вьетнама [10]. Вот как характеризует обстановку в США в то время советский посол в Вашингтоне А. Добрынин: «Я, откровенно говоря, был поражен шовинистическим угаром, который охватил в этот момент Вашингтон, даже тех, кто обычно занимал более либеральные позиции. Официальная пропаганда играла тут решающую роль. Правительство Джонсона получило “благословение” конгресса на развертывание крупномасштабных военных действий в Индокитае, чем оно явно было намерено воспользоваться. Таков был вывод, о котором посольство доложило в Москву» [11]. Правда, позже сенатор Фулбрайт писал, что «многие сенаторы не приняли бы этой резолюции, если бы предвидели, что она будет истолкована как одобрение Конгрессом проведения крупномасштабной войны в Азии» [12].

Советское руководство направило президенту послание, в котором настаивало на прекращении «действий американских вооружённых сил в районе Тонкинского залива, которые могут повлечь за собой соответствующий ответ другой стороны» [13]. Джонсон в ответ на послание Н. Хрущёва предложил советскому руководству удерживать «северовьетнамцев или Пекин от дальнейших безрассудных действий в этом районе» [14]. В то же время в Москве на августовские события в Тонкинском заливе в основном отреагировали на пропагандистском уровне [15]. Что касается позиции Китая, то она была определена ещё летом 1964 г. во время поездки Чжоу Эньлая в Ханой, где присутствовали представители Патет-Лао. На встрече был рассмотрен вопрос о совместных действиях в отношении растущей угрозы Индокитаю со стороны США [16]. Через несколько дней после Тонкинского кризиса, 13 августа, первый секретарь ПТВ Ле Зуан отправился в Пекин, где встретился с Мао Цзэдуном и другими китайскими руководителями [17]. Вьетнамцы хотели выяснить позицию Пекина в связи с Тонкинской резолюцией. Однако Мао, который на тот момент не рассматривал США в качестве серьёзной силы, «решил отложить открытую конфронтацию Китая с Соединёнными Штатами». Несмотря на заявление Мао, Ле Зуан поставил вопрос о необходимости увеличения китайской помощи его стране. Отечественный историк И. Гайдук, ссылаясь на открытые в середине 1990-х гг. советские архивы, в частности документы Минобороны СССР, пишет, что китайско-вьетнамские переговоры о военном сотрудничестве и возможном вводе китайских войск в ДРВ всё-таки начались [18].

Во время разговора Мао решил выяснить отношение вьетнамского руководителя к позиции Москвы, на что последний ответил, что «советские ревизионисты хотят за наш счёт заключить сделку с американцами» [19].

В Белом доме считали, что цели советской и китайской политики в ЮВА совпадают, различия, якобы, были лишь в методах их осуществления, но в контексте политики Пекина американцы склонялись к тому, что Китай на данном этапе представляет наибольшую опасность интересам США.

Так в треугольнике США, СССР и КНР появилась вьетнамская проблема. Для Кремля важнейшим направлением во внешней политике было продолжение процесса нормализации отношений с США, и ситуация в Индокитае, особенно радикальная позиция Ханоя, могли осложнить решение этой задачи. Советское руководство, скорее всего, не возражало против факта существования двух вьетнамских государств. Однако после отставки в октябре 1964 г. Хрущёва и бомбардировки Северного Вьетнама во время пребывания там советского премьера А. Косыгина в феврале 1965 г. были внесены коррективы в советскую политику в ЮВА [20]. В Москве пришли к вы-

воду, что в окружении нового президента усиливаются позиции «ястребов». Одновременно в Кремле обратили внимание на то, что вьетнамцы, «руководствуясь своими интересами, старались создать напряжённость в отношениях между Москвой и Вашингтоном» [21]. Инициатором большей вовлечённости Советского Союза во вьетнамские дела становится А. Косыгин. Его поездка в Ханой должна была продемонстрировать не только осуждение Тонкинской резолюции, но и поддержку ДРВ в её борьбе против «американского империализма» [22].

Учитывая, что в это время шла открытая идеологическая полемика между КПСС и КПК, ДРВ превращалась в поле соперничества между Москвой и Пекином за влияние на эту страну. Но руководство ПТВ [23] проводило самостоятельный курс и мало интересовалось советско-китайскими идеологическими спорами. То, что движущей силой вьетнамской борьбы за национальное воссоединение был национализм, а не идеология, не поняли ни в США, ни в СССР, ни в КНР [24]. Поэтому в Ханое мало интересовались советско-китайскими идеологическими спорами, но нуждались в поддержке как СССР, так и КНР. В то же время самостоятельная, к тому же радикальная позиция ПТВ, которая не учитывала интересы СССР как партнёра по социалистическому лагерю, могла осложнить советско-вьетнамские отношения. К тому же непонятной для ЦК КПСС была позиция вьетнамской партии по вопросу возникших противоречий между Пекином и Москвой. На начальном этапе антисоветской кампании в КНР, по утверждению И. Гайдука, вьетнамское руководство действительно склонялось на сторону Пекина [25], хотя открыто это не демонстрировало. Маоистская идея революционной роли национально-освободительных движений на современном этапе была привлекательной, но одновременно Ханой не хотел попасть в зависимость от Китая.

Что касается американской политики в отношении Вьетнама, то она формировалась в условиях ограниченных знаний об истории и культуре его народа, слабой работы американской разведки в этой стране, в результате администрация Джонсона не смогла учесть многие нюансы индокитайской ситуации. Кроме того, среди военно-политической элиты страны были разные подходы к решению вьетнамской проблемы: одна часть выступала за дипломатические и политические методы, другая – за силовые [26]. Одновременно Вашингтон был заинтересован в советском невмешательстве в конфликт. Однако бомбардировка Ханоя во время пребывания там А. Косыгина неизбежно должна была вызвать негативную реакцию Кремля. Возможно, Белый дом послал, таким образом, своеобразный сигнал руководству СССР на случай вмешательства во вьетнамские дела [27]. Как признавали позже американские авторы, администрация Джонсона не учла и такой фактор, как наличие фракционности в руководстве ПТВ. В частности, об этом говорил профессор Стефан Моррис в 1998 г. [28] При принятии решения о военной интервенции в администрации Джонсона рассматривали на всё возмущавшие противоречия в советско-китайских отношениях [29]. Однако вплоть до 1969 г. советско-китайский конфликт развивался в рамках социалистического лагеря, и каждая сторона оказывала помощь ДРВ, проявляя интернациональную солидарность.

В течение 1965 г. в мировой политике наблюдалась дипломатическая активность на вьетнамском направлении. Так, в феврале 1965 г. де Голль и Дж. Неру предложили обсудить проблемы ЮВА в формате Женевской конференции. СССР поддержал это предложение, Китай был против любых переговоров [30]. 17 марта 1965 г. А. Громыко в беседе с английским министром иностранных дел Стюартом осудил американские бомбардировки Северного Вьетнама [31]. В апреле Москву посетила делегация ПТВ во главе с первым секретарём Ле Зуаном. По итогам встречи общалось, что СССР может послать во Вьетнам добровольцев по просьбе ДРВ [32].

В поисках мирного решения вьетнамской проблемы в середине июля этого же года состоялась встреча Косыгина с личным представителем американского президента А. Гарриманом. Советский премьер во время беседы обратил внимание на расхождение в вопросах войны и мира между Москвой и Пекином. Если советское руководство было заинтересовано в мирном урегулировании вьетнамского кризиса, то Китай занимал прямо противоположную позицию и подвергал резкой критике позицию советского руководства. Далее, оценивая американскую политику в Азии, Косыгин сказал: «Вы несете ответственность за напряженность в регионе, и народы Востока обращаются против вас». В то же время он отметил, что «мирная инициатива американцев в отношении Вьетнама никогда не будет рассматриваться в СССР как проявление слабости и не уронит престижа США» [33]. Позже Гарриман заявил, что «в СССР желают окончания войны, но не хотят казаться “мягче” Китая в глазах вьетнамцев. СССР и Югославия, в частности, не против возвращения к 17-й параллели» [34].

В феврале 1966 г. состоялась встреча советского премьера с английским в Москве. На переговорах между Г. Вильсоном и А. Косыгиным вновь был поднят вопрос о возможном возвращении к идее проведения Женевской конференции. Однако она не была поддержана ни США, ни КНР. Пекинские лидеры обвинили СССР «в сговоре с США» [35].

Для Китая поворотным пунктом в политике в отношении Вьетнама стали уже названные выше события – отставка Хрущёва и поездка Косыгина в Ханой в феврале 1965 г. Китайцы провели многочисленные встречи с зарубежными деятелями стран Азии и Африки, в ходе которых акцентировали внимание на революционной роли национально-освободительного движения, подчёркивая, что его важным звеном является борьба вьетнамцев против «американского империализма» [36]. В то же время во время визита в Пакистан в апреле 1965 г. Чжоу Эньлай через президента Аюб Хана послал своеобразный мессидж Джонсону, заявив, что «Китай не будет инициатором конфликта, если США не будут угрожать нападением на Китай» [37]. Вместе с тем китайский премьер подтвердил, что Вьетнаму его страна будет оказывать помощь. На китайско-вьетнамских переговорах китайцы настойчиво убеждали вьетнамцев, что «советская помощь не является искренней», «Москва заинтересована в отношениях с США», «вьетнамцам лучше отказаться от советской помощи» [38]. В условиях нараставшего конфликта между КПК и КПСС китайцы были заинтересованы в привлечении ПТВ на свою сторону. Однако по мере возрастания советской помощи Ханюю менялась тональность бесед вьетнамских лидеров с китайцами. Так, во время одной из таких встреч в Пекине Ле Зуан заметил, что «можно критиковать «ревизионизм», но и сотрудничать с ним, так как они тоже антиимпериалисты». В ответ на это китайские лидеры порекомендовали «не упоминать о советской помощи наравне с китайской, так как это оскорбительно для Китая» [39]. Но несмотря на увеличение объёма советской помощи, отношения Москвы с Ханюем вплоть до 1968 г. были противоречивыми [40]. По сообщению советского посла в ДРВ Щербакова, «процесс продвижения наших отношений с ПТВ и ДВР вряд ли будет устойчив» [41].

Эскалация войны во Вьетнаме не приближала США к победе. Это постепенно стали осознавать представители американской политической элиты. Так, Г. Киссинджер в статье, опубликованной в августовском номере за 1966 г. журнала “Look”, писал о неизбежности переговоров. Однако переговоры не должны были означать отказа США от своих обязательств в ЮВА и привести к усилению их противников [42]. В 1967 г. по инициативе Киссинджера его французские друзья, которые знали Хо Ши Мина, встретились в Ханое с Хо и Фам Ван Донгом. Вьетнамцы изложили свою позицию – прекращение американских бомбардировок как главное условие переговоров. В Вашингтоне не возражали, но хотели получить согласие Ханюя, что он не воспользуется этим для усиления своего военного присутствия в Южном Вьетнаме [43]. Вопрос о переходе к дипломатическим методам становился актуальным в преддверии очередных президентских выборов.

По нескольким причинам переломным этапом стал 1968 г. В ночь вьетнамского нового года Тэт была проведена внезапная крупная операция национальных сил освобождения против американо-сайгонской армии. «Операция Тэт», по заявлению президента, изменила подходы США к продолжению войны уже на официальном уровне. Так, часть советников Джонсона (К. Клиффорд, С. Вэнс, Д. Ачесон и др.) считала, что дальнейшее ведение войны бесперспективно и все «усилия по завоеванию умов и сердец вьетнамцев в конечном итоге ведут к катастрофе». Мнения разошлись по вопросу продолжения или прекращения бомбардировок ДРВ [44]. Так, Гарриман в послании президенту просил отменить бомбардировки Северного Вьетнама [45]. Встал вопрос о необходимости привлечения Москвы для оказания давления на вьетнамское руководство [46]. Об этом говорил Джонсон в “Glassboro State College” в Нью-Джерси. Речь шла о необходимости советского сотрудничества не только в обеспечении мирного урегулирования во Вьетнаме, но и в решении других вопросов [47]. Косыгин в письме американскому президенту в качестве предварительного условия согласия ДРВ на переговоры предложил прекратить американские бомбардировки, заверив, что это откроет путь к миру [48].

В ведомстве госсекретаря Д. Раска прошло обсуждение советских предложений, на котором присутствовали известные политики – Гарриман, К. Клиффорд, У. Липмэн, С. Вэнс и др. [49] Мнения разошлись. Так, Гарриман, Клиффорд, Вэнс считали, что предложение советского премьера представляет большой интерес и им надо воспользоваться. При этом обратили внимание на то, что предложения Москвы «не нарушат интересы США в сфере безопасности». Не осталось без внимания и обещание убедить Ханюя начать встречи в Париже [50]. Участники совещания согласились с тем, что следует «правильно использовать эту позицию советского руководства, чтобы не упустить шанс, иначе это приведёт к усилению влияния Пекина на Ханюя». Скептически настроенные участники дискуссии аргументировали свою позицию тем, что предлагая прекратить бомбардировки и другие военные действия, Москва не даёт никаких обязательств со своей стороны и ДРВ. Главный интерес Кремля во Вьетнаме – идеологический, и «если мы прекратим бомбардировки, то выиграет Москва» [51]. Сомнение вызвала также неопределённость советской позиции в отношении ситуации в Южном Вьетнаме. В итоге ответное послание американского президента на это письмо, по словам А. Добрынина, «было не по существу» [52].

Операция Тэт резко изменила настроения в американском обществе. Стало больше «голубей», чем «ястребов» [53]. «Национального единства» в отношении политики президента во Вьетнаме уже не было. В стране активно расширялось антивоенное движение.

Параллельно укреплялись связи Москвы с Ханоем. В апреле 1968 г. вьетнамская делегация побывала в Москве и получила полную поддержку. В Пекине «осудили советское давление на ДРВ и решение вьетнамцев пойти на переговоры» [54]. События в Чехословакии также не прошли бесследно для участников вьетнамского конфликта. Ханой поддержал ввод советских войск в Чехословакию, и с этого времени всё заметнее вьетнамские руководители дистанцировались от Пекина. Однако нельзя переоценивать уровень советско-вьетнамского сближения после 1968 г. Приведённые Гайдуком документы свидетельствуют, что степень влияния Москвы на Ханой в Пекине преувеличивали. Как указывает этот автор, Ханой по-прежнему стремился «получить максимальную прибыль от своих отношений с СССР и Китаем, но одновременно избавлялся от китайского попечительства и старался избежать зависимости от Москвы» [55]. Параллельно резко обострились разногласия между СССР и КНР. Свою лепту в ухудшение отношений внесла и советская пропаганда. Китай обвинялся в том, что он препятствует прекращению войны в Индокитае [56]. Однако «даже в самый разгар полемики не было попыток “отлучить” КНР от социализма и представить Китай в качестве “врага номер один” Советского Союза», – считал бывший дипломат Б. Кулик [57].

Что касается США, то новая доктрина Брежнева была встречена с беспокойством в Вашингтоне. В результате были приостановлены переговоры с Москвой по общим проблемам. Тем не менее это не помешало США и СССР добиться того, что в ноябре 1968 г. в Париже открылись четырёхсторонние переговоры и США прекратили бомбардировки ДРВ. Советскому Союзу пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить в этом вьетнамцев. Американский исследователь С. Моррис, который в 1992–1993 гг. работал в российских архивах, отмечал, что в Москве видели, что «вьетнамским руководителям не хватало трезвой оценки реальности» [58].

В 1969 г. в Белом доме появился новый президент – лидер республиканской партии Р. Никсон. Главную роль в формировании внешнеполитического курса президента исполнял его помощник по национальной безопасности Г. Киссинджер [59]. «Гуамская доктрина» (политика вьетнамизации) Никсона предполагала вывод американских войск из Индокитая, однако, как пишет Киссинджер, «односторонний уход мог превратиться в геополитическую катастрофу». Для США важно было не утратить своего лидерства не только в Азии, но и в мире [60]. В частности, эта позиция нашла отражение в ответе Киссинджера Шарлю де Голлю. Когда французский президент спросил: «Почему бы американцам не уйти из Вьетнама?», – последовал ответ: «Это может подорвать доверие к США» [61].

Начало 1969 г. для новой администрации характеризовалось не только патовой ситуацией на Парижских переговорах, но и напряжёнными отношениями с СССР и Китаем. Однако в Белом доме рассчитывали на заинтересованность Москвы в переговорах об ограничении стратегических вооружений, а также в решении других проблем, выходящих за пределы Индокитая. Никсон решил использовать Советский Союз в своей вьетнамской политике. Тактика Вашингтона заключалась в том, чтобы поставить «прогресс по общим вопросам» в зависимость от позиции СССР в отношении разрешения вьетнамского конфликта. Об этом он прямо сказал Добрынину во время встречи 17 февраля 1969 г. Советский посол согласился, что «прогресс на пути к миру во Вьетнаме будет способствовать улучшению общих отношений, но такая постановка связана с попыткой шантажировать нас обратной связью» [62]. Киссинджер в книге «Годы в Белом доме» писал: «Во всех своих переговорах с Добрыниным я подчёркивал, что базисом для улучшения советско-американских отношений может стать только урегулирование войны. Добрынин ссылался на то, что советское влияние на Ханой ограничено. В ответ мы откладывали все переговоры, стратегически важные для СССР – ОСВ, Ближний Восток, расширение экономического сотрудничества» [63].

В первые годы правления Никсона вопросы ограничения стратегических вооружений в советско-американских отношениях не были первоочередными. Приоритетным направлением во внешней политике были Вьетнам и Ближний Восток. Тем не менее в ноябре 1969 г. был начат «многолетний переговорный процесс по ограничению стратегических ядерных вооружений, который постепенно стал барометром наших общих отношений с США», – пишет А. Добрынин [64]. В отношении вьетнамского конфликта советское руководство стало проявлять большую активность не только под давлением США, но и в связи с обострением советско-китайских отношений.

Добрынин был прав, когда говорил об ограниченном советском влиянии на руководство ДРВ, так как, несмотря на возрастающий объём советской военной помощи, жёсткая позиция руководителей ДРВ не способствовала прогрессу на переговорах в Париже в течение 1969–1971 гг. Они шли трудно, северовьетнамская делегация не желала отказываться от своего плана урегули-

рования и идти на уступки американцам, сдержанно относилась к посредническим усилиям СССР. Проблема заключалась в том, что для вьетнамских коммунистов главным вопросом было обеспечение объединения страны после вывода американских войск из Индокитая. Перелом наступил в 1972 г. В попытке заставить Северный Вьетнам вернуться за стол переговоров Никсон решил возобновить полномасштабные воздушные бомбардировки всей территории Северного Вьетнама с использованием новейших бомб с более точным наведением, минировать северовьетнамские порты и внутренние водные пути [65]. Однако эта жёсткая позиция Никсона не сказалась на процессе ухудшения отношений с СССР и Китаем. Наоборот, в феврале он совершил поездку в КНР, а в мае – в Москву, где подписал соглашение об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) и договор по ПРО. В свою очередь Москва и Пекин оказали давление на Ханой [66].

На заключительном этапе войны США в Индокитае в американской политике возросло значение китайского фактора. События на советско-китайской границе в марте 1969 г. привлекли внимание Вашингтона. По словам Киссинджера, первоначально американцы считали, что «вероятный агрессор – это СССР». Но вскоре советский посол А. Добрынин встретился с Киссинджером и предоставил информацию о том, что произошло. Это вызвало удивление у помощника президента по национальной безопасности. В своей книге «О Китае» он пишет: «Совершенно неслыханное дело – в холодный период холодной войны Советский Союз ставил нас в известность о таком далеком от обычных тем нашего диалога событии» [67]. В Вашингтоне наблюдали, как «монолитная советско-китайская угроза уходила в прошлое», и делали соответствующие выводы. Конфликт между СССР и КНР можно было использовать в американских интересах. Кроме того, нормализация отношений с КНР давала Никсону возможность пересмотра американского подхода к внешней политике в условиях выхода из индокитайского конфликта [68].

Одновременно перестраивался внешнеполитический курс Мао Цзэдуна на фоне нагнетания пропагандистской кампании на тему «советской угрозы» Китаю. Теперь в Пекине рассматривали сближение с США как стратегическую необходимость. Таким образом, хотя и по разным причинам, интересы США и КНР стали совпадать. Но «сближение США и КНР создавало для Москвы крайне неприятную геополитическую конфигурацию на Дальнем Востоке и в целом в Евразии. Значимость китайского фактора не только с точки зрения влияния на ход Вьетнамской войны, но и, в общем, для развития процесса разрядки состояла, прежде всего, в том, что американо-китайское сближение должно было подтолкнуть СССР к более активному сотрудничеству с США. Москва, по замыслу творцов американской политики Киссинджера и Никсона, должна была попытаться предупредить Пекин на пути сближения с Вашингтоном, для того чтобы не оказаться в ситуации жесткого противостояния сразу и с США, и с Китаем», – резюмируют современные отечественные авторы [69].

Важное место в развитии американского курса занял визит Р. Никсона в Китай в феврале 1972 г. Накануне поездки президента был обнародован меморандум, в котором подчёркивалось, что этот визит не означает отказа от применения военной силы, чтобы заставить ДРВ продолжать переговоры [70]. 4 февраля министру обороны поступило распоряжение о готовности авиации для нанесения ударов по материально-техническим объектам ДРВ. Сухопутные операции в связи с политикой вьетнамизации утрачивали своё значение, акцент переносился на бомбардировки.

Первый в истории американо-китайских отношений визит американского президента в Китай проходил с 21 по 28 февраля [71]. Во время пребывания в Пекине на встрече с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и другими руководителями были подняты вопросы не только американо-китайских, но и советско-китайских отношений и многие другие. В данной статье мы коснёмся лишь обсуждения Индокитайской проблемы, тем более что в Шанхайском коммюнике она не была особо выделена. Из вопросов, которые касались отношений в рамках формировавшегося треугольника, интерес у китайской стороны вызвали советско-американские переговоры. Никсон подчеркнул важность этих переговоров, указав, что «баланс ядерной энергетики нарушается, Советский Союз продвигается вперед с очень тревожными темпами в течение последних четырех лет. Я определил, что США не должны отставать, иначе наш щит, защищающий Европу или некоторые народы Тихого океана, с которыми у нас есть договоры, будет бесполезен» [72]. Заверив китайскую сторону, что Пекин будет получать информацию о ходе советско-американских переговоров, президент предложил обсудить ситуацию в Индокитае, назвав этот вопрос «решающим». Для американцев важно было узнать отношение Пекина к Парижским переговорам, к позиции ДРВ на этих переговорах. При этом, с точки зрения Никсона, жёсткая позиция Ханоя скорее всего объяснялась поддержкой, оказываемой Москвой, которая, таким образом, хотела укрепить свои позиции в Северном Вьетнаме [73]. На китайской позиции в этом вопросе довольно подробно остановился Чжоу Эньлай. Он упрекнул американцев в том, что они в своё время нарушили Женевские соглашения, не проведя предусмотренных общевьетнамских выборов, на которых

победил бы Хо Ши Мин. Также высказал опасение, как бы американский план мирного урегулирования конфликта не привёл к усилению советского влияния в регионе [74]. Что касается китайской позиции, то премьер заявил, что они будут поддерживать борьбу народов Индокитая [75]. Это нашло отражение и в официальной пропаганде. По-прежнему были лозунги борьбы против американского империализма, правда, постепенно на первый план выходили другие – борьбы против советского ревизионизма. В Вашингтоне должны были признать, что ни СССР, ни КНР не откажутся от дальнейшей помощи ДРВ. Не случайно копия ответа Никсону о китайской позиции по Индокитаю была отправлена в Ханой. Однако там все эти заявления встретили скептической репликой: «иногда державы договариваются за счёт малых стран и давят их» [76]. Политику «наведения мостов» Никсона называли «лживой» [77].

Интересную характеристику влияния американо-китайского сближения на отношения между США и СССР дал Киссинджер. Так, оценивая позицию Китая, он писал, что «для Мао Цзэдуна открытие Америки для Китая было средством умножить советские подозрения и усилить напряжённость между Соединёнными Штатами и Советским Союзом». Однако Мао не учёл, что у США «имелись собственные и весьма важные стратегические варианты», и поэтому «контакты между ядерными сверхдержавами умножились» [78]. В связи с этим следует остановиться на визите Никсона в мае 1972 г. в Москву. Этому событию предшествовала напряжённость в советско-американских отношениях: усилились бомбардировки Северного Вьетнама. На встрече с Добрыниным 12 апреля Киссинджер обвинил СССР в том, что тот несёт ответственность за войну во Вьетнаме, ибо боится усиления китайского влияния [79]. Однако параллельно обсуждался вопрос о встрече на высшем уровне по общим проблемам. В это время проходили переговоры в Хельсинки по стратегическим ядерным вооружениям. В послании президента помощнику по национальной безопасности указывалось, что встреча на высшем уровне с точки зрения долгосрочных интересов США является жизненно важной [80].

1 мая Никсон получил письмо от Л. Брежнева. Советский руководитель высказал озабоченность по поводу саммита, на ход которого могла повлиять позиция ДРВ на переговорах. В письме прозвучали заверения, что Москва предпринимает шаги, чтобы политика Северного Вьетнама была более гибкой. С этой целью Ханой посетила делегация ЦК КПСС. В то же время советский руководитель отметил, что «решающее значение... будет иметь курс США, насколько американцы в состоянии проявлять необходимую сдержанность в своих действиях и готовность к поиску на переговорах (в Париже. – Т. В.) решений, действительно приемлемых для обеих сторон». Однако, несмотря на сложности с разрешением вьетнамской проблемы, в Кремле были уверены, что по важнейшему вопросу стратегических ядерных вооружений оба правительства имеют полное взаимопонимание [81]. Вот как прокомментировал это письмо Киссинджер: «Никсон увидел в письме подтверждение всех своих подозрений, что Ханой и Москва были в сговоре. Для меня, однако, вмешательство Брежнева казалась не более чем стандартной риторикой. Его письмо не несло никакой угрозы; он говорил о влиянии бомбардировок на “атмосферу” саммита; он не сделал никакого намека на его отмену» [82].

С точки зрения Белого дома, в советской политике в отношении США и европейских проблем наблюдались изменения и понимание необходимости «селективной разрядки», которая может дать конкретные выгоды, в частности в получении доступа к американским научным методам и технологиям, расширению экономического сотрудничества, если политические проблемы будут разрешены [83]. На встрече с Брежневым в Москве Никсон затронул и вьетнамскую проблему. В частности, он сказал, что «вьетнамское урегулирование откроет сотрудничество по всем остальным вопросам. Обе стороны “должны мыслить масштабно” за счет сокращения вооружений, удваивая торговлю и соблюдение нейтралитета» [84]. В ответ на это Брежнев сообщил, что достигнуто взаимопонимание между Москвой и Ханоем почти по всем вопросам и делегация ДРВ направила послание в Вашингтон и в Южный Вьетнам о согласии на возобновление работы 150-й сессии конференции в Париже 25 мая. На это последовала ремарка президента: «У нас будет возможность обсудить это позже. Мы провели уже 149 сессий, и никакого прогресса. Когда у нас будут конкретные гарантии прогресса, то мы можем рассмотреть этот вопрос» [85]. Американская сторона была заинтересована в использовании СССР для оказания давления на руководителей ДРВ, но это участие ограничивалось, так как Кремль не посвящался в секретные переговоры, которые Киссинджер, американский посол в Париже и другие вели с вьетнамцами. В целом, проблемы Индокитая на московской встрече не так широко обсуждались, как на встрече Никсона с китайскими руководителями.

При силовом давлении США (рождественские бомбардировки Северного Вьетнама в декабре 1972 г.), а также под давлением Москвы и Пекина на ДРВ в январе 1973 г. были подписаны Парижские мирные соглашения. Война для американцев в Индокитае закончилась, но продолжалась борьба Северного Вьетнама совместно с НФОЮВ [86] против сайгонской администрации. В

результате весной 1975 г. длительная борьба под руководством вьетнамских коммунистов за независимость, и объединение страны завершилась.

Итак, подведём итоги. Вооружённый конфликт в Индокитае не привел к резкому обострению советско-американских отношений, в отличие от более поздних событий, когда Советский Союз ввёл свои войска в Афганистан. Наоборот, в биполярную структуру мира вошло понятие разрядки международной напряжённости, которая привела не только к подписанию договоров ОСВ-1 и ПРО, но и урегулировала ряд европейских проблем, создала общие рамки европейской безопасности (совещание в Хельсинки 1975 г.). Политика Советского руководства в отношении Вьетнама формировалась в контексте начавшейся разрядки, что позволило, в конечном итоге, подтолкнуть вьетнамских коммунистов к заключению мира с США. Создавались пока ещё слабые предпосылки встраивания СССР в общую систему международного порядка.

В условиях нараставшего конфликта между КНР и СССР в Вашингтоне увидели возможность использовать китайский фактор в своих стратегических интересах, особенно когда стало ясно, что во вьетнамской войне Штатам не выиграть. Можно согласиться со словами Р. Родмэна, который в 1990-е гг. был директором национальных программ безопасности в Центре Никсона: «Китай в конфликте с СССР помог нам не только тактически закончить войну, но и реструктурировать международную политику на ближайшие 10–20 лет» [87]. Начавшийся процесс нормализации американо-китайских отношений был своеобразным ударом по блоковой конфронтации в Восточной Азии, которая основывалась, с одной стороны, на советско-китайском военно-политическом союзе (Никсон на переговорах в Пекине назвал его «дьявольским союзом против США»), а с другой – на американо-японском пакте о безопасности и «перестраховочных договорах» со странами ЮВА. Одна из частей этой структуры распалась и положила начало формированию новой – треугольнику США – СССР – КНР [88]. Вьетнамский кризис в этом отношении сыграл заметную роль. Играя на соперничестве Москвы и Пекина за влияние на ДРВ, США смогли избежать прямого столкновения в Индокитае с Китаем и Советским Союзом.

Важным уроком для США должен был стать фактор национализма в третьем мире. Однако, как показали события уже после окончания холодной войны, этот «вьетнамский урок» не был усвоен. Тогда же была поставлена ещё одна проблема – насколько оправданно вмешательство, в частности США, во внутренние дела чужой страны, региона, на принципах защиты национальных интересов. Однако закончить статью хочется словами Р. Никсона, сказанными незадолго до ухода из жизни: «Возможно, если бы США победили во Вьетнаме, Советский Союз вторгся бы в Афганистан, не отошёл бы от разрядки. Но в то же время поражение во Вьетнаме определенно способствовало геополитической победе США и свободного мира» [89]. Но это уже требует нового исследования.

Примечания

1. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Ф. Г. Войтоловский и др. М., 2005. С. 10.
2. Кременюк В. А. «Чем дальше в лес...»: нарастание неравномерности в треугольнике США – Китай – Россия // Сравнительная политика. 2012. № 4(10). С. 36.
3. Первая война – 1946–1954 гг., когда Франция пыталась сохранить свою колонию Индокитай. На стороне Франции в этой войне выступал президент Г. Трумэн.
4. Дэвидсон Ф. Война во Вьетнаме. М., 2002. С. 338.
5. Соглашение о нейтралитете Лаоса; *McMaster H. R. Dereliction of Duty Lyndon Johnson, Robert McNamara, the Joint Chiefs of Staff, and the Lie That Led to Vietnam.* N. Y., 1997.
6. *Jaw-ling Joanne Chang. United States-China Normalization: An Evaluation of Foreign Policy Decision Making // Occasional Papers. Reprints Series in Contemporary Asian Studies number 4, 1986 (75).* P. 27.
7. Дэвидсон Ф. Война во Вьетнаме. С. 312; *Anderson D. The Vietnam War.* N. Y.: Palgrave MacMillan, 2005. P. 42.
8. Киссинджер Г. О Китае. М., 2012. С. 228.
9. Цит. по: *Giszcza R. America's Longest War. The United States in Vietnam 1950–1975* by George C. Herring. John Wiley & Sons, 1979 // *Zeszyty naukowe wyższej szkoły pedagogicznej w rzeszowie. seria filologiczna. zeszyt 42/2001.* URL: https://www.ur.edu.pl/file/1224/sar_v2_20.pdf (дата обращения – 02.10.2016)
10. Тонкинская резолюция была ответом Вашингтона на обстрел американских авианосцев вьетнамскими катерами 2 и 4 августа 1964 г. Позже эти события ряд авторов расценили как провокацию со стороны США. Например, У. Лафбер писал, что Конгресс совершил одну из серьёзных ошибок в формировании внешней политики страны. См.: *Lafeber W. America, Russia and Gold War.* N. Y., 1985. P. 240; Системная история международных отношений: в 4 т. Т. 3. События 1945–2003 / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2003. С. 287; Дэвидсон Ф. Б. Война во Вьетнаме. С. 322–324. 4 июня 1970 года Сенат отменил «Тонкинскую резолюцию» с такой же поспешностью, с какой он содействовал ее принятию шесть лет назад. См.: *Добрынин А. Сугубо доверительно.* М., 1997. С. 119.
11. *Добрынин А. Указ. соч.* С. 119.

12. America's Vietnam War in Indochina. URL: <http://www.u-s-history.com/pages/h1888.html> (дата обращения – 03.10.2016)
13. Добрынин А. Указ. соч. С. 119.
14. Там же. С. 120.
15. *Mao Lin*. China and the Escalation of the Vietnam War. The First Years of the Johnson Administration // Cold War Studies. 2009. Vol. 11. № 2. P. 58.
16. *Gaiduk I. V.* The Vietnam War and Soviet-American Relations, 1964–1973: New Russian Evidence // Gold War International History Project Bulletin. 1995. № 6–7. P. 235.
17. 77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina, 1964–1977 // Gold War International History Project Bulletin. 1998. № 22. P. 10, 72.
18. См. *Gaiduk I. V.* The Vietnam War and Soviet-American Relations... P. 250.
19. 77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders... P. 72.
20. Бомбардировка американцев была ответной акцией на неожиданное нападение Вьетконга на лагерь американцев около южновьетнамского города Плейку. При этом северовьетнамцы не поставили предварительно в известность советскую сторону.
21. Добрынин А. Указ. соч. С. 127.
22. Chinese and Soviet Involvement in Vietnam. URL: <http://alphahistory.com/vietnamwar/chinese-and-soviet-involvement/> (дата обращения – 03.10.2016)
23. Партия трудящихся Вьетнама.
24. *William J. Duiker W. J.* U. S. Containment Policy and the Conflict in Indochina. California, 1994. P. vi.
25. См.: *Gaiduk I. V.* The Vietnam War and Soviet-American Relations... P. 250–251;
26. См.: Тимошенко А. Г. Эскалация агрессии США во Вьетнаме и американский конгресс (1965–1968 гг.) // Исторические и историографические проблемы американской и английской буржуазной дипломатии / отв. ред. С. С. Григорьевич. Томск, 1991. С. 154–155.
27. *Anderson D.* The Vietnam War... P. 45.
28. The Paris Agreement on Vietnam: Twenty-five years later, Conference Transcript, The Nixon Center, Washington, DC, April 1998 // Documents Relating to American Foreign Policy Vietnam. URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/vietnam.htm> (дата обращения – 04.10.2016)
29. *Mao Lin*. China and the Escalation of the Vietnam War... P. 35.
30. The Pentagon Papers... P. 2.
31. Ibid. P. 4.
32. Ibid. P. 8.
33. FRUS, 1964–1968, Vietnam. Vol. 3. June – December 1965. Wash., 1996. Doc. 59. P. 147–153.
34. The Pentagon Papers... P. 11.
35. Ibid. P. 19, 20.
36. См. Ряд документов, опубликованных в: “77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina, 1964–1977”.
37. Zhou Enlai and Pakistani President Ayub Khan // 77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders... Doc. 6. P. 80; *Gaiduk I. V.* The Vietnam War and Soviet-American Relations... P. 236.
38. 77 Conversations between Chinese and... Док. 14, с. 87; док. 19, с. 94; док. 9, 10, 11.
39. Ibid. P. 94, 95.
40. Сведения взяты из работы И. В. Гайдука. См. *Gaiduk I. V.* The Vietnam War and Soviet-American Relations, 1964–1973: New Russian Evidence. . .
41. Здесь и далее ссылки: *Gaiduk I. V.* The Vietnam War and Soviet-American Relations... P. 251, 252.
42. *Isaacson W.* Kissinger: A Biography. Wash., L. 1992 (2005) P. 120.
43. Ibid. P. 121.
44. FRUS, 1964–1968, Vol. 6. Vietnam, January – august 1968. Wash., 2002. Doc. 172. P. 501.
45. Ibid. Doc. 174. P. 510.
46. Ibid. Doc. 269. P. 783.
47. FRUS: 1964–1968. Vol. 6. Vietnam. Wash., 2002. Doc. 258. P. 745n. Подробнее см.: Public Papers of the Presidents of the United States: Lyndon B. Johnson, 1968–69, Book I, p. 679–684
48. FRUS: 1964–1968. V. 6. Vietnam. Doc. 262.
49. Текст обсуждения см.: FRUS: 1964–1968. Vol. 6. P. 767 etc.
50. Ibid. P. 770, 771.
51. Ч. Болен – посол США в Париже.
52. FRUS: 1964–1968. Vol. 6. Doc. 272. P. 789.
53. *Giszczak R.* America's Longest War. The United States in Vietnam 1950–1975... С. 181.
54. 77 Conversations between Chinese and... Doc. 37. P. 135, 23.
55. *Gaiduk I. V.* The Vietnam War and Soviet-American Relations... P. 251.
56. Каменская Е. В. «Культурная революция» в Китае во второй половине 1960-х годов на страницах советской прессы и в восприятии населения // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 4(27). С. 162.
57. Кулик Б. Т. Советско-китайский конфликт в контексте мировой политики // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение / отв. ред. Л. Н. Нежинский. М., 1995. С. 378.
58. The Paris Agreement on Vietnam: Twenty-five years later...
59. О работе Г. Киссинджера на этом посту, а потом и государственного секретаря подробнее

см.: *Kissinger H. White House Years* Wash., 1979. V. 1; *Isaacson W. Kissinger: A Biography*. Wash., L. 1992 (2005).

60. *Киссинджер Г. Дипломатия*. М., 1997. С. 616; *Ouden R. den. Failure in Vietnam and Afghanistan. A comparative analysis of the U. S. and Soviet Interventions*. P. 17. // *Comparative History 2009–2011*. Universiteit Utrecht. URL: <http://dspace.library.uu.nl/handle/1874/204888> (дата обращения – 30.09.2016)

61. *Isaacson W. Kissinger: A Biography*. ... P. 161.

62. См.: FRUS, 1969–1976. Vol. 6. Vietnam, January 1969 – July 1970. Wash., 2006. Doc. 53, 60, 84 etc.; *Kissinger H. White House Years*. P. 160, 170, 179, 180. К сожалению, А. Добрынин в своих воспоминаниях не отметил этот момент встреч. Зато положительно была оценена беседа с Г. Киссинджером: «Эта встреча положила начало функционированию конфиденциального канала между высшим руководством обеих стран, который бесперебойно действовал в течение почти шести лет». См.: *Добрынин А. Указ. соч.* С. 186–188.

63. *Kissinger H. White House Years*. P. 322–323.

64. *Добрынин А. Указ. соч.* С. 190.

65. *Дэвидсон Ф. Б. Война в Индокитае*. С. 680.

66. *Anderson D. L. The Vietnam War*. N. Y., 2005. P. 100.

67. *Киссинджер Г. О Китае*. М., 2012. С. 239.

68. Там же. С. 237.

69. От миропорядка империй к имперскому миропорядку. С. 94.

70. FRUS, 1969–1976. Vol. 8, Vietnam, January – October 1972. Wash., 2010. P. 79.

71. Переговоры опубликованы: FRUS, 1969–1976. Vol. 17. China, 1969–1972. Wash., 2006. Doc. 196. P. 694–719.

72. Ibid. P. 702.

73. Ibid. P. 715.

74. Ibid. P. 711.

75. Ibid. P. 712.

76. *Anderson D. L. The Vietnam War*. P. 101, 102.

77. The Paris Agreement on Vietnam: Twenty-five years later...

78. *Киссинджер Г. О Китае*. С. 312.

79. FRUS, 1969–1976. Vol. 8. Doc. 76. P. 250.

80. Ibid. Doc. 93. P. 307.

81. FRUS, 1969–1976. Vol. 14, Soviet Union, October 1971 – May 1972. Wash., 2006. Doc. 181. P. 670–671.

82. *Kissinger H. White House Years*. P. 1168–1169; FRUS, 1969–1976. Vol. 14. P. 672.

83. FRUS, 1969–1976. Vol. 14. P. 933.

84. Ibid. P. 993.

85. Ibid. P. 1022.

86. Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама – левая национально-революционная организация, которая сформировала Временное революционное правительство Южного Вьетнама.

87. The Paris Agreement on Vietnam: Twenty-five years later...

88. К концу 1970-х гг. Пекином был денонсирован советско-китайский договор 1950 г., а объединение Вьетнама и провозглашение СРВ положило окончание блока СЕАТО.

89. The Paris Agreement on Vietnam: Twenty-five years later...

Notes

1. От миропорядка империй к имперскому миропорядку [From the world order of empires to the Imperial world order] / resp. ed. F. G. Voitlovskiy and others. M. 2005. P. 10.

2. *Kremeniuk V. A. "СНem dal'she v les...": narastanie neravnomernosti v treugol'nike SSHA – Kitaj – Rossiya* ["The farther into the forest...": increase of non-uniformity in the triangle USA – China – Russia] // *Sravnitel'naya politika – Comparative politics*. 2012, No. 4(10), p. 36.

3. The first war when France tried to keep its colony of Indochina was 1946–1954. On the side of France in this war were President Truman.

4. *Davidson F. Vojna vo V'etname* [Vietnam War]. M. 2002. P. 338.

5. *Soglashenie o nejtralitete Laosa - The agreement on the neutrality of Laos*; *McMaster H. R. Dereliction of Duty Lyndon Johnson, Robert McNamara, the Joint Chiefs of Staff, and the Lie That Led to Vietnam*. N. Y., 1997.

6. *Jaw-ling Joanne Chang. United States-China Normalization: An Evaluation of Foreign Policy Decision Making* // *Occasional Papers. Reprints Series in Contemporary Asian Studies number 4, 1986 (75)*. P. 27.

7. *Davidson F. Vojna vo V'etname* [The war in Vietnam]. P. 312; *Anderson D. The Vietnam War*. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2005. P. 42.

8. *Kissinger G. O Kitae* [About China]. M. 2012. P. 228.

9. Cit. by: *Giszczak R. America's Longest War. The United States in Vietnam 1950–1975* by George C. Herring. John Wiley & Sons, 1979 // *Zeszyty naukowe wyśszej szkoły pedagogicznej w rzeszowie. seria filologiczna. zeszyt 42/2001*. Available at: https://www.ur.edu.pl/file/1224/sar_v2_20.pdf (date accessed – 02.10.2016)

10. Tonkin resolution was Washington's response to the shelling of the U.S. aircraft carriers by Vietnamese boats on the 2 and 4 August 1964. Later these events a number of authors regarded as a provocation by the US. For example, *W. Lafeber* wrote that Congress had made one of serious mistakes in the formation of foreign policy of the country. See: *Lafeber W. America, Russia and Gold War*. N. Y., 1985. P. 240; *Systemic history of international relations: in 4 vol. Vol. 3. Events of 1945–2003* / edited by A. D. Bogaturov. M. 2003. P. 287.; *Davidson F. B. Vojna vo*

V'etname [War in Vietnam]. Pp. 322-324. 4 June 1970 the Senate repealed the "Tonkin resolution" with the same haste with which it contributed to its adoption six years ago. See: Dobrynin A. Sugubo doveritel'no [Strictly confidential]. M. 1997. P. 119.

11. Dobrynin A. Op. cit. P. 119.

12. America's war in Vietnam and in Indochina. Available at: <http://www.u-s-history.com/pages/h1888.html> (date accessed – 03.10.2016)

13. Dobrynin A. Op. cit. P. 119.

14. Ibid. P. 120.

15. Mao Lin. China and the Escalation of the Vietnam War. The First Years of the Johnson Administration // Cold War Studies. 2009. Vol. 11. № 2. P. 58.

16. Gaiduk I. V. The Vietnam War and Soviet-American Relations, 1964–1973: New Russian Evidence // Gold War International History Project Bulletin. 1995. № 6–7. P. 235.

17. 77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina, 1964–1977 // Gold War International History Project Bulletin. 1998. № 22. P. 10, 72.

18. See: Gaiduk I. V. The Vietnam War and Soviet-American Relations... P. 250.

19. 77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders... P. 72.

20. The bombing by the Americans was a retaliatory action on Vietcong surprise attack on the camp of the Americans near the South Vietnamese town Pleiku. The North Vietnamese did not put pre-known to the Soviet side.

21. Dobrynin A. Op. cit. P. 127.

22. Chinese and Soviet Involvement in Vietnam. Available at: <http://alphahistory.com/vietnamwar/chinese-and-soviet-involvement/> (date accessed – 03.10.2016)

23. The Vietnam workers' party

24. William J. Duiker W. J. U. S. Containment Policy and the Conflict in Indochina. California, 1994. P. vi.

25. See: Gaiduk I. V. The Vietnam War and Soviet-American Relations... Pp. 250–251;

26. See: Timoshenko A. G. EHskalaciya agressii SSHA vo V'etname i amerikanskij kongress (1965–1968 gg.) [Escalation of U.S. aggression in Vietnam and US Congress (1965–1968)] // Istoricheskie i istoriograficheskie problemy amerikanskoj i anglijskoj burzhuznoj diplomatii – Historical and historiographical problems of the American and English bourgeois diplomacy / resp. ed. S. S. Grigortsevich. Tomsk. 1991. Pp. 154–155.

27. Anderson D. The Vietnam War... P. 45.

28. The Paris Agreement on Vietnam: Twenty-five years later, Conference Transcript, The Nixon Center, Washington, DC, April 1998 // Documents Relating to American Foreign Policy Vietnam. Available at: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/vietnam>. (date accessed – 04.10.2016)

29. Mao Lin. China and the Escalation of the Vietnam War... P. 35.

30. The Pentagon Papers... P. 2.

31. Ibid. P. 4.

32. Ibid. P. 8.

33. FRUS, 1964–1968, Vietnam. Vol. 3. June – December 1965. Wash., 1996. Doc. 59. Pp. 147–153.

34. The Pentagon Papers... P. 11.

35. Ibid. Pp. 19, 20.

36. See: A number of documents published in: "77 conversations between Chinese and foreign leaders on the wars in Indochina, 1964–1977".

37. Zhou Enlai and Pakistani President Ayub Khan // 77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders... Doc. 6. P. 80; Gaiduk I. V. The Vietnam War and Soviet-American Relations... P. 236.

38. 77 conversations between Chinese and... Doc. 14, p. 87; Doc. 19, p. 94; Doc. 9, 10, 11.

39. Ibid. Pp. 94, 95.

40. Information is taken from work of I. V. Haiduk. See: Gaiduk I. V. The Vietnam War and Soviet-American Relations, 1964–1973: New Russian Evidence... .

41. Hereinafter references: Gaiduk I. V. The Vietnam War and Soviet-American Relations... P. 251, 252.

42. Isaacson W. Kissinger: A Biography. Wash., L. 1992 (2005) P. 120.

43. Ibid. P. 121.

44. FRUS, 1964–1968, Vol. 6. Vietnam, January – August 1968. Wash., 2002. Doc. 172. P. 501.

45. Ibid. Doc. 174. P. 510.

46. Ibid. Doc. 269. P. 783.

47. FRUS: 1964–1968. Vol. 6. Vietnam. Wash., 2002. Doc. 258. P. 745n. For more information see: Public Papers of the Presidents of the United States: Lyndon B. Johnson, 1968–69, Book I, pp. 679–684

48. FRUS: 1964–1968. V. 6. Vietnam. Doc. 262.

49. The text of the discussion see: FRUS: 1964–1968. Vol. 6. P. 767, etc.

50. Ibid. Pp. 770, 771.

51. Ch. Bohlen is U.S. Ambassador in Paris.

52. FRUS: 1964–1968. Vol. 6. Doc. 272. P. 789.

53. Giszczak R. America's Longest War. The United States in Vietnam 1950–1975... C. 181.

54. 77 Conversations between Chinese and... Doc. 37. P. 135, 23.

55. Gaiduk I. V. The Vietnam War and Soviet-American Relations... P. 251.

56. Kamenskaya E. V. "Kul'turnaya revolyuciya" v Kitae vo vtoroj polovine 1960-h godov na stranicah sovetskoj pressy i v vospriyatii naseleniya ["Cultural revolution" in China in the second half of 1960-ies on the pages

of the Soviet press and in the perception of the population] // Vestnik Permskogo universiteta – Herald of Perm University. 2014, Vol. 4(27), p. 162.

57. Kulik B. T. Sovetsko-kitajskij konflikt v kontekste mirovoj politiki [China-Soviet conflict in world politics] // Sovetskaya vneshnyaya politika v gody “holodnoj vojny” (1945–1985): Novee prochtenie – Soviet foreign policy during the cold war (1945–1985): New interpretation / resp. ed. L. N. Nezhinski. M. 1995. P. 378.

58. The Paris Agreement on Vietnam: Twenty-five years later...

59. On the work of Henry Kissinger on this post, and then Secretary of state see: Kissinger H. White House Years Wash., 1979. V. 1; Isaacson W. Kissinger: A Biography. Wash., L. 1992 (2005).

60. Kissinger G. Diplomatiya [Diplomacy]. M. 1997. P. 616; Ouden R. den. Failure in Vietnam and Afghanistan. A comparative analysis of the U. S. and Soviet Interventions. P. 17. // Comparative History 2009–2011. Universiteit Utrecht. Available at: <http://dSPACE.library.uu.nl/handle/1874/204888> (date accessed – 30.09.2016)

61. Isaacson W. Kissinger: A Biography. ... P. 161.

62. See: FRUS, 1969–1976. Vol. 6. Vietnam, January 1969 – July 1970. Wash., 2006. Doc. 53, 60, 84, etc.; Kissinger H. White House Years. Pp. 160, 170, 179, 180. Unfortunately, A. Dobrynin in his memoirs noted the time of the meetings. But conversation with H. Kissinger was positively assessed: “This meeting marked the beginning of a functioning confidential channel between higher leadership of both countries, which operated uninterrupted for almost six years.” See: Dobrynin A. Op. cit. Pp. 186–188.

63. Kissinger H. White House Years. Pp. 322–323.

64. Dobrynin A. Op. cit. P. 190.

65. Davidson F. B. Vojna v Indokitae [War in Indochina]. P. 680.

66. Anderson D. L. The Vietnam War. N. Y., 2005. P. 100.

67. Kissinger H. O Kitae [About China]. M. 2012. P. 239.

68. Ibid. P. 237.

69. Ot miroporyadka imperij k imperskomu miroporyadku – From the world order of empires to the Imperial world order. P. 94.

70. FRUS, 1969–1976. Vol. 8, Vietnam, January – October 1972. Wash., 2010. P. 79.

71. Talks are posted: FRUS, 1969–1976. Vol. 17. China, 1969–1972. Wash., 2006. Doc. 196. Pp. 694–719.

72. Ibid. P. 702.

73. Ibid. P. 715.

74. Ibid. P. 711.

75. Ibid. P. 712.

76. Anderson D. L. The Vietnam War. P. 101, 102.

77. The Paris Agreement on Vietnam: Twenty-five years later...

78. Kissinger H. O Kitae [About China]. P. 312.

79. FRUS, 1969–1976. Vol. 8. Doc. 76. P. 250.

80. Ibid. Doc. 93. P. 307.

81. FRUS, 1969–1976. Vol. 14, Soviet Union, October 1971 – May 1972. Wash., 2006. Doc. 181. P. 670–671.

82. Kissinger H. White House Years. P. 1168–1169; FRUS, 1969–1976. Vol. 14. P. 672

83. FRUS, 1969–1976. Vol. 14. P. 933.

84. Ibid. P. 993.

85. Ibid. P. 1022.

86. National liberation front of South Vietnam is a left national revolutionary organization which formed a Temporary revolutionary government of South Vietnam.

87. The Paris agreement on Vietnam: twenty-five years later...

88. By the end of the 1970s, Beijing had denounced the Soviet-Chinese Treaty of 1950, and the unification of Vietnam and the proclamation of Vietnam marked the end of SEATO.

89. The Paris agreement on Vietnam: twenty-five years later...

УДК 94 (47). 06

В. Н. Бенда

Влияние научно обобщенного опыта и теоретических взглядов на повышение результативности артиллерийской стрельбы в ходе боевых действий русской армии во второй половине XVIII в.

В статье освещаются отдельные вопросы, связанные с подготовкой артиллерийских кадров русской армии во второй половине XVIII в. На основе архивных источников анализируется содержание некоторых научных работ, наставлений и инструкций, которыми обеспечивались артиллерийские части и подразделения, способствовавших достижению качественно нового уровня подготовки артиллерийских кадров. Благодаря указанным работам в ходе боевой подготовки у личного состава, обслуживающего и эксплуати-

рующего артиллерийское вооружение, формировались умения и навыки ведения довольно искусной артиллерийской стрельбы, способствовавшей достижению победы в бою. Автор акцентирует внимание на том, что научные труды многих известных и талантливых русских военных и государственных деятелей и артиллеристов, изданных в рассматриваемый период, составили научное содержание тактики артиллерии.

The article highlights selected issues related to the training of artillery personnel of the Russian army in the second half of the XVIII century. On the basis of archival sources, it examines the content of some scientific papers, manuals and instructions that were provided to artillery units, and contributed to the achievement of a qualitatively new level of training of artillery personnel. Thanks to the above works, in the course of combat training of the personnel, maintenance and operating artillery weapons, formed abilities and skills in quite skilled artillery fire, which has helped to achieve victory in battle. The author focuses on the fact that the scientific works of many famous and talented Russian military and government leaders and gunners, published in the period under review, made up the scientific content of the tactics of artillery.

Ключевые слова: вторая половина XVIII в.; Екатерина II, русская армия; военная наука; тактика артиллерии; научные основы; искусство артиллерийской стрельбы; П. И. Шувалов; П. А. Румянцев; И. И. Меллер; К. Б. Бороздин; И. Ф. Глебов.

Keywords: the second half of the eighteenth century; Catherine II, the Russian army; military science; artillery tactics; scientific principles; art is artillery; P. I. Shuvalov; P. A. Rumyantsev; I. Möller; B. K. Borozdin, I. F. Glebov.

Российская империя на протяжении XVIII столетия вела многочисленные войны и сражения с различным противником и на различных театрах военных действий. В военно-исторических источниках, посвященных этой теме, часто отмечается тот факт, что во многих случаях победа в бою достигалась благодаря высокому мастерству, хорошим навыкам и умениям, которыми обладал личный состав русской артиллерии [1]. Многие военные историки и исследователи единодушно отмечают тот факт, что важное значение для этого имел высокий уровень боевой подготовки артиллерийских подразделений и хорошая теоретическая подготовка артиллерийских кадров, опиравшаяся на новейшие научные знания и труды в области артиллерийской науки [2].

Поступление на вооружение русской армии в ходе Семилетней войны новых образцов артиллерийских орудий, использовавшихся на поле боя наряду со старыми, но хорошо зарекомендовавшими себя пушками, привело к усилению роли полевой артиллерии, которая с этих пор занимает доминирующее положение и становится основной огневой ударной силой для обеспечения действий русской пехоты и конницы. Все это потребовало качественно нового уровня подготовки артиллерийских кадров и, в первую очередь, их тактической подготовки, повлиявшей на искусство артиллерийской стрельбы (например, ведения огня артиллерией через головы своих войск. – В. Б.) и успешное развитие основ тактики артиллерии.

И в этом вопросе огромное значение играли различного рода научные работы, наставления и инструкции, разработанные и написанные талантливыми отечественными артиллеристами, которые поступали в войска и использовались для совершенствования боевой выучки артиллеристов и подготовки артиллерийских кадров в военно-специальных учебных заведениях.

Об одной из таких работ, носящей название «Регул о содержании в армейских пехотных полках полковой артиллерии» [3], мы упоминали в предыдущей нашей работе [4]. Ссылаясь на этот архивный источник, мы в своей работе отмечали тот факт, что для успешного выполнения поставленных перед артиллерией задач в бою необходимо было организовывать непрерывную и последовательную подготовку артиллеристов, обучать их тому, что необходимо им знать, применять в бою и проводить их обучение на протяжении всего года: зимой – «теории с ясным и прилежным показанием, а в наступлении лета – практики» [5]. В ходе теоретической подготовки велось изучение и требовалось знание материальной части, пороха, снарядов, трубок, принадлежности, элементарных сведений о стрельбе (траектория, угол возвышения, дальность и действительность стрельбы) и т. д. [6]

Большое значение для развития искусства боевого применения артиллерии имел опыт Семилетней войны. Например, если раньше выбор цели, снаряда, заряда, а также открытие и ведение огня – все это решалось командиром артиллерийского орудия, действовавшим по своему усмотрению, то в ходе Семилетней войны все эти вопросы получили свое научно-теоретическое обоснование. Артиллерийским офицерам были даны исчерпывающие указания о том, какими снарядами, по каким целям и с каких дальностей открывать и вести огонь на поражение. Был установлен порядок изменения точки прицеливания в ходе стрельбы, выработаны методы подавления артиллерии и живой силы противника.

Ценный вклад в боевую подготовку артиллерии внесли наставления и руководства, написанные К. Б. Бороздиным, И. Ф. Глебовым и П. И. Шуваловым [7], в которых были сформулирова-

ны основные принципы воспитания и обучения артиллеристов и которые обогатили русскую военно-теоретическую мысль.

Существенное развитие в основы тактики боевого применения артиллерии внесло написанное К. Б. Бороздиным весной 1759 г. «Наставление, данное артиллерии генерал-лейтенанта Бороздина штаб, обер-офицерам и прочим чинам полевой артиллерии» [8]. О той значимости, которую К. Б. Бороздин как начальник артиллерии в действующей армии придавал знанию основных положений вышеуказанного «Наставления...», говорит 10-й пункт наставления, в котором указано, что «...сие наставление при артиллерийских командах в собрании всех обер-офицеров прочесть и каждому офицеру список иметь у себя копию, и как для себя почасту читать, так и подчиненным своим довольно натверждать» [9].

На следующий год, т. е. в 1760 г., в дополнение и развитие тезисов «Наставления...» К. Б. Бороздина генерал-поручик артиллерии И. Ф. Глебов, будущий киевский генерал-губернатор, подготовил новое пособие: «Наставление, данное полевой артиллерии и фузелерных полков офицерам и прочим чинам, командующим бригадами и в полках определенными артиллерийскими орудиями, что до кого принадлежит» [10]. Заметим, что упомянутый выше способ ведения артиллерийского огня «через головы своих войск» был официально закреплен наставлением И. Ф. Глебова. В начале 1761 г. И. Ф. Глебовым было разработано еще одно наставление – «Наставление о лафетах» [11], в котором, кстати, предписывалось изготовлять прицельные приспособления для артиллерийских орудий «...на подобии же прусских» [12]. Несомненно то, что наставления И. Ф. Глебова уточняли и развивали основы тактической подготовки артиллерии, которые до этого были обозначены в наставлении генерал-поручика (генерал-лейтенанта. – В. Б.) Корнилия Богдановича Бороздина.

В дальнейшем, как для повышения искусства стрельбы, общетеоретической и тактической подготовки артиллеристов, так и для совершенствования боевой подготовки артиллерийских частей и подразделений, были написаны и изданы другие учебные пособия и наставления.

В 1770 г., в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг., видным военным и государственным деятелем, а также известным автором многих трудов по военной науке [13] Петром Александровичем Румянцевым (с 1774 г. Румянцев-Задунайский. – В. Б.) было издано «Наставление всем господам батарейным командирам» [14], в котором разрешались многие вопросы тактики боевого применения артиллерии. В частности, в целях повышения действительности артиллерийского огня «Наставление...» обязывало артиллеристов учитывать при стрельбе неровности местности и изменения метеорологических условий. Также в нем указывалось на то, чтобы артиллерийские офицеры развивали в себе способность точного глазомера для правильного определения дистанции до того или иного предмета [15]. Разработанное в 1770 г. П. А. Румянцевым «Наставление батарейным командирам» в 1788 г. было дополнено разделом «О стрельбе» (Дело Секретное. Наставление батарейным командирам 1788 г. [16]), составленным генерал-аншефом Иваном Ивановичем Меллером (с 1789 г. Меллер-Закомельский. – В. Б.). В его «Прибавлении о стрельбе» (так именуется второй раздел наставления Румянцева [17]. – В. Б.), прежде всего, подчеркивается мысль о том, что наша артиллерия должна быть «в должном уважении у неприятеля», и далее говорится, что это уважение достигается действительностью огня.

С этой целью в «Прибавлении о стрельбе» даются указания артиллеристам открывать огонь, начиная с дальности действительного огня артиллерии (700 сажень ($\approx 1,6$ км)), и подчеркивается, что наиболее губительный для противника огонь – с дальности 500 сажень (около 1 км. – В. Б.). В нем также определены углы возвышения различных орудий, соответствующие этим дальностям, дается указание о том, чтобы при стрельбе иметь больше недолетов, так как при настильной траектории основная масса снарядов (бомб и ядер) рикошетирует и с рикошета наносит противнику наибольшее поражение. По этому поводу в наставлении говорится: «Надлежит всегда стараться, чтоб первое прикосновение было во фронт неприятельский; но лучше, чтоб первыя прикосновения к земле 50 или 100 сажень перед оным были, нежели, чтоб ядра и бомбы через переносило; ибо в стрельбе сие всего порочнее, а напротив, рикошетными вскачками, особливо бомбами, и когда орудия на низких градусах, великий вред наносится» [18].

В «Прибавлении о стрельбе» И. И. Меллера нашли частичное отражение «Правила цельного стреляния» А. О. Базина, а в целом Наставление является дальнейшим развитием Наставлений Бороздина, Глебова и Румянцева.

Значительную роль в повышении боевой подготовки сыграли «Краткие артиллерийские записки для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских батальонах» [19] (особенно пятая глава записок) Петра Ивановича Меллисино (Мелиссино), которые предназначались для обучения унтер-офицеров новоучрежденных батальонов. Будучи изданы типографским способом, они получили более широкое распространение и оказали положительное

влияние на обучение артиллеристов действующей армии. Пятая глава «Кратких артиллерийских записок» являлась хорошим пособием при обучении правилам стрельбы артиллеристов.

В целом от артиллеристов требовалось хорошо знать материальную часть артиллерии и умело применять ее в бою в соответствии со сложившейся обстановкой.

Таким образом, обобщенный опыт боевого применения артиллерии передовыми русскими артиллеристами составил систему теоретических взглядов на способы применения артиллерии в бою. Совокупность этих взглядов, изложенных в рукописных наставлениях К. Бороздина, И. Глебова, П. Шувалова, составляет научное содержание тактики артиллерии.

В заключение отметим, что известный русский военный историк А. К. Байов, оценивая значение и роль тактики русской артиллерии в боях русско-турецких войн второй половины XVIII столетия, писал, что ей были присущи оригинальные и правильные идеи для наступательного боя, в ходе которого она была вольна в выборе позиций (высокие маневренные возможности. – В. Б.) и приоритетных целей для своего огня. От личного состава, обслуживавшего артиллерию в ходе боевого применения, требовалось «...искусство и “верный взгляд военный”» [20]. В том числе и этими факторами определялось достижение превосходства русской артиллерии над турецкой, которая, по словам А. К. Байова, была неспособна к маневрированию на поле боя и из-за отсутствия всякого взаимодействия с другими родами войск «...прекращала всякое полезное действие в бою» [21].

Оценивая общий уровень развития русского военного искусства, следует также заметить, что в эпоху правления Екатерины II русское военное искусство достигло высокого уровня развития, сохраняя при этом самостоятельные, национальные черты своего развития. Как считает русский военный историк и ученый, генерал П. А. Гейсман, Россия опередила Западную Европу в отношении развития военного искусства, причем заимствуя элементы западно-европейской тактики, русские войска вносили в свои действия в бою совершенно новые тактические элементы (например, тактика А. В. Суворова. – В. Б.) [22].

Вне всякого сомнения то, что если бы Россия продолжала и впредь идти по пути развития отечественных основ военного искусства, то она несколько бы не отстала в этой области даже от Франции конца XVIII – начала XIX в., так как в это время в Западной Европе первенство в отношении развития военного искусства перешло к французам. К сожалению, начиная с 1796 г. Россия, осудив прежний путь своего военного развития, в очередной раз взяла курс на подражание западноевропейским и, притом, не самым лучшим образцам тактики и военного искусства (например, прусским. – В. Б.). Вследствие этого Россия с течением времени стала отставать в развитии военного искусства от Западной Европы.

Примечания

1. Барбасов А. П. Боевая подготовка русской артиллерии в XVIII веке // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. III. Л.: Изд-е Артиллерийского исторического музея, 1958. С. 63–80.
2. История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М.: Военное изд-во, 1960. С. 471–477.
3. Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 960. Л. 110–126.
4. Бенда В. Н. Состояние и развитие артиллерии в первой половине XVIII в. // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2012. № 4. С. 143–150.
5. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 960. Л. 112–113.
6. Бенда В. Н. Указ. соч. С. 149.
7. Шувалов П. И. Практика единорогов, изобретенных артиллерии генерал-фельдцейхмейстером и кавалером, графом Петром Ивановичем Шуваловым, и преимущества их пред прежними артиллерийскими орудиями, кратко описанные в вопросах и ответах для употребления в артиллерийских школах. СПб.: Печатана при Императорской Академии наук, 1760.
8. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ДКМ (Делам командным). Д. 371. Л. 1–5.
9. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 370. Л. 4об.
10. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1046. Л. 9–13об.
11. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 371. Л. 1–5.
12. Там же. Л. 4об.
13. Фельдмаршал Румянцев: сб. материалов и документов. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1947.
14. Бескровный Л. Г. Хрестоматия по русской военной истории. М.: Воен. изд-во Министерства Вооруженных сил Союза ССР, 1947. С. 225–228.
15. Там же. С. 228.
16. История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М.: Воен. изд-во, 1960. С. 669–671.

17. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 2. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1891. Приложения ко 2 выпуску. Приложение 4. С. 46–50.
18. Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 227.
19. Меллисино П. И. Краткие артиллерийские записки, для наставления унтер-офицеров, в новоучрежденных артиллерийских батальонах, сочиненныя при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном Кадетском корпусе. СПб.: Императорская типография, 1789 г. 63 с. + прилож.
20. Байов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. V. Эпоха Императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. Гр. Скачкова, 1909. С. 80.
21. Там же. С. 71.
22. Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. Ч. III. История военного искусства в новые века в эпоху Фридриха Великого и Екатерины Великой. Кн. 1. Военное искусство в Западной Европе. СПб.: Типо-литография А. Е. Ландау, 1896. 310 с. + прилож.

Notes

1. Barbasov A. P. Bоевая podgotovka russkoj artillerii v XVIII veke [Combat training of the Russian artillery in the eighteenth century] // Sbornik issledovanij i materialov Artillerijskogo istoricheskogo muzeya. Vyp. III. L.: Izd-e Artillerijskogo istoricheskogo muzeya, 1958 - Collection of research and materials of the Artillery Historical Museum. Is. III. L. Publ. of Artillery Historical Museum. 1958. Pp. 63–80.
2. Istorija otechestvennoj artillerii. T. 1. Book 2. Artilleriya russkoj armii v period ukrepleniya absolyutizma (XVIII v.) – The history of domestic artillery. Vol. 1. Book 2. Artillery of the Russian army in the period of strengthening of absolutism (XVIII). M. Military publishing house. 1960. Pp. 471–477.
3. The archive of the Military Historical Museum of artillery, engineer and signal corps (Archive of МНМАЕ and SC). F. 2. Inv. ШГФ. File 960. Sh. 110–126.
4. Benda V. N. Sostoyanie i razvitie artillerii v pervoj polovine XVIII v. [The state and development of artillery in the first half of the XVIII century] // Obshchestvennye nauki. Vserossijskij nauchnyj zhurnal – Social Sciences. All-Russian scientific journal. 2012, No. 4. pp. 143–150.
5. Archive of МНМАЕ and SC. F. 2. Inv. ШГФ. File 960. Sh. 112–113.
6. Benda V. N. Op. cit. P. 149.
7. Shuvalov P. I. Praktika edinorogov, izobretennyh artillerii general-fel'dcejhmeisterom i kavalerom, grafom Petrom Ivanovichem SHuvalovym, i preimushchestva ih pred prezhnimi artillerijskimi orudiyami, kratko opisannye v voprosah i otvetah dlya upotrebleniya v artillerijskih shkolah [Practice of unicorns, invented by Artillery General-Feldzeugmeister and knight, count Peter Shuvalov, and benefits before the former artillery are outlined in the questions and answers for use in artillery schools]. SPb. Publication at the Imperial Academy of Sciences, 1760.
8. Archive of МНМАЕ and SC. F. 2. Inv. ДКМ (For team cases). File 371. Sh. 1–5.
9. Archive of МНМАЕ and SC. F. 2. Inv. ДКМ. File 370. Sh. 4 turn.
10. Archive of МНМАЕ and SC. F. 2. Inv. ШГФ File 1046. Sh. 9–13 turn.
11. Archive of МНМАЕ and SC. F. 2. Inv. ДКМ. File 371. Sh. 1–5.
12. Ibid. Sh. 4 turn.
13. Fel'dmarshal Rumyantsev: sb. materialov i dokumentov - Field Marshal Rumyantsev: collection of materials and documents. M. State publ. of polit. lit. 1947.
14. Beskrovniy L. G. Hrestomatiya po russkoj voennoj istorii [Readings on Russian military history]. M. Military publishing house of the Ministry of the Armed forces of the USSR. 1947. Pp. 225–228.
15. Ibid. P. 228.
16. Storiya otechestvennoj artillerii. T. 1. Book 2. Artilleriya russkoj armii v period ukrepleniya absolyutizma (XVIII v.) – The history of domestic artillery. Vol. 1. Book 2. Artillery of the Russian army in the period of strengthening of absolutism (XVIII). M. Military publishing house. 1960. Pp. 669–671.
17. Maslovskiy D. F. Zapiski po istorii voennogo iskusstva v Rossii [Notes on the history of martial arts in Russia]. Iss. 2. SPb. Typ. of V. Bezobrazov and co. 1891. Applications to the 2nd edition. Annex 4. Pp. 46–50.
18. Beskrovniy L. G. Op. cit. P. 227.
19. Mellisino P. I. Kratkie artillerijskie zapiski, dlya nastavleniya unter-oficerov, v novouchrezhdennyh artillerijskih batal'onah, sochinennyya pri Artillerijskom i Inzhenernom SHlyahetnom Kadetskom korpuse. SPb.: Imperatorskaya tipografiya, 1789 g. [Brief artillery notes for the instruction of non-commissioned officers in the newly established artillery battalions, composed at the Artillery and Engineering Gentry Cadet corps]. SPb. The Imperial printing office. 1789 63 p. + app.
20. Baiov A. K. Kurs istorii russkogo voennogo iskusstva. Vyp. V. EHpoha Imperatrichy Ekateriny II [Course in the history of Russian military art. Iss. V. Epoch of Empress Catherine II]. SPb. Typ. of Gr. Skachkov. 1909. P. 80.
21. Ibid. P. 71.
22. Geisman P. A. Kratkij kurs istorii voennogo iskusstva v srednie i novye veka. CH. III. Istorija voennogo iskusstva v novye veka v ehposu Fridriha Velikogo i Ekateriny Velikoj. Book 1. Voennoe iskusstvo v Zapadnoj Evrope [History of the military art in the middle and new century. Part III. History of the military art in the new century in the era of Frederick the Great and Catherine the Great. Book 1. The art of war in Western Europe]. SPb. Typo-lithography of A. E. Landau. 1896. 310 p. + app.

Социология вещей: перспективы использования для изучения древнегерманских дружинных сообществ

Обосновывается возможность использования при изучении традиционного общества нового перспективного направления исследований современного гуманитарного знания – «социологии вещей». Вначале рассматриваются основные аспекты «социологии вещей», применимых в исторических исследованиях, основы методологии при работе с источниками, перспективы его использования на примере изучения древнегерманских дружинных сообществ. Выясняется, что материальные предметы могут выступать маркером социального явления при изучении традиционного общества. Далее предлагается на примере изучения древнегерманского погребального инвентаря выделить некоторые маркеры идентичности военного древнегерманского сообщества, которые в свою очередь можно разделить на условные и безусловные. Особое внимание уделяется возможностям интерпретации в рамках «социологии вещей» на примере безусловных маркеров идентичности военного древнегерманского сообщества.

The possibility of use of new perspective research areas of modern humanitarian science – “Sociology of things” in the study of the traditional society is based in the article. First of all, the principal aspects of the “Sociology of things” can be applied in historical research, the principles of the methodology on working with sources, the perspectives of its use are analyzed on the example of the study of Old German warrior societies. It turns out that material objects can come forward as a marker of the social phenomenon in the study of the traditional society. Then some markers of identity of the warrior society of Old Germans are analyzed on the example of the study of the burial inventory of Old Germans. These markers can be divided in to conditional and unconditional. The possibilities of interpretation of identity of the warrior society of Old Germans on the example of unconditional markers in framework “Sociology of things” are also given special attention in the article.

Ключевые слова: «социология вещей», традиционное общество, маркер, древнегерманское дружинное сообщество, погребальный инвентарь.

Keywords: “sociology of things”, traditional society, marker, warrior society of Old German tribes, the burial inventory.

Современные исторические исследования развиваются по пути междисциплинарности, занимая тематику, подходы, применяемый инструментарий из других общественных наук: лингвистики, политологии, социологии и др. Появление новых исследовательских подходов и вызванных ими научных дискуссий стимулировало рост интереса к проблематике вещи, начавшегося около двадцати лет назад и получившего название «поворот к материальному». Суть данного «поворота» состоит в том, чтобы относиться к вещи как к вещи, т. е. отказаться от попыток дать материальным объектам сугубо социальную интерпретацию [1]. Это означает, что вещь является своего рода «зеркалом», «мерилом» социальных функций и факторов того общества, которому она принадлежит. В социальной теории этот «поворот к материальному» получил название «социология вещей».

Актуальность вопроса о предметном мире возрастает в период социальных перемен независимо от исторической эпохи, которые меняют предметный мир до неузнаваемости, и наоборот. Траектория современного исторического знания развивается по направлению к обновленной и обогащенной социальной истории, расширившей понимание социального (и соответственно свое предметное поле) за счет включения в него всех сфер социальных отношений, как общественной, так и частной жизни.

Целью данной статьи является анализ основных аспектов «социологии вещей» в качестве нового перспективного направления исследований современной исторической науки. Рассмотрим историю появления этого направления, его объект и предмет, основы методологии, на базе которой строится непосредственная работа с историческими источниками в рамках данного направления, а также перспективы его использования на примере изучения древнегерманских дружинных сообществ. Объектом исследования являются древние германцы, проживавшие в период I в. до н. э. – VII в. н. э. как на границе с Римской империей и постимперском пространстве, так и на периферии германского мира.

Дискуссия о роли материальных объектов в конструировании социальной реальности началась еще в XIX в., однако появление современных дискуссий и новых исследовательских подхо-

дов стимулировало рост интереса к проблематике вещи в XX в. В работах Б. Латура, Г. Зиммеля, И. Гофмана, Р. Харре, В. Вахштайна и других авторов вещи, предметы, окружающие нас в жизни, выступают своего рода хранилищем чего-то еще, что они преломляют, отражают, маскируют или скрывают от нас. Они рассматривают вещи, принадлежащие определенной социальной группе, «как точку проникновения в эти круги притязаний внешнего рода» [2]. Являясь, таким образом, точкой интерференции двух миров – внутреннего и внешнего, – материальные предметы могут выступать своего рода маркером социального явления при изучении традиционного общества. По мнению исследователей, в традиционном обществе вещи являлись многослойными объектами, которые существовали на различных уровнях бытия и обладали множеством смыслов и значений [3]. Посредством вещного мира происходило общение с космосом, природой, с людьми различного социального уровня, единство которых указывает на многомерность мира. На примере изучения древнегерманского погребального инвентаря, обусловленного как сложившейся похоронной традицией, так и степенью римского влияния на древнегерманское общество, можно выделить некоторые маркеры идентичности военного древнегерманского сообщества. К таким безусловным маркерам можно отнести характер и форму захоронений, структуру древнегерманского военного сообщества, вооружение древнегерманского воина, римские монеты, как часть римского импорта. К условным маркерам можно отнести предметы римской сервировки стола (чаши, блюда, кувшины и т. д.), украшения (застежки, броши, кулоны и т. д.). Однако, исследуя археологические данные, представленные материалом погребений древних германцев, необходимо помнить, что мы восстанавливаем мир живых людей на основе погребального ритуала, который подчинялся другим законам. Социология вещей позволяет изменения и разногласия в оценке той или иной вещи рассматривать с позиции того, что «вещь-маркер, которым помечают материальный предмет, сообразно закрепляется в культуре системами различий» [4]. У каждой вещи есть «биография», «жизненный путь» как совокупность перемещений в пространстве социальных значений. Наличие «биографии» позволяет проследить, как именно материальная вещь, получившая опору в мире социальных значений, становится «больше-чем-вещью» [5].

Рассмотрим возможности интерпретации в рамках «социологии вещей» на примере безусловных маркеров идентичности военного древнегерманского сообщества.

М. Тодд отмечает, что из сотен тысяч зарегистрированных захоронений, датированных с периода между 100 г. до н. э. и 300 г. н. э., основной формой была кремация – обряд, который стал нормой в Северной Европе в среднем бронзовом веке и доминировал в течение предримского железного века [6]. В течение первых двух столетий нашей эры наряду с кремацией стало осуществляться погребение (в областях Дании, Померании, долине нижнего течения р. Вислы, на севере Ютландии и Южной Швеции). В центральных и восточных частях Германии ингумация становится формой похорон для членов общества, занимавших в нем высокое положение. С третьего столетия нашей эры ингумация стала относительно обычным явлением в южных областях Германии и пограничных районах с Римом.

Волновое изменение характера захоронений соответствует существованию трех регионов германского мира, где степень римского влияния была различна. Первый регион – это пограничная зона, радиус которой составлял 100 км, второй регион – территория Северной Европы, третий регион – Скандинавия [7]. Такая регионализация германского мира, впервые появившаяся в работах датской исследовательницы Лотты Хедигер, укоренилась в научной археологической литературе по Железному веку Европы: «ближний Барбарикум» – зона не более 200 км от лимеса, «дальний Барбарикум» – территория свыше 200 км от римской границы. 200 км определены как дистанция, допускающая прямые контакты между империей и варварами. Л. Хедигер признавала известную условность данной типологии.

В захоронениях встречаются три качественно различные комбинации вооружения, на основе чего можно выделить три уровня в иерархии военного сообщества. Первый уровень – это «командующие», «вожди», которые имели мечи, щиты, пояса и крепления из позолоченного серебра. Второй уровень состоял из «офицеров» с мечами, щитами, поясами и бронзовыми креплениями. Третий уровень – пехота – имел комбинацию из двух копий, щита и креплений из железа. Встречаются также комбинации со стрелами и конской упряжью. Первоначально в захоронениях были распространены однолезвийные мечи, которые впоследствии почти вышли из обихода [8]. Начиная со второго века на смену им приходят обоюдоострые длинные мечи с инкрустациями, характер которых служил отличительным признаком, позволяющим достаточно четко определить социальную принадлежность их владельцев [9]. Себастьян Бразер отмечает тот факт, что захоронения, которые располагались в первом регионе (пограничная зона), содержат мечи римского происхождения. Но чем дальше от границ с Римской империей, тем число мечей римского происхождения заметно сокращается [10]. Каждому из трех уровней соответствовал свой тип

щита. Для первого уровня характерны щиты, чьи ручки и другие элементы сделаны из серебра, украшенные золотой фольгой. При этом ручки некоторых щитов были снабжены рунами. Щиты второго уровня имели бронзовые ручки, иногда покрытые золотой фольгой. Самые простые – железные – щиты принадлежат третьему уровню [11]. Однако щиты всех трех уровней имели круглую форму. Пояса и ножны отличаются друг от друга по материалу, структуре и происхождению [12]. Первый уровень включал в себя пояса и ножны германского происхождения из серебра и других драгоценных металлов. Пояса и ножны римского происхождения с пластиной, двойной кнопкой, обручем относятся к низшему уровню. В данном случае римский импорт не обязательно являлся эквивалентом высокого статуса [13]. Германские пояса и ножны были дороже, хотя порой и были скопированы с римского оригинала и приспособлены «под германское художественное восприятие» [14]. При этом длина ленты воина носила индивидуальный характер и сопровождалась знаками отличия. По количественному соотношению три уровня представлены следующим образом: первый – 2–3%, второй – 14–15%, третий – 80% [15].

Данная внутренняя организация древнегерманской дружины находит свое подтверждение и в нарративных источниках, в которых отмечается, что древнегерманская дружина состояла из *princeps* (вожди), *comites* (свита), *pedites* (пехотинцы) [16]. Это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с давнишней структурной особенностью германской дружины.

Таким образом, вооружение древнегерманского воина, встречаемое в составе погребального инвентаря, с одной стороны, является частью погребального инвентаря, с другой – является маркером социального положения древнегерманского общества.

В социальном мире ничто не возникает до тех пор, пока не будет введено в этот мир социальным конструирующим действием человека. Биографии вещей порой помогают выявить эти затененные аспекты. И. Копытофф отмечает, что, например, «в ситуациях культурных контактов они могут продемонстрировать правоту антропологов, утверждающих: при заимствовании чужих предметов – равно, как и чужих идей – существенен не сам факт заимствования, а то, каким образом они культурно переопределяются для использования в новой роли» [17]. Особое внимание И. Копытофф обращает на проблему уникализации объектов группами людей в составе общества, поскольку «она осуществляется группами, то несет на себе печать коллективного одобрения, является проводником индивидуальной тяги к уникализации и принимает на себя вес культурной сакральности» [18]. Данный принцип интерпретации в рамках «социологии вещей» можно рассмотреть на примере изучения модели распространения римских монет в германском мире.

Римские монеты доставлялись из Римской империи до единственного крупного центра власти в Барбарикуме. Там они были переделаны согласно текущей моде и вкусам германской элиты, так возникали брактеаты. Впоследствии монеты были перераспределены в меньшие, региональные, центры власти на расстояние более чем 2000 км (от Дуная до юго-западной Скандинавии). Там они вошли в систему местного обмена. Преимущество этой модели состоит в том, что она проливает больше света в ряде других теорий на то, как действовал механизм распределения римских монет в пределах германского мира и изменений в их статусе. Она позволяет говорить о существовании устойчивых контактов между членами германской элиты, с одной стороны, и о продвинутой социальной системе, иерархии в пределах элиты племенной федерации – с другой [19]. Являясь первоначально внешним источником власти и символом престижа, римские монеты распространились среди германской элиты и приобрели новое значение: от свидетельств политических контактов между германской элитой и Римской империей до сакральных предметов [20].

Для понимания семантики римских монет в германском мире необходимо абстрагироваться от современных представлений о роли денег в обществе. Семантика использования римских денег в пределах Барбарикума была неоднозначной и изменялась в зависимости от области и периода ее возникновения. Последние исследования показывают, что эти функции можно рассматривать на трех уровнях: обращение, преобразование и смещение [21]. Во-первых, в пределах Империи они использовались как универсальные деньги. Они выступали как средство оплаты в социальных и политических сделках (дань, выкуп, вергельд), в качестве приданого или семейной реликвии наряду с другими предметами римского импорта. Римская валюта использовалась также в обменных сделках. Однако римские монеты, представляя собой личное богатство, содержали материальную, но колеблющуюся ценность, которая изменялась от одной сделки к другой. Не было предусмотрено никаких стандартных ценностей. Понятие «ценности» являлось специфическим в рамках варварских сообществ. Никто не мог использовать римские монеты в форме гарантии ценности в пределах варварского общества, так как центральная власть, чеканящая их, была внешней и не имела действительной власти в германских землях. В то же время германцы не развивали внутреннюю чеканку, они чеканили подделки римских монет – брактеаты, имевшие место на границах с Римом. Обнаруженные рим-

ские монеты, как деталь пояса (концы ремня, застёжки пояса), являющиеся общим элементом обстановки в могилах вождей и встречающийся в могилах простых воинов, позволяют предположить, что они были частью внешней атрибутики древнегерманских воинов, которые, желая подражать их *principes*, находившимся в социальном отношении выше, в их манере одеваться, стиле жизни и времяпрепровождения, использовали для этого римские *denarii*. Во-вторых, на территории Северной Европы собственно римских монет уже встречается меньше, зато увеличивается число брактеатов, большинство которых древние германцы использовали для ношения на поясе как элемент одежды. В данном регионе брактеаты часто превращались в амулеты, украшения и драгоценности. В западногерманских землях они крепились в ожерелья в окружении бисера и янтаря. При этом брактеаты имели идеологическое значение, особенно те, на которых был изображен имперский портрет: они использовались как символ престижа и власти германской элитой. Порой брактеаты выступали как удобный запас металлолома, так как по химическому составу и весу соответствовали креплениям брони. В-третьих, они являлись специальной категорией личного богатства, имущества, включались в династические запасы, где наряду с другими предметами играли роль маркера высокого статуса, в символической форме отображали власть и престиж. Брактеаты сопровождали владельца в загробной жизни. В некоторых случаях они играли роль типичных погребальных товаров, появляясь как кулоны, элементы ожерелий, одеяния (в мешочках, приложенных к поясу) или военного механизма. Их присутствие сложно интерпретировать как составляющую часть погребального ритуала. Об этом можно говорить лишь в отношении тех захоронений, формой которых являлась кремация, однако следует отметить, что на многих монетах нет никакого следа пребывания в погребальном костре. Это позволяет предположить, что они были депонированы после кремации, то есть непосредственно в течение церемонии похорон, как часть погребального ритуала. Также обращает на себя различное положение собственно римских монет в погребении. На западногерманских и прибалтийских землях встречается положение монет, близкое к голове, иногда завернутое в кору березы. Возможно, с учетом того, что береза, как думают, играла существенную роль в мифологии и сагах, где она имеет функцию «космического дерева», такое положение обеспечивало сообщение между мирами. В отсутствие коры березы были монеты, помещенные в дополнительные сосуды или иногда также обернутые в части ткани. В захоронениях Тюрингии, Богемии и Силезии является интересным примером определенного похоронного обряда среди варварской элиты положение монет во рту похороненных людей. Также депозиты монет, найденные в стенах жилища, колодцах, на болотах, играли роль подземных подношений.

Римские монеты – показатель интенсивности контактов, с одной стороны, римского союзника и лидера своего племени, с другой – торговых отношений и механизма управления германской элитой, которая выступает как единое целое [22].

Таким образом, социология вещей позволяет проследить социальные изменения в германском обществе в целом и их дальнейшее развитие в плане создания сложных иерархических отношений в пределах одной группы. «Вещной мир», представленный в захоронениях древних германцев, говорит о сложной социальной стратификации. Изучение обозначенных выше маркеров дает возможность исследователям разграничить элементы погребальной традиции и отражение социального статуса на основе предметов римского импорта.

Археологический материал показывает, что, несмотря на все многообразие предметов римского импорта, на всей территории германского мира римская материальная культура была представлена только несколькими определенными продуктами. Этот факт позволяет сделать вывод об идентичности самого германского мира, с одной стороны, и о степени значимости этих продуктов в жизни дружинного германского сообщества – с другой.

На основе анализа археологических данных мы можем говорить о том, что семантика использования материальных предметов как маркеров жизни древнегерманского военного сообщества в пределах Барбарикума находилась в прямой зависимости от региона и занимаемого статуса в древнегерманском мире и в военном сообществе в частности, выступая в качестве символа или знака в социальной коммуникации гетерогенного значения, отделяющего экономические позиции от социальной, политической или символической функции данных объектов.

В заключение отметим, что «социология вещей» является молодым и перспективным направлением исследований современной исторической науки, в рамках которого осуществляется синтез новых методологических направлений. Использование методов данного направления в изучении традиционных обществ позволяет взглянуть на них «изнутри» и вывести исследование на новый уровень, преодолев узость отдельных самостоятельных «историй».

Примечания

1. Вахштайн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 10.
2. Зиммель И. Ручка. Эстетический опыт // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 46.
3. Кнорр-Цетин К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знаний // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 288.
4. Вахштайн В. Указ. соч. С. 18.
5. Харре Р. Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 124.
6. Todd M. Germanic burials in the Roman Iron Age // Burial in the Roman World. L.: Council for British Archaeology, 1977. P. 36.
7. Hediger L. Empire, Frontier and the Barbarian Hinterland: Rome and the Northern Europe // Centre and Periphery in the Ancient World / ed. M. Rowlands, M. Larsen, K. Kristiansen. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 125.
8. Carnap-Bornheim C. von. Römische Militaria aus der jüngeren römischen Kaiserzeit in Norwegen – “Export” römischer negotiatores oder “Import” germanischer principes? // Peregrinatio Gothica III. Oslo, 1992. P. 4.
9. Ibid. P. 5.
10. Brather S. Acculturation and ethnogenesis along the frontier: Rome and the ancient Germans in an archaeological perspective. L., 2005. P. 6.
11. Ilkjaer J. Centres of power in Scandinavia before the medieval kingdoms // Birgit Arrhenius. Kingdoms and regionalism: transactions from the 49th Sachsensymposium, 1998, in Uppsala. Stockholm University, 2001. P. 5.
12. Carnap-Bornheim C. von. Op. cit. P. 2.
13. Ibid. P. 3.
14. Matesi S. Elements of military equipment from Thorsberg Moor // XVII Roman military equipment conference. Zagreb, 2010. P. 3.
15. Grane T. Scandinavian armies in the late Roman period // XVII Roman military equipment conference. Zagreb, 2010. P. 18.
16. Тацит Корнелий. Германия, VII // Древние германцы: сб. документов / сост. Б. Н. Граков и др. М., 1937; Марцеллин Аммиан. История, II, 33 // Древние германцы: сб. документов / сост. Б. Н. Граков и др. М., 1937.
17. Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 138.
18. Там же. С. 154.
19. Bursche A. Roman gold medallions as power symbols of the Germanic Elite // Roman gold and the development of the early Germanic Kingdom / ed. B. Magnus. Stockholm, 2001. P. 89.
20. Ibid. P. 92.
21. Bursche A. Roman gold medallions as power symbols of the Germanic Elite // History and mesure. 2001. № XVII – ¾. P. 8.
22. Grane T. The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern connection. Copenhagen: University of Copenhagen, 2007. P. 35.

Notes

1. Vakhshstein V. ociologiya veshchey i “povorot k material'nomu” v social'noj teorii [Sociology of things and “turn to the material” in social theory] // Sociologiya veshchey: sb. st.- Sociology of things: collection of articles / under the editorship of V. Vakhshstein. M. 2006. P. 10.
2. Simmel I. Ruchka. EHsteticheskij opyt [Pen. Aesthetic experience] // Sociologiya veshchey: sb. st. – Sociology of things: collection of articles / under the editorship of V. Vakhshstein. M. 2006. P. 46.
3. Knorr-Cetin K. Social'nost' i ob"ekty. Social'nye otnosheniya v postsocial'nyh obshchestvah znaniy [Sociality and objects. Social relations in postsocial knowledge societies] // Sociologiya veshchey: sb. st.- Sociology of things: collection of articles / under the editorship of V. Vakhshstein. M. 2006. P. 288.
4. Vakhshstein V. Op. cit. P. 18.
5. Harre R. Material'nye ob"ekty v social'nyh mirah [Material objects in social worlds] // Sociologiya veshchey: sb. st.- Sociology of things: collection of articles / under the editorship of V. Vakhshstein. M. 2006. P. 124.
6. Todd M. Germanic burials in the Roman Iron Age // Burial in the Roman World. L. Council for British Archaeology. 1977. P. 36.
7. Hediger L. Empire, Frontier and the Barbarian Hinterland: Rome and the Northern Europe // Centre and Periphery in the Ancient World / ed. M. Rowlands, M. Larsen, K. Kristiansen. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1987. P. 125.
8. Carnap-Bornheim C. von. Römische Militaria aus der jüngeren römischen Kaiserzeit in Norwegen – “Export” römischer negotiatores oder “Import” germanischer principes? // Peregrinatio Gothica III. Oslo. 1992. P. 4.
9. Ibid. P. 5.
10. Brather S. Acculturation and ethnogenesis along the frontier: Rome and the ancient Germans in an archaeological perspective. L. 2005. P. 6.
11. Ilkjaer J. Centres of power in Scandinavia before the medieval kingdoms // Birgit Arrhenius. Kingdoms and regionalism: transactions from the 49th Sachsensymposium, 1998, in Uppsala. Stockholm University. 2001. P. 5.
12. Carnap-Bornheim C. von. Op. cit. P. 2.

13. Ibid. P. 3.
14. Matesi S. Elements of military equipment from Thorsberg Moor // XVII Roman military equipment conference. Zagreb. 2010. P. 3.
15. Grane T. Scandinavian armies in the late Roman period // XVII Roman military equipment conference. Zagreb. 2010. P. 18.
16. Tacit Cornelius. Germaniya, VII [Germany, VII] // Drevnie germancy: sb. Dokumentov - Ancient Germans: collection of documents / comp. B. N. Grakov. M. 1937; Marcellin Ammian Istoriya, II, 33 [History, II, 33] // Drevnie germancy: sb. dokumentov - Ancient Germans: collection of documents / comp. B. N. Grakov. M. 1937.
17. Kopytoff I. Kul'turnaya biografiya veshchej: tovarizaciya kak process [The cultural biography of things: commodification as process] // Sociologiya veshchej: sb. st.- Sociology of things: collection of articles / under the editorship of V. Vakhstein. M. 2006. P.138.
18. Ibid. P.154.
19. Bursche A. Roman gold medallions as power symbols of the Germanic Elite // Roman gold and the development of the early Germanic Kingdom / ed. B. Magnus. Stockholm, 2001. P. 89.
20. Ibid. P. 92.
21. Bursche A. Roman gold medallions as power symbols of the Germanic Elite // History and mesure. 2001. № XVII – ¾. P. 8.
22. Grane T. The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern connection. Copenhagen: University of Copenhagen, 2007. P. 35.

УДК 94

А. В. Скутнев

Русская православная церковь и наука в пореформенную эпоху (Вятский край)

Статья посвящена масштабам участия православного духовенства в науке и деле просвещения населения Российской империи в пореформенную эпоху. Объясняются причины интереса священнослужителей к науке. Дается анализ образовательного уровня духовенства и степень их научной компетенции. Автор причисляет клириков к интеллигенции на основании их социального долга и высокого интеллектуального уровня. Особенно велико значение Русской православной церкви для русской провинции и отечественной исторической науки. Духовенство традиционно выступало в числе лидеров по созданию общественных организаций и участию в них, создании школ и библиотек.

Article is devoted to the scales of participation of orthodox clergy in science and an education of population of during a post – reform era. The reasons of the interest of priests to science are explained. The analysis of educational level of clergy and degree of their a scientific competence are given. The author ranks clergyman as intellectuals on the basis of their social debt and high intellectual level. The value of Russian orthodox church for the Russian province and domestic historical science is especially significant. The clergy traditionally acted among leaders in creation and participation in public organizations, schools and libraries.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовенство, историческая наука.

Keywords: Russian Orthodox Church, the clergy, History science.

Даже в настоящее время бросается в глаза, как много среди кандидатов исторических наук, особенно в провинции, служителей церкви. У этого увлечения духовенства гуманитарными науками есть аналогии в прошлом. Научная деятельность традиционно привлекала духовенство. В дореволюционный период оно состояло в большинстве научных организаций страны.

Этому способствовали профессиональные качества священнослужителей. Духовенство в массе своей было самой читающей группой населения, предпочтения которой были весьма разнообразны: от церковной до либеральной литературы и публицистики. Не случайно именно духовенство по своей инициативе начинает создание народных библиотек. В сельских приходах библиотеки заводились при храме. В конце XIX – начале XX в. это явление стало массовым. В 1901 г. библиотеки были организованы при 520 вятских церквях [1].

Центральной библиотекой, созданной православным духовенством в Вятской епархии, стала епархиальная библиотека-читальня в г. Вятке. Еще в 1865 г. архиепископ Вятский и Слободской Агафангел выступил с инициативой создания епархиальной библиотеки-читальни. Он лично пожертвовал из собственной библиотеки 175 книг. В 1870 г. библиотека была открыта, но

находилась в тесном помещении. Лишь в 1898 г. по инициативе нового архиерея библиотека переехала в новое здание.

В 1901 г. в библиотеке находилось 3301 название, или 6032 книги и брошюры, также выпускались периодические издания: 20 религиозных и 18 светских журналов, семь газет [2]. Среди книг были даже «Война миров» Г. Уэллса и работы Ч. Дарвина [3]. Подписчиками библиотеки состояли 458 человек, из них только 33 духовных лица и 51 ученик семинарии и духовного училища. Остальными читателями были дворяне, чиновники, купцы, мещане, купцы и особенно ученичество. Однако большая часть денег на создание библиотеки поступила от духовенства епархии. В год библиотеку посещало около 6 тыс. человек. Вятская епархиальная библиотека-читальня по числу имеющихся книг уступала только четырем губернским библиотекам, а по числу подписчиков – только двум. По абонентской плате она была самой дешевой в Вятской губернии. Библиотеки в сельских храмах уступали центральным по объему книг и количеству читателей, но были не менее значимы. Причту Покровской церкви с. Юмы Котельничского уезда удалось создать вполне приличную библиотеку в 189 названий и 884 тома. Она располагалась в западном приходе храма в специальных книжных шкафах. Не случайно из 10 384 прихожан, которые принадлежали к крестьянскому сословию, 4000 были грамотными [4].

Православное духовенство фактически стало тотально образованным сословием. Начиная с XVIII в. духовенство обязано было получать духовное образование. Фактически за 100 лет генетически грамотным сословием в России стало духовенство, а не дворянство. Появление «недоросля» в духовной среде было невозможно. У дворян было свободное время, но иногда отсутствовало желание служить обществу. Духовенство, хотя и было обременено обязанностями по службе, как правило, четко осознавало свою общественную функцию. Желание служить народу было огромным, что принимало иногда совершенно гипертрофированный вид. Многие клирики стали революционерами, чтобы поменять окружающую действительность. Другие служили обществу, например занимались историческими исследованиями ради сохранения информации для будущих поколений либо с целью понять свое прошлое. Для этого сложились надлежащие обстоятельства, так как именно в XIX в. секуляризация сознания коснулась духовенства [5]. Духовенство, несмотря на его малочисленность среди населения России, именно благодаря образованности и желанию изменять окружающий мир, подарило России огромное количество деятелей культуры и политики: художника В. М. Васнецова, поэта И. С. Никитина, министра финансов России и видного ученого И. А. Вышнеградского, нобелевского лауреата И. П. Павлова, советского экономиста Е. А. Преображенского и многих других.

Исследователь истории РПЦ А. А. Соловьев разработал специальный термин «церковная интеллигенция», под которым понимал основную часть преподавательского состава высших и средних духовных учебных заведений, имеющего высшее богословское или светское образование, профессионально занимающегося религиозно-культурными проблемами. Тем самым церковная интеллигенция являлась своего рода связующим, пограничным слоем общества между представителями церкви и светской интеллигенции.

Клирики тянулись к русской интеллигенции, подпитывая ее выходцами из рядов духовенства. Они читали одни и те же книги, особенно в период ученичества, только одни – в стенах семинарий, другие – в университетах. Их интересовала наука и искусство. Если пользоваться определением, разделяемым интеллектуалами дореволюционной России: «Интеллигенция – это все образованное общество; в ее состав входят все, кто так или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно принимает участие в умственной жизни страны», – то получается, что часть духовенства и была интеллигенцией [6]. Этот же автор XIX в. писал: «Вся читающая публика является участницей в умственном творчестве и во всей умственной деятельности страны».

А читало духовенство отнюдь не женские романы, а часто серьезные философские произведения. Даже учащиеся духовной школы, несмотря на тяжести быта, стремились к самообразованию, просвещению. Ими двигали самые искренние порывы изменить окружающую действительность. Многие выпускники семинарии не стали безразличными, черствыми людьми, а сохранили любовь к людям, человечеству. На досуге бурсаки не унывали, а читали книги, писали стихи, многие пели в хоре. Как выразился А. Попов, «курс наш с жадностью отдавался чтению. Читали мы все – и классических проповедников, и светских писателей, и поэтов, и публицистов, и различные лекции, конечно, не печатные» [7]. Особенно интересовали будущих батюшек науки об обществе. История была одним из любимейших предметов учеников. Во многих духовных учебных заведениях существовали исторические кружки. В Вятке преподаватель семинарии, протоиерей С. Н. Кашменский, фактически создал музейную комнату, где в качестве экспонатов были старинные тексты по богословию и монеты времен Римской империи, привезенные им из Святой земли [8].

Благодаря высокой образованности клирики не могли остаться в стороне и от научных изысканий. Высшее руководство церкви своим личным примером показывало значимость научных изысканий. Вот что писал церковный историк Н. Тальберг о митрополите московском Макарии (Булгакове): «К научному и всякому умственному труду Макарий относился всегда с особенною симпатией и всем труженикам науки всегда оказывал самое энергичное моральное, а часто и материальное содействие, завершившееся пожертвованием в академию наук всех денег, вырученных от продажи его сочинений, в количестве 120 000 руб., на премии за лучшие ученые и учебные сочинения... В 1869 г. им пожертвовано на премии за лучшие сочинения киевской академии 25 000 руб.» [9]

Каждый епархиальный владыка стремился помогать научным обществам и исследованиям. Так, в середине XIX в. была развернута деятельность по переводу библии на языки народов России, да и сами эти языки часто создавались рядовыми священно- и церковнослужителями.

Влияние РПЦ и духовенства на становление отечественной исторической науки и, прежде всего, краеведения очевидно давно. С другой стороны, после забвения советской эпохи интерес к данной проблеме мог быть куда более значительным.

Едва ли не большая часть российских историков дореволюционного периода являлись выходцами из духовного сословия. Любимый историк нынешнего лидера нации В. В. Путина В. О. Ключевский как раз из этой когорты. В особенности данное утверждение касается провинции, где бывшие клирики фактически монополизировали право на исторические исследования. Как заметил вятский историк В. А. Бердинских, «в определенном смысле слова, русское православное духовенство было потенциально сословием историков» [10]. Из шести главных вятских историков дореволюционного периода (А. С. Верещагин, А. И. Вештомов, П. Н. Луппов, А. А. Спицын, И. М. Осокин, Н. Н. Блинов) пятеро были выходцами из духовного сословия. Если брать всех более-менее значимых дореволюционных историков Вятки, то соотношение будет немного иным, и все же духовенство составит более половины провинциальных историков. Не случайно первое исследование по истории Вятской земли написал сын священника А. И. Вештомов [11].

Если губернские памятные книжки издавались официальными организациями (губернскими статистическими комитетами и правлениями, редакциями губернских ведомостей), то первые историко-статистические описания епархий – частными лицами, обычно не занимавшими руководящего положения в епархиях. Если с 1850 по 1868 г. Св. Синод координировал составление подобных описаний, то впоследствии они издавались по инициативе местных консисторий, правлений духовных семинарий, редакций церковных ведомостей, церковно-археологических обществ и др. А. И. Раздорский приводит общий итог издательской деятельности в этой сфере с 1848 по 1916 г. – 60 историко-статистических описаний 42 из 68 епархий и одного экзархата на 1917 г. [12]

Этому явлению есть вполне логичное объяснение. Как заметил М. Блок, «христианство – религия историков. Другие религиозные системы основывали свои верования и ритуалы на мифологии, почти неподвластной человеческому времени. У христиан священными книгами являются книги исторические, а их литургии отмечают – наряду с эпизодами земной жизни бога – события из истории церкви и святых» [13].

Важнейшим звеном работы в приходе была социокультурная деятельность священнослужителей. В конце XIX в. иностранные обозреватели отмечали, что духовенство руководило своими прихожанами и в таких областях, как животноводство, садоводство и огородничество. Даже враги духовенства признали пользу и уровень знаний, которые священники передавали народу, благодаря чему многие крестьяне смогли вырваться из нищеты, поднять свое хозяйство или устроиться на работу в городе.

Другой сферой, где научные знания духовенства оказывали значительную помощь населению, были здравоохранение и гигиена. После голода 1891–1892 гг. и последовавшими за ним эпидемиями холеры, дифтерита и скарлатины в семинариях был введен особый курс народной медицины. Это позволило будущим батюшкам познакомиться с болезнями и затем учить народ бороться с антисанитарными условиями, которые в большинстве своем и были причиной заболеваний. Пастыри сотрудничали с врачами в земствах и учили народ избегать в будущем распространения эпидемий [14].

Интерес к истории и, прежде всего, региональной истории был присущ провинциальному духовенству. Вятские епархиальные ведомости, как и подобные издания в других епархиях, являются бесценным источником повседневной жизни XIX в. и других краеведческих материалов. Н. Н. Блинов – вятский священник, будучи отправлен в далекое удмуртское село, начал изучать жизнь и быт местного населения. История малых народов России была написана только в XIX в. именно провинциальными историками. Первым и непревзойденным историком удмуртского эт-

носа по праву считается выпускник вятской духовной семинарии, доктор богословия и доктор исторических наук П. Н. Луппов, который посвятил этому занятию более 50 лет.

Духовенство традиционно выступало в числе лидеров по созданию общественных исторических организаций и участию в них. В 1850-е гг. приходские клирики с интересом и увлечением откликнулись на предложение Русского географического общества составить историческое описание своего прихода. В 1860-е гг. духовенство буквально заполонило губернские статистические комитеты. В 1890-е гг. епархии охватило широкое движение по созданию особых научных церковно-исторических учреждений, древлехранилищ и музеев. В начале XX в. священно- и церковнослужители участвовали в организации губернских ученых архивных комиссий (ГУАК). Выходец из вятского духовенства И. М. Осокин стоял у истоков архивного дела в Вятке, когда в 1904 г. создавалась Вятская ГУАК, а после революции совместно с другим бывшим семинаристом П. Н. Лупповым создавал Кировский государственный областной архив.

Провинциальная историческая наука, появившаяся в XIX в., была невозможна без духовенства. Именно оно своим бескорыстным и кропотливым трудом сумело вывести отечественную науку в число лидеров в Европе и мире.

Примечания

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 76. Д. 1153. Л. 9.
2. Отчет о состоянии и деятельности Вятской епархиальной библиотеки-читальни // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 3. С. 53–58.
3. ГАКО. Ф. 810. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАКО. Ф. 810. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.
5. Доказательством этому служит появление в XIX в. мемуаров духовенства.
6. Определение взято из статьи Д. И. Овсянниково-Куликовского «Психология русской интеллигенции» // Интеллигенция в России. 1910 год. URL: http://www.yabloko.ru/Themes/History/ovsyani_koulik.html
7. Попов А. Воспоминания причетнического сына. Вологда, 1913. С. 95.
8. ГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 194.
9. Тальберг Н. История Русской Церкви. М., 1994. URL: http://krotov.info/libr_min/19_t/alb/erg_21.html
10. Бердинских В. А. Историки Вятского края. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. С. 73.
11. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества с 1181 по 1781 год через 600 лет. Сочиненная главного народного училища учителем исторических наук Александром Вештомовым. Казань, 1907.
12. Раздорский А. И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916): Сводный каталог и указатель содержания / ред. В. В. Антонов. СПб.: РНБ, 2007. С. 28.
13. Блок М. Апология истории / пер. Е. М. Лысенко; прим. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. Сер. «Памятники исторической мысли». С. 8.
14. James W., Cunningham S. NADEZHDOI NA SOBOR Russkoe religioznoe probuzhdenie nachala veka Translated from English by Rev / George Sidorenko. "A Vanquished Hope The Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906". St Vladimir's Seminary Press, Crestwood, New York 1981. С. 19. URL: http://krotov.info/history/20/1900/cann_01.htm

Notes

1. State archive of the Kirov region (GAKO). F. 237. Inv. 76. File 1153. Sh. 9.
2. Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Vyatskoj eparhial'noj biblioteki-chital'ni – Report on the status and activities of the Vyatka diocesan library and reading room // yatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka diocesan gazette. 1900, No. 3, pp. 53–58.
3. GAKO. F. 810. Inv. 1. File 4.
4. GAKO. F. 810. Inv. 1. File 6. Sh. 20.
5. The proof of this is the emergence in the XIX century memoirs of the clergy.
6. The definition is taken from the article by D. I. Ovsyannikov-Kulikovskiy "Psychology of the Russian intelligentsia" // Intelligentsia in Russia. Year 1910. Available at: http://www.yabloko.ru/Themes/History/ovsyani_koulik.html
7. A. Popov ospominaniya prichetnicheskogo syna [Memories of acolyte son]. Vologda. 1913. P. 95.
8. GAKO. F. 270. Inv. 1. File 194.
9. Tal'berg N. Istoriya Russkoj Cerkvi [The History of the Russian Church]. M. 1994. Available at: http://krotov.info/libr_min/19_t/alb/erg_21.html
10. Berdinskikh V. A. Istoriki Vyatskogo kraja [Historians of the Vyatka region]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2007. P. 73.
11. Istoriya vятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества с 1181 по 1781 год через 600 лет. – The story of Vyatka inhabitants since the settlement near river Vyatka to opening in this country governorship from 1181 to 1781 after 600 years. Composed by the chief of the public school teacher of historical sciences Alexander Veshtomov. Kazan. 1907.
12. Razdorskiy A. I. storiko-statisticheskie opisaniya eparhij Russkoj pravoslavnoj cerkvi (1848–1916): Svodnyj katalog i ukazatel' soderzhaniya [Historical and statistical descriptions of eparchies of the Russian

Orthodox Church (1848–1916): united catalog and index content] / edited by V.V. Antonov. SPb. Russian National Library. 2007. P. 28.

13. Block M. Apologiya istorii [Apologia of history] / translated by E. M. Lysenko; notes by A. Y. Gurevich. M. Nauka. 1973. Ser. "Monuments of historical thought". P. 8.

14. James W., Cunningham S. NADEZHDOY NA SOBOR Russkoe religioznoe probuzhdenie nachala veka Translated from English by Rev / George Sidorenko. "A Vanquished Hope The Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906". St Vladimir's Seminary Press, Crestwood, New York 1981. С. 19. Available at: http://krotov.info/history/20/1900/cann_01.htm

УДК 27–9 «17» (470.342)+27–75 «17» (470.342)

Е. И. Титова

Общественная и культурная жизнь старообрядческих общин Южной Вятки в 1920-е гг.

Статья посвящена вопросам существования и приспособления старообрядцев Вятского региона в первые годы советской власти. Рассмотрены особенности их выживания и приспособления, специфика воспроизведения культуры. Показаны направления развития старообрядческой культуры в 20–30-е гг. двадцатого столетия. В статье приведены источники, демонстрирующие уровень культуры и образования в среде старообрядцев беспоповцев, показаны их общественная позиция и интересы. На примере музея в с. Старая Тушка Малмыжского уезда прослеживается отношение старообрядцев к истории, искусству и научному знанию в целом. Для старообрядцев актуальными остаются вопросы сохранения и воспроизводства собственной культуры. В статье приводятся яркие примеры из жизни староверов в первые годы советской власти, показана специфика жизни старообрядцев в Вятском регионе в обозначенный период.

The article is devoted to questions of the existence and devices Vjatskogo Old Believers in the first years of Soviet power. The features of their survival and adaptation, the specificity of cultural reproduction. Showing the direction of the Old Believers' culture in the 20–30-ies of the twentieth century. The article describes the sources, demonstrating the level of culture and education among the Old Believers bespopovtsev shown their social position and interests. For example, in a museum. Old carcass Malmyzhskogo County traced Believers attitude to history, art and scientific knowledge in general. For the Old Believers remain relevant issues of preservation and reproduction of their own culture. The article gives vivid examples of the Old Believers' life in the early years of Soviet power, shows the life of the specifics of the Old Believers in the Vyatka region in this period.

Ключевые слова: старообрядчество, Вятский регион, советский период, особенности старообрядческой культуры, музей, обучение.

Keywords: Old Believers, Vjatskom, the Soviet period, especially the Old Believers' culture, museum studies.

Общественная и культурная жизнь старообрядчества в важный переходный период 1920-х гг. представляет особый интерес. Староверы в первые годы советской власти по-разному проявляли себя в отдельных регионах России. История старообрядцев в 1920–1930-х гг. в независимых прибалтийских государствах и Польше, например, – это драгоценный опыт устройства церковно-общественной жизни в условиях поначалу ничем не стесняемой свободы [1]. В Вятском регионе, в условиях отсутствия монастырей и скитов, старообрядцы по-своему приспособлялись к новым условиям.

Важно отметить, что агрикультурный характер Вятского региона во многом способствовал сохранению культурного потенциала старообрядчества. Люди, тогда составлявшие общины жили в сельской местности, продолжали воспроизводить черты существовавшего ранее варианта этноэкономики. Как взгляд со стороны на работу староверов в советские годы можно рассматривать воспоминания известного русского писателя В. Крупина: «У нас в Кильмезском районе были целые колхозы старообрядцев. Они очень сопротивлялись объединению с другими колхозами... Но работали они здорово, были честны до щепетильности, и местные начальники старались завхозами, завскладами поставить выходцев из старообрядческих семейств» [2]. Подобное приспособление к советской действительности помогало староверам продолжать свое культурное воспроизводство.

Важной чертой распространения культуры и образования в среде старообрядчества в Вятской губернии также было влияние местной верхушки старообрядческого предпринимательства.

Так, в глубинке, в селе Русский Турек купцу Бушкову для ведения дел нужны были грамотные люди. Старообрядцы обратились в Уржум за разрешением открыть в селе Турек классы на дому по программе народных училищ. Разрешение было получено. Первая начальная школа открылась еще в 1896 г., в ней обучались 10 учащихся от 10 до 16 лет. Обучали в этой школе только мальчиков, школа в первоначальном здании была до 1924 г., потом её перевели в здание волостной управы. Преимущественно это были дети богатых, состоятельных родителей [3]. Естественно, в школах, основанных местными предпринимателями, укреплялось староверие, их влияние и авторитет поднимались. В селе Старая Тушка Малмыжского района, например, основателем старообрядческой школы, ее учителем был Алексей Андреевич Черезов. Крестьянские дети бесплатно учились грамоте и чтению по нотам [4]. Так, подобные школы одновременно были и способом передачи старообрядческой культуры.

Село Старая Тушка с XIX столетия являлось одним из культурных центров старообрядчества в Вятской губернии. Не случайно директор Ново-Тушинского сельского музея местного края в с. Рожки Малмыжского уезда Александр Иванович Янкин отмечал: «Научная работа в музее главным образом рождается в текущей работе, то есть прием посетителей с научным объяснением экспонатов. Посетителей за 1923 год перебивало в музее 2 178 человек. А с момента основания музея в 1921 году – 4873 человека. Ведется также и исследовательская работа, которая в данное время заключается в подыскивании и приеме экспонатов, за которыми часто приходится совершать экскурсии по волости, а также записи всевозможных преданий, имеющих то или иное научное значение. Правда, благодаря отсутствию каких-либо помощников в музее работа не настолько оживлена, как желательно бы, так как, совершая экскурсию, приходится закрывать музей. Кроме того, очень много времени отнимает прием посетителей, но благодаря просвещенному интересу со стороны народонаселения вообще музей систематически пополняется как экспонатами, так и научными записями» [5]. Приведенные данные подтверждают живое участие и интерес к знаниям со стороны в основном старообрядческого населения.

Кроме того, в своем отчете в марте 1924 г. Александр Иванович Янкин отмечал, что «при некотором участии добровольных сотрудников музея выпускается в рукописном виде свой научный журнал “Музейные проблески”. В 1923 г. вышло шесть номеров, экспонатов насчитывается более 2000. При музее имеется научная библиотека» [6]. Издание научного журнала говорит о потребности местного населения сохранять и передавать свою культуру и исторические знания.

В своем докладе уездной конференции по внешкольному образованию, состоявшемуся в г. Малмыже в конце августа 1923 г., Александр Иванович писал: «В апреле месяце 1921 года я, школьный работник в деревне Новой Тушке Рожкинской волости, положил в деревне основание музея местного края.

Разнообразный состав населения и обильные предания старины. Второе условие, благоприятствующее для организации в деревне Тушке музея, заключается в повышенном культурном уровне местного населения. Особенностью этого региона является преобладание старообрядцев, отличающихся особенной трудоспособностью, восприимчивостью и силой воли. Исторические условия выработали в местном старообрядческом населении привычку неустанно работать, постоянно проявлять свою инициативу и изобретать, непрерывно увеличивать свое благосостояние. Улучшение системы коневодства, разведение фруктовых садов, наличие чугуно-литейного завода в с. Рожках, существование старообрядческой типографии в с. Старая Тушка – служит иллюстрацией энергии старообрядческого населения и отличает его от соседей. При таком повышенном уровне крестьяне охотно способствуют развитию музейного дела. Первоначально мне удалось заинтересовать кружок местных охотников и начать собирание старинного оружия. Затем на помощь пришли учащиеся, понемногу заинтересовались крестьяне.

Мысль о необходимости сохранения старинных предметов оказалась особенно близкою старообрядческому населению, и мне не пришлось потратить много труда для разъяснения полезности начатого мною мероприятия. Крестьяне научились искать среди окружающей обстановки предметы, которые могут оказаться ценными для науки и нужными для музея, привыкли относиться сознательно к окружающей обстановке. Молодое поколение проявляет удивительную энергию в отыскании интересных находок, но и со стороны взрослого населения как мужского, так и женского нет недостатка в примерах искреннего, порой прямо трогательного сочувствия и содействия музейному делу» [7]. Александр Иванович Янкин отмечал особенности старообрядческого населения как положительные и способствующие образованию черты. Староверы, приученные с детства к особому почитанию книги, обученные и воспитанные зачастую в домашних условиях, постоянно мыслящие и готовые отстаивать свою веру перед миссионерами, смогли приспособиться к новой власти благодаря трудолюбию и любознательности.

Яркую картину в своих воспоминаниях описал Б. Черезов в XX столетии: «В семьях была четкая субординация, как у казаков “слово старшего – закон”. Режим труда и отдыха по всему се-

лу был примерно одинаковым. Религиозная культура, трудовое воспитание дисциплинировали. Все работы по дому и в поле, а также религиозные обряды проводились строго по времени. Кушали пять раз в сутки (завтрак, полдник, обед, паузинок, ужин). Считали: «Вовремя сделанное дело в два раза ценнее». Утром вставали в четыре часа и раньше ложились спать в десять вечера, иногда позднее. Обед с 12 до двух, чтобы накормить лошадь и отдохнуть. В поле работали с 8 до 70 лет. Приучали к труду раньше с 2–3 лет. Жили, как правило, по 87–95 лет, были и долгожители по 105–106 лет. Семьи были многодетные от 8–12 до 26 человек. Непослушание считалось грехом. Каждый имел свои обязанности. С 1880 года по 1930 год в Тушке не было пожаров. Вредных привычек было мало. Курили в двух домах, алкоголиков не было. Не зарегистрировано убийств и самоубийств [8]. Старообрядцы выделялись доброжелательностью, трезвостью и вели здоровый образ жизни» [9]. Таким образом, система обучения и воспитания в среде вятских старообрядцев формировала здоровый образ жизни человека, четкость, дисциплинированность, которые помогали избегать негативных явлений в обществе, будь то пожар или преступность. Положительный образ старообрядцев помогал им и в новых политических условиях.

Александр Иванович Янкин приводил следующие примеры особой культуры местных старообрядцев: «Благодаря культурности крестьянского населения и в научную литературу проникло более сведений о древностях этого района: на анкеты А. А. Спицина в 1880-х годах отсюда было получено значительное количество сведений. Старообрядцы приносили книги, напечатанные в тайной старообрядческой типографии и в официальной в селе Старая Тушка, оформляли художественные выставки, «клигие», выгравленные на ущепе и гравированные на пальме местными художниками.

Есть отдельный старообрядческий отдел. При музее организовано научное общество археологии, истории и этнографии и изучения естественных богатств родного края, члены которого местные граждане – крестьяне. В данное время музей имеет связь с каждой деревней волости через своих добровольных сотрудников тоже местных. Журнал «Музейные проблески» № 1 вышел 15 ноября 1922 года. В журнале будет отведено место и художественно-литературным произведениям местных самородков, а также предполагается освоить и педагогическую деятельность в волостном масштабе. Музей имеет тесную связь с Казанским музеем. О музее имеются уже отзывы в научных журналах «Вестник просвещения». Вся эта научная работа протекает при самых трудных экономических условиях, и музей может жить только благодаря покровительству Политпросвета в лице товарища Чеблукова, Президиума Уисполкама в лице товарища Мирнева и при добровольном пожертвовании крестьянским населением» [10].

Кроме этого Александр Иванович отмечал, что «благодаря повышенному культурному уровню края все народонаселение вообще идет навстречу существованию музея, добровольно жертвуя экспонаты, нужные музею, порой очень ценные. Взрослые граждане, заходя ко мне на квартиру вели на тему краеведения беседы. Престарелый 70-летний прогрессиств области полеводства, жив и по се время и состоит в числе друзей нашего музея, который делится с нами своими знаниями в области истории культивирования края, а также знаниями преданий. В результате нашей работы наблюдается некоторое пробуждение в народе» [11].

Таким образом, приведенные примеры демонстрируют большое уважение и поддержку развития научных знаний со стороны местного населения, потребность сохранения старообрядческой культуры ставилась выше всяческих «мирских благ».

Староверы Вятского региона приспосабливались к новым условиям советской власти. Важно подчеркнуть, что «в деревне Старая Тушка в большинстве до 1925 года все старообрядцы, в том числе и дети, посещали церковь. С 1925 года наступил период отхода верующих от церкви, к середине XX века отход от церкви продолжался, и посещали ее исключительно старцы. В селе Старая Тушка насчитывалось 164 ученика, которые обучались в семилетней школе. Совместно с депутатом райсовета т. Ральниковым уполномоченный побывал в школе. Беседовали с учителями, учащимися, беседовали с председателем колхоза и Сельского совета, беседовали с колхозниками и установили, что церковь влияния на молодежь не имела, они не посещали ее. Из 164 человек учащихся 45 являлись членами ВЛКСМ и 75 пионерами, остальные учащиеся 1–2 классов. В беседе с медработниками выяснил, что года 3–4 назад многие учащиеся носили кресты, а при медосмотре в 1953 году не обнаружено с крестом ни одного учащегося» [12]. В отчетах за 1954 г. уполномоченный также отмечает дальнейшее сокращение численности верующих старообрядцев. Так, по деревне Леушино ярко иллюстрируется уменьшение количества верующих [13]. Сам факт того, что неоднократно проводились подобные проверки, говорит о том, что староверы продолжали оказывать влияние на детей. В данном примере то, что дети за три года перестали носить кресты, было во многом лишь их внешней уступкой, сложнее поверить, что за три года влияние родителей на них совершенно исчезло.

Можно привести еще такой пример. Б. Черезов, описывая историю старообрядческой семьи Фукаловых в с. Старая Тушка Малмыжского уезда, отмечал, что из этой семьи вышел известный председатель колхоза имени Мичурина Михаил Иванович Фукалов, награжденный орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и многими медалями. Потомок Сергей Петрович родился в 1923 г., ветеран войны. Окончив педагогический институт, он всю свою жизнь отдал Старотушинской школе. 30 лет работал ее директором. Вместе с Михаилом Ивановичем Фукаловым они приложили немало усилий для строительства новой школы [14]. Так, на примере одной семьи в советское время видно, что староверы старались дать своим детям лучшее по времени образование, стремились благодаря добросовестному труду вжиться в потребности времени, при этом не выставляя на показ, но сохраняя свою веру.

Таким образом, в первые годы советской власти старообрядцы Вятского региона отличались активностью в сфере образования и науки, стремились всеми силами сохранить воспроизводство своей культуры, отличаясь упорством и трудолюбием, стремились вжиться в систему новой власти. Несмотря на разрушительные для них меры советского правительства в 1920-е гг., староверы сумели выжить и приспособить свою систему жизнеобеспечения общины и воспроизводства культуры к колхозам и советским школам.

Примечания

1. *Мирослав И. К истории старообрядческого духовного образования в Прибалтике // Традиции духовного образования в старообрядчестве: история, современность, перспективы: сб. материалов / под ред. о. Евгения Чунина. Ржев, 2003. С. 36.*
2. *Трушкова И. Ю. Современное состояние старообрядчества в вятском регионе: вопросы существования в постиндустриальной эпохе // Международные Заволокинские чтения. Сб. 1. Рига, 2006. С. 180.*
3. *Бушков Е. И. Русский Турек // Уржумская старина. 1992. № 1–2(7). С. 9–10.*
4. *Черезов Б. Старая Тушка и ее обитатели // Сельская правда (Малмыж). 1996. 24 дек. С. 4.*
5. ГАКО. Ф. Р-1266. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 66.
6. ГАКО. Ф. Р-1266. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 67.
7. ГАКО. Ф. Р-1266. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 72.
8. *Черезов Б. Старая Тушка и ее обитатели // Сельская правда (Малмыж). 1996. 19 ноября. С. 4.*
9. *Он же. Старая Тушка и ее обитатели // Сельская правда (Малмыж). 1997. № 3. 9 янв. С. 2.*
10. ГАКО. Ф. Р-1266. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 74.
11. ГАКО. Ф. Р-1266. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 77.
12. ГАКО. Ф. 2169. Оп. 45. Ед. хр. 74. Л. 119.
13. ГАКО. Ф. 2169. Оп. 45. Ед. хр. 74. Л. 143.
14. *Черезов Б. Фукаловы из Тушки // Сельская правда (Малмыж). 1997. № 142. 22 ноября. С. 2.*

Notes

1. *Mirolubov I. K istorii staroobryacheskogo duhovnogo obrazovaniya v Pribaltike [To the history of old-believers' theological education in the Baltic States] // Tradicii duhovnogo obrazovaniya v staroobryadchestve: istoriy- Tradition of theological education of the old believers: history, contemporaneity, prospects: collection of materials / under the editorship of Eugene Chudin. Rzhev. 2003. P. 36.*
2. *Trushkova I. Yu. ovremennoe sostoyanie staroobryadchestva v vyatskom regione: voprosy sushchestvovaniya v postindustrial'noj ehpohe [Modern status of the old believers in Vyatka region: issues of existence in the postindustrial era] // Mezhdunarodnye Zavolokinskie chteniya – International Savelkinskiy reading. Coll. 1. Riga. 2006. P. 180.*
3. *Bushkov E. I. Russkij Turek [Russian Turek] // Urzhumskaya starina – Urzhum antique. 1992, No. 1–2(7), pp. 9–10.*
4. *Cherezov B. Staraya Tushka i ee obitateli [Old Tushka and its inhabitants] // Sel'skaya pravda (Malmyzh) Rural truth (Malmyzh). 1996, Dec 24, p. 4.*
5. ГАКО. Ф. Р-1266. Inv. 1. Stor. unit 17. Sh. 66.
6. ГАКО. Ф. Р-1266. Inv. 1. Stor. unit 17. Sh. 67.
7. ГАКО. Ф. Р-1266. Inv. 1. Stor. unit 17. Sh. 72.
8. *Cherezov B. Staraya Tushka i ee obitateli [Old Tushka and its inhabitants] // Sel'skaya pravda (Malmyzh) Rural truth (Malmyzh). 1996, 19 Nov., p. 4.*
9. *Idem. Staraya Tushka i ee obitateli [Old Tushka and its inhabitants] // Sel'skaya pravda (Malmyzh) Rural truth (Malmyzh). 1997, No. 3, 9 Jan., p. 2.*
10. ГАКО. Ф. Р-1266. Inv. 1. Stor. unit 17. Sh. 74.
11. ГАКО. Ф. Р-1266. Inv. 1. Stor. unit 17. Sh. 77.
12. ГАКО. Ф. 2169. Inv. 45. Stor. unit 74. Sh. 119.
13. ГАКО. Ф. 2169. Inv. 45. Stor. unit 74. Sh. 143.
14. *Cherezov B. Fukalovy iz Tushki [Fukalovs from Tushka] // Sel'skaya pravda (Malmyzh) Rural truth (Malmyzh). 1997, No. 142, 22 Nov., p.2.*

Утверждение городов Татарской АССР в 1926 г.

Статья посвящена изменениям, происходившим в системе административно-территориального деления Татарской АССР в 20-х гг. XX в. На основе опубликованных и неопубликованных источников автор раскрывает основные критерии, предъявляемые к городским поселениям, анализирует проект, представленный руководством ТАССР на санкционирование в центр, прослеживает процесс обсуждения проекта в столице, устанавливает причины, повлиявшие на принятие итогового решения при утверждении в Москве городов республики.

The article is dedicated to the changes which had taken place in the system of administrative-territorial division of the Tatar ASSR in the twenties of the twentieth century. On the basis of published and unpublished sources, the author shows the basic criteria of concept to urban settlements, analyses the project sent by establishment of the TASSR to the centre for the approval. The author also observes the process of discussion on the project in Moscow, determines the reasons which has had an influence on adoption the concluding decision of approving the urban settlements in the republic.

Ключевые слова: административная комиссия, ВЦИК, городское поселение, проект, РСФСР, ТАССР, ТатЦИК.

Keywords: administrative commission, VTsIK, urban settlement, project, RSFSR, TASSR, TatTsIK.

В середине 1920-х гг. советское руководство установило новые критерии, определявшие статус городских поселений для приведения последних к единообразию.

Согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г., все населённые пункты РСФСР надлежало разделить на городские и сельские поселения. Такие селения, как посады, местечки и т. п., необходимо было отнести к одной из двух вышеозначенных категорий. Исключение составляли дачные, курортные и рабочие посёлки, относившиеся к специальным группам населённых пунктов, правовой статус и признаки которых устанавливались особыми положениями.

Для отнесения населённого пункта к категории «город» претенденту требовалось соответствовать следующему основному критерию: количество совершеннолетнего населения должно было насчитывать не менее 1 000 человек, в том числе не более 25% занимающихся сельским хозяйством.

Помимо этого основного признака надлежало обращать внимание на следующие факторы:

- 1) достаточность земельного фонда для размещения объектов городской инфраструктуры;
- 2) перспективы увеличения численности жителей, объёмов торговли, развития промышленности;
- 3) близость расположения к железнодорожному, водному или другим удобным путям сообщения;
- 4) наличие пролетарского населения, заинтересованного в получении городского статуса [1].

Населённые пункты, не отвечающие этим условиям (за исключением вышеуказанных посёлков), переводились в разряд сельских даже при нахождении там какого-либо административного центра.

Между тем по усмотрению региональных властей «при наличии особых местных условий» они имели право ходатайствовать в Президиум ВЦИК об отнесении к городской или сельской категории населённых пунктов, не в полной мере отвечающих вышеприведённым критериям. Также в постановлении отмечалось, что те населённые пункты, которые до 7 ноября 1917 г. были городскими поселениями, продолжают считаться таковыми, если об их преобразовании в сельские не было специального постановления ВЦИК и СНК РСФСР [2].

В соответствии с декретом, административной комиссией при Президиуме ВЦИК была разработана и в октябре 1924 г. разослана в регионы инструкция, регламентирующая требования, которые должны были найти отражение в материалах, предоставляемых в Москву на санкционирование.

Своим постановлением от 13 апреля 1925 г. Президиум ВЦИК утвердил процедуру рассмотрения списков городских поселений, направляемых из автономных республик на утверждение, которая предусматривала их предварительное обсуждение его административной комиссией в общем порядке [3].

Направляя 24 апреля в Казань выписку этого постановления, административная комиссия ВЦИК просила ТатЦИК сообщить сроки предоставления соответствующих материалов на рассмотрение [4]. В связи с неполучением данных из Казани Москва была вынуждена неоднократно слать напоминания в ТАССР. Очередное такое обращение с просьбой ускорить отправку необходимых сведений состоялось через год после выхода постановления 15 сентября 1925 г., а впоследствии аналогичные запросы поступали в Казань ещё в феврале [5] и июне [6] 1926 г.

Наконец, после неоднократных запросов, в конце июня 1926 г. перечень городов ТАССР был готов для отправки в Москву. В основу проекта было положено решение «признать необходимым сохранение прежнего списка городов ТССР, утверждённого ВЦИК в 1924 г. при укрупнении волостей» [7], вынесенное на заседании Президиума центральной комиссии административных единиц при ТатЦИКе от 16 декабря 1925 г. [8] и утверждённое 30 декабря его секретариатом [9]. Поскольку с 1924 г. никаких изменений в этом реестре не произошло, ТатЦИК ходатайствовал утвердить прежний список из четырнадцати городов без изменений.

Такая позиция могла свидетельствовать не только о том, что руководство республики полностью устраивали городские поселения, одобренные ранее, но и о том, что в Казани, делая ставку на предыдущее постановление ВЦИК, которым они были утверждены прежде, рассчитывали на менее пристальное внимание при рассмотрении в Москве представленного списка городов. Иначе некоторые из них могли лишиться своего статуса, так как не в полной мере соответствовали новым требованиям.

Согласно постановлению Президиума ВЦИК от 8 мая 1924 г. в ТАССР были утверждены следующие города: Казань, Арск, Бугульма, Буинск, Елабуга, Лаишев, Мамадыш, Мензелинск, Свияжск, Спасск, Тетюши, Челны, Чистополь и Агрыз (заштатный город) [10]. С учётом принятого решения все они в полном составе были включены в документ, направляемый в Москву на санкционирование.

**Основные показатели городских поселений ТАССР
(по проекту) [11]**

Город	Городская территория (га)	Количество населения по переписи 1923 г.				Годовой оборот торговых заведений за 1924–1925 гг.
		всех возрастов (чел.)	всего (чел.)	старше 18 лет		
				численность (чел.)	удельный вес (%)	
Агрыз	Нет данных	4 771	2 551	924	36,2	нет данных
Арск	109	2 317	1 169	498	42,6	914
Бугульма	2 349	11 637	6 240	704	11,3	5 364
Буинск	1 954	4 723	2 174	474	21,8	1 500
Елабуга	2 925	10 179	5 283	933	17,6	3 144
Казань	6 745	162 260	102 258	1 145	1,1	41 222
Лаишев	747	4 100	1 921	854	44,5	435
Мамадыш	894	2 857	1 416	277	19,6	1 021
Мензелинск	1 498	7 336	3 803	1 765	46,4	1 142
Свияжск	979	2 757	1 438	27	1,9	424
Спасск	2 121	3 742	1 805	358	19,8	876
Тетюши	286	5 665	2 591	253	9,8	1 355
Челны	684	3 325	1 709	410	23,9	1 451
Чистополь	1 939	15 958	8 228	603	7,3	4 863

Из данных, приведенных в таблице, видно, что все городские поселения преодолели установленную планку в 1 000 человек по количеству совершеннолетнего населения.

Несмотря на это у четырех претендентов всё же могли возникнуть проблемы с утверждением в связи с превышением допустимой доли (25%) жителей, занятых сельским хозяйством. У Агрыза перелимит составлял 11,2%, у Арска – 17,6%, у Лаишева – 19,5%, у Мензелинска – 21,4%. В этих условиях рассчитывать на положительный результат можно было только опираясь на «особые местные условия».

Задержка в предоставлении данных была вызвана отсутствием сведений по территориям большинства городов из-за неопределённости их границ. Так, в управлении коммунального хозяйства ТАССР, например, отсутствовала информация о земельных площадях таких городских поселений, как Буинск и Свияжск, показатели по которым пришлось приводить по данным управления землеустройства Наркомзема ТАССР, а по Агрызу установление городской черты проводилось в текущий момент [12].

Получив из Казани ожидаемые материалы, административная комиссия ВЦИК направила их в ключевые наркоматы на рассмотрение.

Народный комиссариат земледелия РСФСР в своём заключении не оспаривал возможности сохранить статус 2/3 из представленных на утверждение городских поселений. В разной степени претензии предъявлялись пяти претендентам из четырнадцати: Агрызу, Арску, Лаишеву, Мензелинску и Свияжску.

Утверждение Агрыза городом в Наркомземе РСФСР считали необоснованным по следующим причинам:

- 1) сельским хозяйством занимались более 36% совершеннолетнего населения;
- 2) территория не установлена;
- 3) торговые обороты неизвестны;
- 4) не имел административного значения, являясь заштатным городом.

Согласию для ратификации Арска препятствовали следующие факторы:

- 1) количество взрослого населения, занятого сельским хозяйством, составляло свыше 42%;
- 2) ничтожность торгового оборота;
- 3) небольшая селитебная и внеселитебная территории.

Исходя из этого «признание Арска поселением городского типа не отвечало бы требованиям... постановления ВЦИКа» [13]. При этом в Наркомземе допускали возможность сохранения его городом ввиду административной надобности. Но эта сторона вопроса, как отмечалось в заключении, в представленных материалах своего отражения не нашла.

Одобрение Лаишева затрудняли следующие моменты:

- 1) численность совершеннолетних, для которых основным видом деятельности было ведение сельского хозяйства, превышало 44%;
- 2) скромные торговые обороты.

Более того, в Наркомземе сомневались в необходимости оставления Лаишева административно-городским центром, поскольку он располагался внутри административного треугольника Казань – Спасск – Чистополь.

Для санкционирования Мензелинска, где количество взрослых жителей, занятых сельским хозяйством, превышало 46%, и Свияжска, где лишь для 5% был указан род деятельности, Наркомзему РСФСР требовалась дополнительная информация об их административной значимости.

Итоги рассмотрения в Госплане РСФСР поступивших из Казани материалов оказались практически аналогичны результатам обсуждения в Наркомземе. Здесь также сомневались в необходимости утверждения городами Арска, Лаишева и Мензелинска «как не удовлетворяющих основным условиям отнесения их к населенным пунктам городского типа» [14], из-за большого количества жителей, занятых сельским хозяйством. Для прояснения статуса Агрыза Госплану требовались данные о его территории, торговых оборотах, а также карта Омгинской волости, в состав которой он мог войти при отнесении его к сельским поселениям. Отличия заключались только в позиции по Свияжску, к которому в Госплане претензий не нашлось.

Ещё одним наркоматом, куда для экспертного заключения поступил проект, был Наркомфин РСФСР. Здесь количество «непроходных» городов и вовсе не превысило двух. В ведомстве сочли необходимым отнести к сельским поселениям только Лаишев и Агрыз как имеющих большой удельный вес населения, занятого сельским хозяйством, и незначительные торговые обороты [15].

Таким образом, несмотря на то что все ведомства руководствовались одним и тем же постановлением ВЦИК и СНК РСФСР, результаты обсуждений были различны. Против утверждения Свияжска высказывались в одном из них, Арска и Мензелинска – в двух, Агрыза и Лаишева – в трёх. В разрезе ведомств количество не рекомендованных к утверждению городов разнилось от двух до пяти, или от 14 до 36% от общего количества рассматриваемых городов. Это свидетельствовало о разной степени тщательности проработки деталей проекта при неодинаковом учёте местных условий.

Все полученные административной комиссией ВЦИК заключения 23 августа 1926 г. были направлены в Казань для ознакомления и подготовки дополнительных сведений и обоснований по городам, вызвавшим сомнения наркоматов в целесообразности оставления их в прежнем статусе. Кроме того, сообщалось, что заседание в административной комиссии по утверждению городов ТАССР назначено на 16 сентября [16].

11 сентября из Москвы пришла телеграмма с просьбой командировать на него представителя ТатЦИКа. В тот же день из Казани была отправлена ответная депеша за подписью председателя ТатЦИКа Ш. Ш. Шаймарданова с просьбой перенести заседание примерно на две недели из-за проходившей с 10 по 17 сентября сессии ТатЦИКа [17]. Пойдя навстречу Казани, рассмотрение отложили, оно состоялось 23 сентября при участии представителя ТатЦИКа. Заслушав дополни-

тельные доводы по оспариваемым городам, комиссия посчитала необходимым перевести в разряд сельских поселений Агрыз, Арск, Лаишев и Челны [18].

Итоги заседания можно было бы считать предсказуемыми, если бы не попавшие в этот список Челны. В отличие от первых трёх городов, к которым замечания высказывались почти во всех ведомствах, где рассматривался проект, к Челнам, как соответствовавшим положению о городских поселениях, вопросов до этого заседания не возникало. Такое решение было продиктовано прежними административными перипетиями, происходившими в республике. Дело в том, что в отличие от остальных городов ТАССР, пребывавших в этом статусе ещё до 1917 г., Челны и Агрыз стали городами в 1921 г., возглавив одноимённые кантоны, но не пройдя в силу различных причин необходимую процедуру утверждения в центре. Только в 1924 г., при санкционировании в столице проекта укрупнения волостей ТАССР, они были зачислены в разряд городских поселений. То обстоятельство, что два года назад всё внимание в Москве было сосредоточено на волостной реформе, навредить Агрызу, к которому и без того был ряд существенных претензий, уже не могло. А вот для Челнов тот факт, что «по существу вопрос о преобразовании этого селения [Челнов] в город в то время не рассматривался» [19], стал непреодолимым препятствием. Отказывая в утверждении, административная комиссия данной формулировкой пыталась завуалировать своё нежелание утвердить Челны городом, давая понять, как может аукнуться нарушение установленных центром правил и процедур.

4 октября решение административной комиссии было направлено в Президиум ВЦИК, который утвердил его 18 октября [20].

Таким образом, в 1926 г. в результате «отсева» количество городов в ТАССР сократилось с четырнадцати до десяти. Из городских поселений в сельские были переведены города, которые не только не соответствовали одному из двух признаков ключевого критерия, но и имели различные дополнительные отягощающие факторы. В такой ситуации даже наличие «особых местных условий» не смогло помочь им сохранить их прежний статус. Исключением в этой четвёрке стали Челны, в полной мере отвечавшие установленным новым требованиям, что свидетельствовало о том, что в Москве не забыли казанской самостоятельности первой половины 1920-х гг.

Примечания

1. СУ РСФСР. 1924. № 73. Ст. 726.
2. Там же.
3. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 982. Л. 97.
4. Там же. Л. 96.
5. Там же. Л. 89.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5677. Оп. 7. Д. 306. Л. 1.
7. НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 982. Л. 92.
8. Там же.
9. Там же. Л. 91.
10. СУ РСФСР. 1924. № 44. Ст. 414.
11. Подготовлено автором по: ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 7. Д. 306. Л. 15.
12. Там же. Л. 3.
13. Там же. Л. 10 а.
14. Там же. Л. 13.
15. Там же. Л. 10 б.
16. НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 982. Л. 105.
17. ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 7. Д. 306. Л. 19.
18. Там же. Л. 26.
19. Там же. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 263. Л. 16.
20. СУРСФСР. 1926. № 69. Ст. 546.

Notes

1. Coll. of laws RSFSR. 1924. No. 73. Art. 726.
2. Ibid.
3. The national archives of the Republic of Tatarstan (hereinafter – NART). F. R-732. Inv. 1. File 982. Sh. 97.
4. Ibid. Sh. 96.
5. Ibid. Sh. 89.
6. State archives of the Russian Federation (hereinafter – SARF). F. R-5677. Inv. 7. File 306. Sh. 1.
7. NART. F. R-732. Inv. 1. File 982. Sh. 92.
8. Ibid.
9. Ibid. Sh. 91.
10. Coll. of laws RSFSR. 1924. No. 44. Art. 414.

11. Prepared by the author on: SARF. F. R-5677. Inv. 7. File 306. Sh. 15.
12. Ibid. Sh. 3.
13. Ibid. Sh. 10 a.
14. Ibid. Sh. 13.
15. Ibid. Sh. 10 b.
16. NART. F. R-732. Inv. 1. File 982. Sh. 105.
17. SARF. F. R-5677. Inv. 7. File 306. Sh. 19.
18. Ibid. Sh. 26.
19. Ibid. F. R-1235. Inv. 124. File 263. Sh. 16.
20. Coll. of laws RSFSR. 1926. No. 69. Art. 546.

УДК 9.908

С. В. Подкорытова

Участие выпускников общеобразовательных школ и учебных заведений системы трудовых резервов в ударных комсомольских стройках Урала (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)

Анализируется связь общеобразовательной школы и системы трудовых резервов со строительной отраслью Урала в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Показаны проблемы получения образования, соответствовавшего требованиям строительства. Охарактеризованы меры, предпринимаемые государством для улучшения связи школы с производством и привлечения выпускников школ на производство. Рассматриваются примеры участия выпускников школ в ударном строительстве в Уральском регионе. Отмечается, что подростки не могли работать на всех стройках из-за природных и иных условий. Государственная политика способствовала связи школы с производством, хотя для этого не всегда имелись возможности. Автор пришел к выводу, что выпускники общеобразовательных школ и учебных заведений системы трудовых резервов являлись одним из источников пополнения рабочей силой ударных комсомольскихстроек.

The connection of secondary school and the system of labor reserves with the building industry of Ural at the end of 1950s – the beginning of 1960s is analyzed. The author shows the problem of getting the education corresponding the demands of building. The measures which are taking by the state for improvement the connection of school with the industry and bringing the school leavers in industry are characterized. The examples of participation of school leavers in shock building in the Ural region are viewed. It is stressed that teenagers couldn't work on all the buildings because of the nature and others conditions. State politics promoted the connection of school with the industry though the possibilities were not always. The author comes to the conclusion that school leavers of secondary schools and educational establishments of the system of labor reserves were one of the sources of the labor force of shock Komsomol building.

Ключевые слова: ударная комсомольская стройка, выпускники школ и учебных заведений системы трудовых резервов, общественный призыв.

Keywords: shock Komsomol building, school leavers of secondary schools and educational establishments of the system of labor reserves, public call.

Вторая половина 1950-х гг. характеризовалась высокими темпами развития советской индустрии. В значительной мере оно осуществлялось экстенсивными методами – путем строительства крупных промышленных объектов, особенно в восточных районах страны. В мае 1956 г. обращением ЦК КПСС и Совета министров СССР было начато ускоренное развитие этих районов. В обращении было отмечено, что в стране были созданы экономический и технический потенциал для освоения природных богатств Урала и Сибири. Для освоения данных богатств требовалось большое количество людей, прежде всего молодежи [1]. Обращаясь к молодежи, советское правительство исходило из того, она являлась активной, мощной силой, не была чрезмерно обременена семейным бытом.

Целью нашего исследования является определение роли молодежи в обеспечении трудовыми ресурсамистроек и степени участия её в строительстве промышленных объектов на Урале.

Одним из источников пополнения кадров строителей Урала являлись выпускники средних школ и учебных заведений системы трудовых резервов. В 1951–1960 гг. в учебных заведениях

системы профтехобразования СССР в среднем за год выпускали примерно по 347 тыс. рабочих. Сравнительно небольшое число подготовленных там рабочих было связано с малочисленностью молодежи 1942–1944 годов рождения, которая, начиная со второй половины 1950-х гг., могла быть привлечена в ремесленные училища и школы ФЗО. В числе учащихся и школ ФЗО большинство составляла сельская молодежь. Городская молодежь предпочитала идти после общеобразовательной школы либо в вузы и техникумы, либо непосредственно на производство.

Слабая материально-техническая база учебных заведений системы профтехобразования, недостаточно высокий профессиональный уровень преподавательского состава затрудняли надлежащую подготовку высококвалифицированных рабочих. Выпускники школ и ремесленных училищ, как правило, доучивались на производстве. С развитием механизации и автоматизации производства положение с квалифицированными кадрами рабочих еще более обострилось. Многие школы и ремесленные училища были укомплектованы устаревшим оборудованием. В связи с этим расширялась подготовка новых рабочих непосредственно на промышленных предприятиях и стройках. Особенностью строительной отрасли являлось то, что она находилась в 1950-е гг. на ранней стадии индустриального развития, где еще был востребован ручной, физически тяжелый труд [2].

В сентябре 1957 г. ЦК КПСС и Советом министров СССР было принято постановление «О вовлечении в промышленное и сельскохозяйственное производство молодежи, окончившей общеобразовательные школы» [3]. 24 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Он устанавливал всеобщее обязательное восьмилетнее образование. В рамках данного закона учащаяся молодежь должна была готовиться к производительному труду. Школы переводились на новые программы политехнического обучения. В старших классах были введены практические занятия по машиноведению, электротехнике и сельскому хозяйству. Школьники, получая общее образование, осваивали рабочую профессию. Материальная база школ для производственного обучения создавалась в основном предприятиями индустрии. Для проведения учебно-производственной работы с учащимися старших классов выделялись квалифицированные рабочие, инженеры. Хорошая материальная база была далеко не во всех школах. Связь школы с предприятиями часто была формальной. Руководители предприятий негативно относились к освоению школьниками рабочих профессий в процессе общеобразовательной учебы, а школы, не имея необходимой технической базы и кадров, были в роли «бедного просителя» у своих шефов. Тем не менее курс на сближение учебных заведений с жизнью, с потребностями народного хозяйства в рабочих кадрах был оправдан [4]. Если раньше большинство выпускников школ поступало в вузы и техникумы, пополняя ряды интеллигенции, то теперь они шли на производство. Для лиц, имеющих после окончания средней школы двухлетний стаж практической работы на производстве или уволенных из рядов Вооруженных Сил СССР, предоставлялись льготы при поступлении в вузы.

В своей работе по привлечению молодежи на новостройки комсомольские организации особое внимание обращали на прием и трудоустройство выпускников средних школ, на разъяснительную работу среди них. Сразу после обращения партии к молодежи (1956 г.) Московским обкомом ВЛКСМ было проведено собрание выпускников средних школ Подмоскovie. 2,5 тысячи молодых москвичей собрались в Кремле, чтобы вместе обсудить главный жизненный вопрос «Кем быть?» и помочь своим сверстникам понять важность их участия в сооружении новостроек. Участники собрания приняли обращение ко всем выпускникам школ страны, в котором призвали следовать их примеру, поехать на новостройки [5].

В Свердловской областной организации ВЛКСМ вопрос о работе комсомольских организаций по вовлечению молодежи, окончившей среднюю школу в промышленное производство, был рассмотрен на бюро областного комитета, выносился на рассмотрение пленумов и хозяйственных активов городов и рабочих поселков [6]. Эта работа способствовала привлечению к активной трудовой жизни тысяч молодых людей, окончивших среднюю школу. В 1957–1958 гг. свыше трех тысяч юношей и девушек Среднего Урала изъявили желание после школьной скамьи трудиться на стройках Урала [7]. В 1958 г. более 60 выпускников школ Нижнего Тагила пошло на производство, в том числе на строительство прокатного стана «650» на Нижнетагильском металлургическом комбинате.

Были случаи, когда на новостройки молодежь выезжала целыми выпускными классами. В летопись каждой стройки вошли рассказы о трудовом росте тех, для которых стройка была первым рабочим университетом. Из с. Черепанова Новосибирской области в 1957 г. приехал строить Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат весь состав выпуска 10 «б», шесть парней и 16 девушек. Вместе они прокладывали железнодорожный путь, расчищали доменную площадку, прокладывали трамвайную линию. Вместе с домной росли и черепановцы. Маша Полянская, бывший комсорг класса, стала строить дома, поступила в вечерний техникум, пять подруг получили специальность крановщиц.

На каждой стройке были свои черепановцы. Во второй книге «День мира», в основе которой лежит горьковская идея сохранить для истории дыхание одного дня – 27 сентября 1960 г., – есть краткий рассказ о выпускниках Абаканской средней школы. На строительство Дивногорска и Красноярской ГЭС вместе с учителем М. М. Тательбаумом приехали выпускники Абаканской средней школы. В 1959 г. они написали повесть «Геройская быль не забыта, жива...» [8].

В 1958 г. выпускницы Бердской средней школы № 14 Новосибирской области прибыли на строительство Орско-Халиловского металлургического комбината. Здесь они строили комсомольскую домну и прокатный стан [9]. В 1959 г. на строительство Гайского горно-обогательного комбината прибыло 700 выпускников из школы № 24 г. Оренбурга, № 30 г. Орска и других школ области [10]. В 1962 г. Совет министров СССР в связи с неудовлетворительной работой на строительстве объектов Орско-Халиловского металлургического комбината обязал Главное управление трудовых резервов направить на работу в трест «Новотроицкметаллургстрой» 500 выпускников строительных училищ из разных городов СССР [11]. В том же году на ударные комсомольские стройки Челябинской области – Еманжелинский завод, Челябинский трубопрокатный завод – из строительных училищ было направлено 94 человека [12]. В декабре 1963 г. Совет министров СССР принял постановление «Об улучшении трудоустройства подростков», который устанавливал бронь в 3–5% от среднегодовой численности промышленного персонала для принятия на работу юношей и девушек [13]. Подростки работали не на всех ударных комсомольских стройках. Из воспоминаний В. Ф. Матусяк (председатель комсомольского штаба стройки газопровода «Бухара – Урал»): «На нашу стройку не брали подростков, так как условия труда были очень трудными, местность, по которой проходил газопровод, была разнообразной – пустыни, горы, поэтому у нас трудились, как правило, молодые люди, отслужившие в армии» [14].

Характеризуя участие молодежи в строительстве промышленных объектов, необходимо отметить, что поступая на работу после окончания общеобразовательной школы или учебного заведения системы трудовых резервов в строительные тресты, она сталкивалась с рядом проблем: отсутствие профессии, нужной квалификации, трудные условия работы и быта. Но при поддержке государства и хозяйственных руководителей строительных трестов и строек эти проблемы решались своевременно.

Примечания

1. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 17 мая 1956 г. № 648 «О мерах по обеспечению рабочей силой важнейших строек и предприятий, расположенных в восточных и северных районах страны и в Донбассе». URL: <http://expert-nii-kpu.ru/>

2. Клопов Э. В. Рабочий класс СССР (Тенденции развития в 60–70-е годы). М., 1985. С. 113.

3. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12.09.1957 № 1112 «О вовлечении в промышленное и сельскохозяйственное производство молодежи, окончившей средние общеобразовательные школы». URL: <http://lawru.info/dok/1957/09/12/n1193031.htm>

4. Пыжиков А. В. Реформирование системы образования в СССР в период «оттепели» (1953–1964 г.) // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 95–104.

5. Московский комсомолец. 1956. 27 мая.

6. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). Ф. 61. Оп. 14. Д. 387. Л. 175.

7. ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 16. Д. 30. Л. 7.

8. День мира. М.: Изд-во «Известие», 1962. С. 73.

9. Гвардеец труда. 1960. 2 февр.

10. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 1697. Оп. 10. Д. 6. Л. 15.

11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 556. Оп. 21. Д. 300. Л. 107.

12. Объединенный государственный архив Челябинской области. 485. Оп. 1. Д. 3180. Л. 75.

13. Постановление от 14 декабря 1963 г. № 1411 «Об улучшении трудоустройства подростков». URL: <http://base.consultant.ru>

14. Устные воспоминания В. Ф. Матусяк, записанные автором в 2015 г.

Notes

1. The resolution of the CPSU Central Committee and USSR Council of Ministers of may 17, 1956 N 648 “About measures on ensuring labour force the most important buildings and businesses located in the Eastern and Northern parts of the country and in Donbas”// <http://expert-nii-kpu.ru/>

2. Klopov E. V. Rabochiy klass SSSR (Tendentsii razvitiya v 60–70-e godyi). [The working class of the USSR (Trends in 60–70-ies)] M. 1985. P. 113.

3. The resolution of the CPSU Central Committee, USSR Council of Ministers from 12.09.1957 N 1112 “on involvement in the Industrial and agricultural production of high school graduates. Available at: <http://lawru.info/dok/1957/09/12/n1193031.htm>

4. Pyizhikov A. V. Reformirovanie sistemyi obrazovaniya v SSSR v period "ottepeli" (1953–1964 g.) [Reform of the education system in the USSR during the "thaw" (1953–1964)]// Voprosy istorii – Questions of history. 2004, № 9, pp. 95–104.
5. Moskovskiy komsomolets. 1956. 27 May.
6. The center of documentation of public organizations of Sverdlovsk region (CDPOSR). F. 61. Inv. 14. File. 387. Sh. 175.
7. CDPOSR. F. 61. Inv. 16. File. 30. L. 7.
8. Den mira – Day of peace. Publishment "Izvestie". M. 1962. P. 73.
9. Gvardeets truda – Guardman of labor. 1960. 2 fevralya.
10. The documentation center of the newest history of the Orenburg region. F. 1697. Inv. 10. File. 6. Sh. 15.
11. The Russian archive of socio-political history. F. 556. Inv. 21. File. 300. Sh. 107.
12. United archive of Chelyabinsk region. F. 485. Inv. 1. File. 3180. Sh. 75.
13. [The decree of December 14, 1963 N 1411 "about improving the employment of teenagers". Available at: <http://base.consultant.ru>
14. Oral memories of V. F. Matusiak, written by the author in 2015.

УДК 314.117(=512.1):39(477.75)

Г. И. Макаренко

Формирование этноса крымчаков как отражение исторически сложившегося полиэтнического пространства Крымского полуострова

Среди малочисленных народов России одним из самых уникальных является исчезающий этнос Крыма – крымчаки. Феномен исторического развития и выживания этого этноса в условиях перманентного нахождения в подавляющем меньшинстве среди других народов, представляющих совершенно различные социально-культурные общества и цивилизации, является предметом изучения историков, социологов, политологов многие годы, но до конца так и не обобщен.

В материале проводится исторический анализ появления и формирования в Крыму одного из коренных народов – специфической и исчезающей малой этнической группы крымчаков. На основе исторических фактов высказываются предположения о причинах абсолютно нетипичного сочетания у крымчаков религиозного учения иудаизма с социальными, культурными и этногенетическими элементами тюркоязычных народов. Кроме того, исследуются особенности интеграции еврейского населения в многонациональную и многоконфессиональную среду Крыма.

Among the indigenous peoples of Russia one of the most unique is the endangered ethnic group of the Crimea – the Krymchaks. The phenomenon of the historical development and survival of this ethnic group in conditions of permanent stay in the vast minority among other peoples of very different socio-cultural society and civilization, is the subject of study of historians, sociologists, and political scientists for many years, but until the end and not generalized.

The material presents a historical analysis of the emergence and formation in the Crimea, one of the indigenous peoples – specific and small disappearing ethnic groups of Krymchaks. On the basis of historical facts the assumptions about the causes is an atypical combination of Krymchaks religious teachings of Judaism with social, cultural and ethno-genetic elements of the Turkic-speaking peoples. In addition, examines the features of integration of the Jewish population in a multicultural and multireligious environment of the Crimea.

Ключевые слова: Крым; крымчаки; еврейская миграция на Крымский полуостров; иудаизм; формирование этноса.

Keywords: Crimea; Krymchaks; Jewish migration to the Crimean Peninsula; Judaism; the formation of the ethnic group.

Согласно последней переписи населения Крыма, проведенной в 2014 г., едва ли не самым малочисленным оказался один из коренных народов полуострова – крымчаки, которых официальная статистика выявила всего 228 человек [1]. Если же учесть, что таковым он является и в рамках всей России, то общественный интерес видится к нему вполне естественным. Более того, повышенное внимание к этой этнической группе имеет и сугубо научное обоснование, поскольку включает в себя множество факторов, которые отражают важнейшие исторические этапы заселения Крыма и характеризуют существенные стороны социально-культурных контактов народов региона – их межэтнические и межконфессиональные отношения.

Термин «крымчаки» впервые появился в официальных документах России только в 1859 г. [2] Одно из известных определений принадлежит советскому крымчакскому просветителю И. С. Кая: «Крымчаки – это особая группа евреев, которая издавна живет на Крымском полуострове и в значительной мере приняла татарскую культуру» [3].

Изучением различных аспектов – языка, этногенеза, культуры крымчаков – занимались многие ученые с царских времен и до наших дней. В частности, в научных кругах наиболее известными являются труды С. М. Дубнова, С. С. Заболотного, И. Б. Котлера, И. В. Ачкинази, М. Б. Кизилова. Однако, по мнению самих же ученых, в истории крымчаков имеется множество нюансов их деятельности, которые могут иметь разностороннее толкование, что и предполагает широкое поле исследования.

И здесь как достоверный источник сведений необходимо отметить Государственный архив Республики Крым. В частности, в нем автором изучены материалы Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), которая была одной из губернских ученых архивных комиссий России, действовавших в конце XIX – начале XX в, и которая занималась собиранием, изучением и сохранением исторических сведений и материалов из истории региона и населявших его народов. Среди 57 томов работ ТУАК, конечно же, нашлись исторические сведения и о еврейских общинах.

Возвращаясь же непосредственно к крымчакам, отмечу, что уже само их происхождение является предметом споров. Еще в XIX в. российский антрополог С. А. Вайсенберг указывал, что оно теряется в глубине веков. В 1920-х гг. тюрколог академик А. Н. Самойлович на основе изучения лексики крымчаков говорил об их принадлежности к хазарской культуре, а исследования групп крови, проведенные С. С. Заболотным, вывели на гипотезу о том, что они вовсе не относятся к семитским народам [4].

Однако и работы этих ученых, склоняющихся к доминированию тюркских корней крымчаков, и уж тем более труды иных деятелей науки не отрицают одного безусловного факта – наличия еврейской составляющей этого народа. Поэтому все разногласия сводятся либо к определению изначальных корней, либо к определению сколько-нибудь точных долей тюркской и еврейской крови крымчаков. Примечательно, что и среди представителей данного малого этноса единого мнения на этот счет не существует. Однако, думается, не случайно различные СМИ еврейских общественных организаций рассматривают крымчаков безоговорочно одной из ветвей народа Израиля.

Появление предков нынешних крымчаков в Крыму относится историками к разным периодам, но увязывается с появлением на полуострове именно евреев. Общепризнанным фактом является наличие их во II–I вв. до н. э. в греческих поселениях. Об этом есть точные свидетельства захоронений с соответствующей символикой, а также документы об освобождении иудеев-рабов их же хозяевами-евреями. То есть, очевидно, именно вместе с греками или к грекам и прибыли первые евреи Крыма.

В первые века нашей эры колонизация полуострова неизменно сопровождалась и еврейской колонизацией с расширением числа соответствующих общин и их членов в новых и старых поселениях. Во всяком случае, число документальных свидетельств об этом резко возрастает. Так, имеются свидетельства о выселении евреев в Крым римским императором Адрианом после подавления одного из восстаний. А относительно указанных выше выкупленных рабов есть данные и о том, что вполне приемлемой нормой было включение в еврейские общины тех из них, которые хоть и не являлись иудеями по крови, но принимали иудаизм в качестве вероисповедания (так называемые «себоменой»). Происходили такие случаи под постоянным контролем членов общин за обязательным посещением бывшими рабами синагоги и за проведением ими многочисленных ритуалов и обрядов [5].

Данные факты, полагаю, могут свидетельствовать о том, что, во-первых, иудеи Крыма изначально не были замкнутым народом, могли и находили возможности межэтнического диалога с представителями других этносов и даже, вполне возможно, допускали кровосмешение (с принявшими иудаизм), а, во-вторых, высоко чтит свои религиозные ценности, которые стремились расширить в регионе. Неудивительно, что ареал еврейских общин расширялся по побережью Крыма от Пантикапея до Херсонеса.

Совсем мало информации о еврейских общинах Крыма в период господства в большей части Крыма гуннов, разрушивших Боспорское царство примерно в 370-х гг. Однако в период с VI в., когда почти на весь Крым распространилось влияние Византии, они вновь упоминаются как влиятельные персоналии в вопросах торговли и общественной жизни (к примеру, неким византийским хронографом Феофаном) [6].

Период же с середины VII до середины IX в. вообще можно считать одним из самых успешных в древней истории евреев Крыма. В это время Византия удерживала под своим контролем лишь от-

дельные районы юго-запада полуострова с центром своего владычества в Херсонесе, а остальные территории уступила под напором Хазарскому каганату. Хазары, не будучи евреями по крови, тем не менее в конце VIII – начале IX в. окончательно оформили иудаизм в качестве основной государственной религии. Какова в этом была роль евреев Крыма, историки однозначного ответа не дают, но логично предположить, что и они свою роль в том сыграли. При этом снова можно допустить, что при наличии общей религии, ценность которой совершенно очевидно возвышалась евреями, вероятность смешанных браков между евреями и хазарами должна была существенно возрасти. При этом необходимо отметить, что тюркское происхождение хазар не оспаривается. То есть вполне можно предположить, что как раз хазарский период истории крымских евреев и мог стать если не определяющим, то весьма влиятельным в том, чтобы исследователи XIX–XX вв. определяли в крови их потомков (крымчаков) значительную долю тюркского происхождения.

Кроме того, характеризуя успехи еврейской общины Крыма, в социальном аспекте немало важно указать, что именно в тот период жесткого противостояния в Крыму Хазарского каганата с Византией на территории последней систематически отмечались всплески еврейских гонений. В частности, в истории остались такие факты 843 г., 873–874 гг. и 943 г. [7] В результате их, как предполагается, часть византийских евреев в поисках спасения перебралась именно в Крым с его максимально благоприятными условиями и вероисповедания, и жизни (в смысле не только климата, но и занятий предпринимательской деятельностью). То есть еврейские общины региона неизбежно должны были принимать в свой круг новых членов, смешиваясь с ними. Примечательно, что, по сведениям Таврической ученой архивной комиссии, именно тогда, примерно в 909 г., в Кафе (нынешней Феодосии) была построена одна из самых древних из всех известных на территории бывшего Советского Союза синагог [8]. Кроме того, крупные общины евреев остались в истории подтвержденными документально также в Солхате (Старый Крым), Сугдее (Судаке), Мангупе.

С середины IX в. хазары стали объектом активного вмешательства славян, а победы киевского князя Святослава в 964–969 гг. и вовсе положили конец самостоятельности хазарского государства. Однако Крым не стал зоной постоянного внимания киевских князей, и основной влиятельной силой в регионе еще некоторое время оставалась Византия.

Примерно с 1239 г. в истории Крыма начался монголо-татарский этап – в регион пришла Золотая Орда. Вне ее власти оказались лишь горные районы и южное побережье, которые ориентировочно с 1266 г. стали осваивать генуэзцы. Появилось и христианское княжество Феодоро. И тут стоит констатировать, что еврейские общины блестяще сумели адаптироваться даже к столь резким политическим изменениям.

Так, генуэзцы, ориентированные на развитие торговли, запрещали какие-либо ущемления евреев, и обе стороны быстро нашли в том обоюдную выгоду [9]. Этому процветанию был положен конец только османским вторжением в Крым в 1475 г., в результате которого генуэзские города-колонии прекратили свое существование.

Что еще важнее, не было ксенофобии и со стороны татарских правителей. При этом стоит отметить гибкость самих евреев в установлении деловых отношений с крымским ханом. К примеру, один из них, купец Хозя Кокос, в 1472–86 гг. был посредником в переговорах между московским князем Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем. Степень влияния этого персонажа на политические процессы не является предметом исследования, но любопытно отметить, что часть переписки велась на древнееврейском языке [10]. И уже из этого эпизода можно предположить, что само присутствие евреев в ближнем кругу хана как минимум не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Очевидно, что и в иных, например, торговых, отношениях другие представители еврейской общины могли находиться в тесном сотрудничестве с влиятельными вельможами крымско-татарских властей. Известно, что еврей-торговцы имели разрешения от хана – так называемые ярлыки (грамоты). К примеру, архивные материалы ТУАК, опубликованные в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» в томе 55 в 1918 г., представляют два ханских ярлыка, выданных евреям-крымчакам Карасубазара. Один из них был утвержден Селямет Гирей ханом и датирован 1595 г., а второй – Селим Гирей Хан Бин Каплан Гирей ханом в 1742 г. Ярлыки содержат информацию об освобождении от податей и повинностей сразу нескольких поименно названных иудеев-раввинистов (крымчаков). Выдавались они подданным крымского хана за исполнение государственных обязанностей либо за оказанные услуги, причем могли передаваться по наследству, но подлежали обновлению в случае прихода к власти нового хана [11].

Взаимодействие строилось и в специфических отраслях торговли. Так, с XV в. широко известны случаи, когда богатые крымские евреи выкупали у татар иных евреев, захваченных во время военных походов на Великое княжество Литовское и Речь Посполитую. Продолжалась и невоенная миграция евреев в Крым из тех же указанных выше государств, в том числе в связи с

гонениями, а также из Малой Азии, Италии, Испании, с Кавказа [12]. К слову, фамилии нынешних крымчаков (Бакши, Демарджи, Ламброзо, Абрабен, Лурье, Лехно, Ханбули, Гурджи) полностью подтверждают указанную широкую географию их происхождения.

Особый нюанс жизни крымских евреев связан с появлением на полуострове караимов (предположительно вместе с татарами в XIII в.). Предполагается, что они тоже являются евреями, только проповедующими особое религиозное вероучение – караимизм – также иудаизм, но основанный на Ветхом Завете, без признания Талмуда. С этого времени евреи, признающие Талмуд, стали называться евреями-раббанитами. Но именно появление караимов, также полагавших себя сынами Израиля, стало отправной точкой в расколе еврейской общественности Крыма в зависимости от религиозных предпочтений. (Впрочем, весомые материальные аспекты раскол этот получит только в российский период Крыма в XVIII в., будет связан с гражданскими ограничениями и налогами и не входит в предмет рассмотрения данного материала.) При этом в составе Крымского ханства караимы и евреи-раббаниты прекрасно сосуществовали рядом друг с другом по соседству, ограничиваясь теологическими спорами. Следует указать, что тогда в понимании подавляющего большинства населения полуострова – татар – крымчаки и караимы вообще отличались лишь прической – тем, что одни носили пейсы, а другие нет, но и тех и других татары полагали именно евреями. В произношении на татарском языке различие это выразилось вообще лишь парой букв. Действительно же существенным стоит признать тот фактор, что начиная с периода появления караимов вновь прибывающие в Крым евреи примыкали либо к общине караимов, либо к евреям-раббанитам, и впоследствии это оказало серьезное влияние на обе общины, как духовно и финансово, так и сугубо генетически.

Возвращаясь же непосредственно к крымчакам, следует указать, что многие историки справедливо отмечают, что столетия татарского владычества в Крыму вольно или невольно должны были вести к ассимиляции евреев, поскольку те находились в явном меньшинстве. Поэтому совершенно неудивительно, что доминирование татар определило и общественную ориентацию евреев. Уже к концу XIII в. стали меняться их язык и быт, впоследствии появились новые обычаи, в том числе частично или полностью перенятые у окружающего мусульманского населения. Та же Библия была переведена с иврита на сформировавшийся новый язык – крымчакский. Упадок внешней торговли неизбежно привел к замене ее ремеслами и земледелием [13]. Словом, процессы изменений общества в полной мере касались евреев вместе с другими национальными меньшинствами.

Таким образом, к моменту прихода в Крым Российской империи во второй половине XVIII в. тюркоязычная еврейская община полуострова уже имела давнюю и богатую историю. Более того, эту часть евреев должно считать исконным населением Крыма, поскольку за столетия своей жизни и деятельности в регионе она не только научилась выживать, но и сохранила национальные особенности и, что самое важное, несет в себе многовековые традиции, выработанные в соседстве с другими народами, что является материалом для дальнейшего исследования.

Примечания

1. Фонд развития национальных и федеративных отношений «Сближение». URL: <http://fond-sblizhenie.ru/nacionalnyj-sostav-naseleniya-po-itogam-perepisi-naseleniya-krymskogo-federalnogo-okruga-2014/>
2. Кизилов М. Б. Яхудиер Кырымча: крымские раббаниты-крымчаки. URL: <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer39/Kizilov1.htm>
3. Кая И. С. По поводу одной крымчакской рукописи // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. № 1(58). С. 100.
4. Заболотный С. С. Кровяные группы у караимов и крымчаков // Бюллетени постоянной комиссии. Изучение кровяных группировок при медицинской секции Харьковского научного товарищества. Харьков, 1928. С. 10–12.
5. Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/12248>
6. Ейльман Л. С. Миграционные процессы евреев-ашкеназов. URL: <http://club.berkovich-zametki.com/?p=19776>
7. Еврейская конфедерация Украины. Крымчаки. Электронный ресурс: URL: <http://www.jewukr.org/content/index.php/2012-01-30-00-22-39/318-2012-01-30-00-18-50>
8. Гидалевич А. Я. По поводу отрывков двух свитков Пятикнижия из Феодосийской еврейской синагоги // Известия ТУАК. 1899. № 30. С. 85.
9. Телушкин Р. И. Ашкеназы и Сефарды. Идиш и Ладино. Караимы. Крымчаки. URL: http://lirmann.io.ua/s210684/ashkenazy_i_sefardy_idish_i_ladino.karaimy.krymchaki
10. Информпространство: электрон. газета. URL: http://www.informprostranstvo.ru/N160_2011/istoriya.html
11. Гидалевич А. Я. Два ханские ярлыка, принадлежащие общине евреев-крымчаков в Карасубазаре // Известия ИТУАК. 1918. № 55. С. 175–176.

12. Кизилов М. Б. Крымчаки: современное состояние общины. URL: <http://library.eajc.org/page70/news13498>

13. Всеукраинский союз еврейских общественных организаций «Объединенная Еврейская Община Украины». URL: <http://ujew.com.ua/istoriya-kryma>

Notes

1. The Fund of the development of national and federative relations "Convergence". Available at: <http://fond-sblizhenie.ru/nacionalnyj-sostav-naseleniya-po-itogam-perepisi-naseleniya-krymskogo-federalnogo-okruga-2014/>

2. Kizilov M. B. YAhudiler Krymcha: krymskie rabbanity-krymchaki [Yahudiler Krymcha: the Crimean rabbanite-Crymchaks]. Available at: <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer39/Kizilov1.htm>

3. Kaya I. S. Po povodu odnoj krymchakskoj rukopisi [About one krymchak manuscripts] // Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i ehtnografii – News of the Tauride society of history, archaeology and Ethnography. 1927, No. 1(58), p. 100.

4. Zabolotniy S. S. Krovnyanye grupy u karaimov i krymchakov [Blood groups of the Karaims and Krymchaks] // Byulleteni postoyannoj komissii. Izuchenie krovnyanyh gruppirovok pri medicinskoj sekcii Har'kovskogo nauchnogo tovarishchestva - Bulletins of the standing Committee. The study of blood groups in the medical section of the Kharkov scientific society. Kharkov. 1928. Pp. 10–12.

5. Electronic Jewish encyclopedia. Available at: <http://www.eleven.co.il/article/12248>

6. Eilman L. S. Migracionnye processy evreev-ashkenazov [Migration of Ashkenazi Jews]. Available at: <http://club.berkovich-zametki.com/?p=19776>

7. Evrejskaya konfederaciya Ukrainy. Krymchaki – The Jewish Confederation of Ukraine. Krymchaks. Electronic resource. Available at: <http://www.jewukr.org/content/index.php/2012-01-30-00-22-39/318-2012-01-30-00-18-50>

8. Gidalevich, A. Y. Po povodu otryvkov dvuh svitkov Pyatiknizhiya iz Feodosijskoj evrejskoj sinagogi [About the passages of the two scrolls of the Pentateuch from Feodosia Jewish synagogues] // Izvestiya TUAK - News of Tauride Scientific Archive Comission. 1899, No. 30, p. 85.

9. Telushkin R. I. Ashkenazy i Sefardy. Idish i Ladino. Karaimy. Krymchaki [Ashkenazi and Sephardi. Yiddish and Ladino. Karaims. Krymchaks]. Available at: http://lirmann.io.ua/s210684/ashkenazy_i_sefardy_idish_i_ladino.karaimy.krymchaki

10. Ua: electron. newspaper. Available at: http://www.informprostranstvo.ru/N160_2011/istoriya.html

11. Gidalevich A. Ya. Dva hanskie yarlyka, prinadlezhashchie obshchine evreev-krymchakov v Karasubazare [Two Khan's labels owned by the community of Jews-Krymchaks in Karasubazar] // Izvestiya ITUAK – News of Tauride Scientific Archive Comission. 1918, No. 55, pp. 175–176.

12. B. M. Kizilov Krymchaki: sovremennoe sostoyanie obshchiny [The Krymchaks: current state of the community]. Available at: <http://library.eajc.org/page70/news13498>

13. All-Ukrainian Union of Jewish public organizations "United Jewish Community of Ukraine." Available at: <http://ujew.com.ua/istoriya-kryma>

Языковые средства создания образа Екатерины II в романе Б. Акунина «Внеклассное чтение»

В статье представлен лингвистический анализ образа Екатерины II в историческом романе Б. Акунина «Внеклассное чтение». В соответствии с концепцией описания образа человека, представленной в работах кировских лингвистов, образ императрицы рассматривается как совокупность процессуальных и непроцессуальных характеристик. Данная концепция позволяет провести целостный анализ образа персонажа литературного произведения, представить его как деятельную личность, а также принять во внимание статичные характеристики. На основании материалов исследования делаются выводы о том, с помощью каких языковых средств автор создает образ правительницы. Анализ текста романа показывает, что Акунин изображает императрицу в реалистическом ключе, в отдельных случаях преувеличивает отрицательные качества, гиперболизирует их. Особенностью романа является то, что автор стремится показать не только монарха, но и женщину.

The paper gives the linguistic analysis of character of Catherine the Great in B. Akunin's historical novel "Extracurricular reading". According to the concept of describing the person's character, which takes place in Kirov linguists' papers, the Emperess' character is represented as unity of procedural and non-procedural characteristics. This concept allows to analyze the character of Catherine the Great as an active person and describe her appearance and temper. On the basis of investigation's materials we make conclusions about the way Akunin creates the character of the ruler. Analysis of the novel's text shows, that the author represents Catherine the Great in a realistic manner, exaggerates her negative features in some cases. The peculiarity of the novel is the fact that Akunin tries to show not only a monarch, but a woman.

Ключевые слова: языковая личность, языковые средства, историческая личность, образ Екатерины II, процессуальные характеристики, непроцессуальные характеристики.

Keywords: linguistic personality, linguistic means, historical personality, the character of Catherine the Great, procedural characteristics, non-procedural characteristics.

Роман Бориса Акунина «Внеклассное чтение» впервые опубликован в 2003 г. В произведении параллельно развиваются две сюжетные линии. Действие происходит в начале XXI в., а также в последний год правления Екатерины II.

В данной статье мы анализируем языковые средства, с помощью которых Акунин создает образ императрицы.

Все характеристики можно разделить на процессуальные и непроцессуальные в соответствии с концепцией, принятой в работах кировских лингвистов [1]. Непроцессуальные характеристики образа человека – это «отображаемые в тексте его паралингвистические и кинетические характеристики, а также вербализованные сведения о человеке (внешность, одежда, социальное происхождение, система ценностей, пристрастия, желания и т. д.), содержащие информацию, так или иначе влияющую на модель поведения человека в разного рода ситуациях на протяжении его жизненного пути» [2]. Процессуальные характеристики «дают представление о модели поведения человека как обусловленной мотивами и целями его целенаправленной деятельности на протяжении всего жизненного пути или какого-либо его фрагмента» [3].

Непроцессуальные характеристики представлены 63 контекстами (24 лексических единицы). Можно выделить три группы языковых единиц:

- 1) языковые единицы, характеризующие внешний облик Екатерины II;
- 2) языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие императрице;
- 3) языковые средства, эксплицирующие систему ценностей Екатерины II.

Процессуальные характеристики представлены 50 контекстами (23 лексических единицы). Здесь выделяем две основных группы:

- 1) жизненный путь как отражение биографии;
- 2) модель поведения (цели и мотивы действий; поведение; особенности принятия решений).

Акунин изображает Екатерину II достаточно реалистично, в отдельных случаях даже натуралистично. Автор описывает лицо, глаза, щеки, подбородок, руки, ноги. Акцент сделан на фигуре императрицы: это очень полная женщина. Также активно используется прием сравнения.

Ср.: *Богородица Фелица была вся такая: толстая, раздутая, будто едва втиснувшаяся в платье. Ступня, поставленная на резную скамеечку, выпирала из сафьяновой туфельки, как разбухшее тесто из чугунка, подбородок висел складками, и даже под носом, где по физиогномическому устройству вроде бы и не положено, тоже была складка; Но папенька, казалось, не заметил ни пороссячьих щек, ни противной складки под носом, ни волосатой бородавки; Государыня повернулась всем своим грузным телом, отчего нога, покоившаяся на скамеечке, соскользнула на пол; Жирная рука нерешительно взяла из желоба на столе белую фишку, подержала на весу; И Митридат стал стоять смиренно, только смотрел уже не на жирную старуху, а на других игроков* [4].

При этом Акунин подчеркивает, что у Екатерины *лучистые глаза, простое лицо*, что, очевидно, является ее достоинствами.

Ср.: *Глаза же у матушки-государыни оказались светло-серые, лучистые, с хитрыми морщинками по краям. А может, морщинки не от хитрости, а от щек, подумал Митридат. Вон какие щеки пухлые, словно две подушки; Лицо размягченное, простое* [5].

Также Акунин обращает внимание читателя на детали (бородавка рядом с ухом).

Ср.: *А что это у ее величества пониже уха (государыня как раз повернулась к партнерше слева)? Ей-богу, бородавка, сиречь кожный узелок на эпителиуме, и из бородавки седые волоски* [6].

Мы видим, что Екатерина не идеализируется автором: анализ лексических единиц показывает это. Слова, при помощи которых Акунин создает образ императрицы, относятся к оценочной либо окрашенной лексике: *пухлые (неодобр.) щеки, пороссячьи щеки, жирная (разг.) рука, жирная (разг.) старуха, противная складка*.

Языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие персонажу, не так многочисленны. Только в трех контекстах дается представление о предметах гардероба.

Ср.: *Ступня, поставленная на резную скамеечку, выпирала из сафьяновой туфельки; Екатерина тут была совсем не такая, как давеча, в Малом Эрмитаже. Одета попросту, в свободное платье и белый тюлевый чепец; Бокал полетел на пол, обрызгав царицыно гродетуровое платье* [7].

Акунин показывает, что в различных ситуациях Екатерина одета по-разному: в официальной обстановке на ней платье из гродетур, плотной шелковой ткани темного цвета, сафьяновые туфли. В кругу приближенных она может чувствовать себя более свободно, об этом свидетельствует и ее одежда: свободное платье, чепец из тюля – легкой прозрачной ткани [8].

Из предметов обстановки автор выделяет лишь кресло, украшенное живыми цветами – ландышами из оранжереи. Вполне возможно, что данный предмет несет смысловую нагрузку, является символом.

Ср.: *Митя обреченно направился к возвышению, где уже поставили украшенное оранжерейными ландышами кресло для государыни* [9].

Автор отмечает даже запах, создавая тем самым более завершенный образ.

Ср.: *<...> от нее пахло лавандой, пудрой и чем-то пряным, вроде муската* [10].

Акунин называет Екатерину II по-разному: *Екатерина (18), государыня (13), императрица (10), ее величество (8), царица (7), жирная/толстая старуха (6), матушка-императрица (4), Богородица Фелица (2), великая монархиня (2), матушка-государыня (2), императрица Екатерина Великая, величайшая женщина русской истории, повелительница Российской империи, Афина Паллада, Минерва, старая бабушка, (новая) Семирамида, российская Юнона, ваше императорское величество, государыня-императрица, самодержица, повелительница, августейшая персона, августейшая бабка, матушка*.

Выбор лексем обусловлен тем, кто именно говорит про Екатерину. Автор, как правило, использует нейтральную лексику, Митридат Карпов (персонаж-ребенок) употребляет оценочную и окрашенную лексику (*жирная (разг.) старуха, старая бабушка*), подданные и придворные также используют различные слова для номинации. Выбор здесь зависит от того, как относятся к Екатерине II те или иные люди. Отец Митридата относится к императрице с подобострастием, называет ее *Афина Паллада, Минерва, ваше императорское величество*. Персонажи, которые устраивают заговор, также употребляют лексику с негативной коннотацией (*старуха*), но в обществе других людей относятся к императрице с почтением, что находит отражение в лексике (*матушка, матушка-государыня*).

Мировоззрение, ценности Екатерины II выражаются в ее речи, действиях. Императрица любит различные увеселения, развлечения. Ей нравится играть в бостон, раскладывать пасьянс, ей интересны уродцы, которых специально приводят. Императрица трепетно относится к своей

собачке, переживает, что не может вступить в брак с фаворитом. Она опасается, что ее отравят повара, и не подозревает о надвигающейся опасности, которая исходит от приближенных. Екатерина ценит людей с выдающимися способностями, покровительствует им. Не поощряет неразумные поступки. Негативно относится к политике Франции. Она с презрением относится к своему сыну, Павлу I, не видит в нем достойного преемника.

Ср.: *Жирная рука нерешительно взяла из желоба на столе белую фишку, подержала на весу; Раскладывала государыня пасьянс-солитэр, пребывала в мечтательном настроении. – Ах, – говорит, – мой маленький птенчик, отчего это старому мужчине, хоть бы даже и шестидесятилетнему, незачем жениться на молодой, а зрелой даме того же возраста повенчаться с женщиной двадцати шести или семи лет почитается невозможным? И опять смотрит с надеждой, вздохнуть боится* [11].

Ср.: *Засмеялась и императрица: – Ой ли? Ослабшая от смеха Екатерина махнула рукой: – Ну тебя, старый греховодник. Убери свою монстру. Да сто рублей подари. Ох, распотешил; А государыне нравилось. Она до слез смеялась адмираловым историйкам, особенно если попадались нехорошие слова, несколько раз даже их повторяла* [12].

Ср.: *– Хорошо, – говорила. – Только здесь душой и разнежись. Должно быть, у государей душа не от того отдыхает, от чего у обычных смертных* [13].

Ср.: *Уж прости, дружок, – обратилась она к Внуку, – что твою Лизаньку сюда не зову, больно свежа да хороша. А так рядом с моими старушками я могу чувствовать себя красавицей. – А вы, Яков Федорович, на моего Костю не сердчайте. Он хоть в университетах не учился, но в разных странах бывал, все повидал, и руки у него мягкие. Ну а вы-то, Аделаида Ивановна, куда морду тычете? Ах, полизать хочет, мое золотице!* [14]

Ср.: *Готовили в Зимнем дворце плохо, потому что государыня на кушанья была непривередлива, больше всего любила вареную говядину с соленым огурцом, и еще потому, что ее величество никогда не бранила поваров – боялась, что какой-нибудь отчаянный обидится да яду подсыплет* [15].

Ср.: *– Я дурству не потатчица!* [16]

Ср.: *Екатерина презирает своего сына и ни за что не передаст ему скипетр.*

Акунин опирается на исторические факты: известно «негативное отношение Екатерины II к французской революции» [17].

Ср.: *Царица нахмурилась – не любила французов* [18].

Процессуальные характеристики дают представление об особенностях поведения Екатерины II, ее деятельности.

Ср.: *...ее величеству приходится много улыбаться без истинной веселости; Государыня ласково поправила князю замявшийся кружевной манжет; Наклонилась, зашептала придвинувшемуся Зурову что-то, по всему видать, веселое – сама мелко смеялась, трясла подбородками; Теперь дошла очередь и до Карповых – российская Юнона, еще не доулыбавшись, повела взором с Мити на папеньку; ...как оно все превосходно в их жизни переменится, когда матушка-императрица Митридатом восхитится и к своей особе его приблизит, а там, глядишь, вспомнит прежнюю симпатию и устремит свой солнечный взор на некоего отставного секунд-ротмистра; ...волшебный взор Екатерины может самую малую травинку вмиг обратить в прегордый баобаб; Тепло не тепло, но некую субстанцию Митин взгляд, похоже, излучил, потому что императрица, еще не отсмеявшись над препирательством грека с англичанином, вдруг повернула голову и взглянула на маленького человека; Глаза Семирамиды изумленно расширились – видно, во дворце никто ей языка не показывал; Не сразу придумала, что спросить. По ласковой улыбке видно было, что хочет задать вопрос полегче; Царица руками всплеснула; Но Екатерина ничего, не обиделась, а даже облобызала Митю в обе щеки. Назвала «милончиком» и «умничкой»; Императрица, та подарила сто червонцев и велела завтра ввечеру придти в Бриллиантовую комнату, в шахматы играть, но сказала это лениво, зеваячи* [19].

Для описания действий Екатерины наряду с нейтральной лексикой Акунин использует книжные глаголы: *велеть, облобызать*

Императрица ласкова, большинство ее действий (в том числе и речевых) сопровождаются улыбкой. Но, как указывает автор, это мнимое веселье и легкость. Ср.: *<...> ее величеству приходится много улыбаться без истинной веселости* [20].

Акунин показывает Екатерину в состоянии покоя, безмятежности: *сказала это лениво, зеваячи; привольно потянулась.*

Ср.: *Право, отрадно. – Императрица привольно потянулась. – Будто двадцать лет долой; Императрица, та подарила сто червонцев и велела завтра ввечеру придти в Бриллиантовую комнату, в шахматы играть, но сказала это лениво, зеваячи* [21].

Автор указывает и на решительность императрицы в отдельных ситуациях:

Ср.: – *А все же выпью настоечки, – сказала решительно государыня. – Хоть и пятница, да грех небольшой. Опять же церковь не воспрещает, если для здоровья польза. Ведь ваша настоечка полезная, Константин Христофорович? Полюбила я ее, всю внутренность она мне согревает* [22].

Образ Екатерины II, созданный Акуниным, достаточно сложен. Анализ языковых средств позволяет сделать вывод о том, что автор стремился показать не просто императрицу, но и женщину. Он показывает ее недостатки, слабости, делая образ нетрадиционным и более понятным читателю.

Примечания

1. Чернова С. В. Образ Александра I как императора, полководца и человека: лингвистический анализ (на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир») // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. С. 85–98; Наумова Н. Г. Языковые средства создания образа П. И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010; Калинина Л. В. Языковые средства создания образа харизматической личности (на примере образа А. Д. Меншикова в исторической и художественной литературе) // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 15–27.

2. Чернова С. В. Процессуальные и непроцессуальные характеристики человека как основа для реконструкции его образа // Рациональное и эмоциональное в русском языке: междунар. сб. науч. тр. М., 2012. С. 555.

3. Там же. С. 557.

4. Примеры здесь и далее приводятся по изданию: Акунин Б. Внеклассное чтение. URL: <http://knijky.ru/books/vneklassnoe-ctenie>

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же.

8. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm

9. Примеры здесь и далее приводятся по изданию: Акунин Б. Внеклассное чтение. URL: <http://knijky.ru/books/vneklassnoe-ctenie>

10. Там же.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же.

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же.

17. Пискунова Е. П. Французские эмигранты при дворе Екатерины II. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskie-emigranty-pri-dvore-ekateriny-ii>

18. Примеры здесь и далее приводятся по изданию: Акунин Б. Внеклассное чтение. URL: <http://knijky.ru/books/vneklassnoe-ctenie>

19. Там же.

20. Там же.

21. Там же.

22. Там же.

Notes

1. Chernova S. V. Obraz Aleksandra I kak imperatora, polkovodca i cheloveka: lingvisticheskij analiz (na materiale romana L. N. Tolstogo "Vojna i mir") [Image of Alexander I as Emperor, military commander and man: a linguistic analysis (based on the novel by L. N. Tolstoy's "War and peace")] // Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scient. works. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2010. Pp. 85–98; Naumova N. G. YAzykovye sredstva sozdaniya obraza P. I. Chichikova (na materiale poehmy N. V. Gogolya "Myortvye dushi") [Linguistic means of creating the image of P. I. Chichikov (based on the poem by N. Gogol "Dead souls")]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2010; Kalinina L. V. YAzykovye sredstva sozdaniya obraza harizmaticheskoy lichnosti (na primere obraza A. D. Menshikova v istoricheskoy i hudozhestvennoj literature) [Linguistic means of creating the image of a charismatic personality (on the example of the image of A. D. Menshikov in the historical literature)]. // Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scient. works. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2012. Pp. 15–27.

2. Chernova S. V. Processual'nye i neprocessual'nye harakteristiki cheloveka kak osnova dlya rekonstrukcii ego obraza [Procedural and non-procedural characteristics of the person as the basis for the reconstruction of his image] // Racional'noe i ehmocional'noe v russkom yazyke: mezhdunar. sb. nauch. tr. – The rational and the emotional in Russian language: internat. coll. of scient. works. M. 2012. P. 555.

3. Ibid. P. 557.

4. Examples here the further are according to the edition: Akunin B. Vneklassnoe chtenie [Summer reading]. Available at: <http://knijky.ru/books/vneklassnoe-ctenie>

5. Ibid.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Episkin N. I. Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo yazyka [Historical dictionary of Russian gallicisms]. Available at: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm
9. Examples here the further are according to the edition: Akunin B. Vneklassnoe chtenie [Summer reading]. Available at: <http://knijky.ru/books/vneklassnoe-chtenie>
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Piskunova E. P. Francuzskie eh migranty pri dvore Ekateriny II [French emigrants at court of Catherine II]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskie-emigranty-pri-dvore-ekateriny-ii>
18. Examples here the further are according to the edition: Akunin B. Vneklassnoe chtenie [Summer reading]. Available at: <http://knijky.ru/books/vneklassnoe-chtenie>
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Ibid.

УДК [811.112. 2+811.111]: 81'362

Л. Г. Попова, С. Н. Исмаилова

Отображение дихотомии «красота/безобразия» в английских и азербайджанских паремиях

В статье рассматривается, исходя из философского понимания дихотомии, репрезентация соотношения красоты и безобразия в двух неродственных языках (английском и азербайджанском) на материале паремий. Демонстрируются результаты сопоставления двух семантических классификаций паремий на материале соответствующих словарей английского и азербайджанского языков. Сопоставление выявило присутствие схожих и отличительных моментов. Одинаковое наличие в классификациях блоков: соотношение красоты и безобразия, безобразия и красоты и взаимообусловленность существования красоты и безобразия. Специфика проявляется в присутствии разных групп в составе данных блоков. В английском языке паремии способны отобразить исследуемую дихотомию в виде групп: *внешняя красота – внешнее безобразие, внешняя красота – безобразное поведение, хорошие манеры – глупость, внешняя красота – внутренняя несостоятельность, безобразия – изменение к красоте*. В азербайджанских паремиях эту дихотомию специфично представляют такие группы, как *внутренняя красота – внешняя неопрятность, внутренняя красота (ум) – отсутствие практичности, красота – кичливость, красноречие – плохие дела, красота – старость/возраст, некрасивая внешность – ум, плохое поведение – хороший статус*. Эти отличия связаны с особенностями национальной культуры, получившей свое отражение в паремиях.

This article is considered, the basis of philosophical understanding of a dichotomy, representation of correlation of beauty and ugliness in two non-cognate languages (English and Azerbaijani) exemplified in proverbs. The results of comparison of two semantic classifications of proverbs are shown in the corresponding dictionaries of the English and Azerbaijani languages. Comparison has revealed presence of the similar and distinctive moments. Identical existence in classifications of blocks: correlation of beauty and ugliness, ugliness and beauty and also the continuation of existence of beauty and ugliness. Specifics are shown in the presence of different groups as a part of these blocks. In the English language a proverb are capable to display the studied dichotomy in the form of groups: *external beauty – an external ugliness, external beauty – disorderly behavior, good manners – stupidity, external beauty – internal failure, ugliness – a change to beauty*. In the Azerbaijani proverbs this dichotomy is a specific represent to such groups as: *internal beauty – external slovenliness, internal beauty (mind) – lack of a policy, beauty- arrogance, eloquence – bad affairs, beauty – anility/age, “ugly appearance – mind, bad behavior – a good status*. These differences are connected in features of the national culture which has received the reflection in proverbs.

Ключевые слова: дихотомия красоты и безобразия, паремии, английский язык, азербайджанский язык, неродственные языки, сопоставление, универсальность и специфика.

Keywords: dichotomy of beauty and ugliness, proverb, English, Azerbaijani, non-cognate languages, comparison, universalism and specifics.

Само слово «дихотомия» является заимствованием из греческого языка, где *dichotomia* – разделение на две части. В этом случае понимается деление на две непересекающиеся части; в логике – деление класса предметов, обозначаемых исходным понятием, на две взаимоисключающие части по наличию какого-то признака или его отсутствию [1]. Дихотомия бывает двоякой по характеру отношения между членами деления: с противоречащими членами, с внеположными членами. Дихотомия с противоречащими членами состоит в приписывании некоторого признака некоторой части объема делимого понятия и в отрицании этого признака у другой части. Цель такой дихотомии – полное раскрытие объема делимого понятия путем перечисления его ближайших видов. Дихотомия с внеположенными членами предусматривает исключение объема делимого понятия и нацелена на исключение его составных частей, которые противоречат друг другу [2]. Исследуемая нами дихотомия относится к разряду дихотомий с противоречащими членами.

В нашей статье будут сравниваться паремии двух неродственных языков (английского и азербайджанского) с целью выяснения универсальных и специфических качеств проявления данной дихотомии. Английский язык относится к группе германских языков индоевропейской языковой семьи, а азербайджанский язык входит в состав огузской группы языков тюркской языковой семьи. В качестве языка эталона был выбран английский язык. Целесообразно позже с ориентацией на данный эталон выяснить моменты сходства и различия в азербайджанском языке. Нами были проанализированы английские и азербайджанские паремии, представляющие изучаемую дихотомию в имеющихся фразеологических словарях, словарях пословиц, афоризмов английского языка [3]. Исходя из полученного списка паремий на сопоставляемых языках, была составлена тематическая классификация, состоящая из трех блоков.

Блок первый

«Красота – безобразие»

Блок второй

«Безобразия – красота»

Блок третий

«Красота предусматривает наличие безобразия»

Что касается первого блока, то есть *«Красота – безобразия»*, в английском и азербайджанском языках среди многих групп имеют место в одинаковой степени такие группы, как

«внешняя красота – внутренне безобразия»,

а именно – подгруппы

«внешняя красота – плохой характер»

Beauty is butskindeer (Красота обманчива).

Gözəllik (Красота обманчива, нельзя судить по наружности).

«красота – глупость»

Beauty and folly are old companions (Красота и глупость – старые друзья).

Gözəllik və ağılsızlıq yanaşı gedir (Красота и глупость рука об руку идут).

В английских паремиях присутствуют отличительные группы:

«внешняя красота – внешнее безобразия»

Rob your belly to cover your back (Убери свой живот, чтобы прикрыть (приукрасить) свою спину)

«внешняя красота – безобразное поведение»

Nice cloth doesn't add mind to anyone (Красивая одежда не добавит разума)

«хорошие манеры – глупость»

To succeed in the world it is not enough to be stupid, you must be well-mannered (Чтобы добиться успеха в мире, недостаточно быть глупым, вы также должны быть хорошо воспитанным).

«внешняя красота – внутренняя несостоятельность»

Fine feathers don't make fine birds (Красивое оперение не делает птиц красивыми).

В азербайджанских паремиях данный блок паремий содержит такие отличительные группы, как

«внутренняя красота – внешняя неопрятность»

Ağil libasın təzəliyi ilə ölçülməz (Ум измеряется не свежестью одежды).

«внутренняя красота (ум) – отсутствие практичности»

Ağil var, kamal yox (Есть ум, но он не умеет им пользоваться).

«красота – кичливость»

Cirkin özünü gizdedər, gəysek özünü görkəzər (Уродливый человек себя спрячет, а красивый будет лезть в глаза).

«красноречие – плохие дела»

Gözəl sözlərin arxasında çox çirkin əməllər, əzəmətli görkəmin arxasında

miskin bir qəlb gizlənə bilər (За красивыми словами много грязных дел, а за влиятельным человеком может стоять ничтожество – грязный человек).

«красота – старость/ возраст»

Gözəllik hakimiyyəti çox da uzun çəkməyənlərdir (Королева не может править долго только благодаря своей красоте/опираясь на свою красоту).

Обратимся ко второму блоку паремий в сопоставляемых языках. Это блок **«Безобразия – красота»**.

Как в английском, так и в азербайджанском языке отмечаем присутствие таких групп, как *«внешнее безобразие – хорошее здоровье, телосложение»*

Badly cut, but reliably sewn (Неладно скроен, да крепко сшит).

Üzdən bir şey deyil, amma bədəndən yaxşıdır (Лицом не вышел, но телосложение хорошее).

«плохая одежда – хороший характер»

A good horse is seen from afar (Доброго коня видно и под балахоном).

Yaxşı atköhnə çulun altında da bilinər (Хороший конь и под ветхой попоной виден).

В азербайджанском языке имеют место паремии, специфично отражающие данное соотношение.

«некрасивая внешность – ум»

Adamın hüsnünə baxma, ağına bax (Не гляди на лицо, смотри на ум).

«плохое поведение – хороший статус»

Aşna, aşna, sıxdı ocaqbaşına. (Aşnailə evlənmək.) (Любовница стала женой и хозяйкой).

Отдельный тематический блок образует английские и азербайджанские паремии, подчеркивающие обязательное присутствие двух составляющих, рассматриваемых в дихотомии.

«обязательность присутствия в дихотомии красоты и безобразия»

Этот блок включает две группы:

Группа 1

«красота предусматривает присутствие безобразия»

Nothing is beautiful from every point of view (Ничто не может быть красиво со всех точек зрения).

Armudun yaxşısını meşədə ağı ucu (Лучшая груша достанется медведю).

В английских паремиях отмечаем присутствие второй группы.

Группа 2

«безобразия – изменение к красоте»

A foul morn may turn to affair day (Ненастное утро может смениться ясным днем).

Сопоставление паремий двух неродственных языков показало универсальный характер противопоставления красоты и безобразия. Прежде всего, универсальность констатируем в присутствии трех блоков паремий, когда красота противопоставляется безобразию, когда безобразия противопоставляется красоте, и когда эти два явления существуют в единстве. Это подчеркивает справедливость диалектического закона единства и борьбы противоположностей.

Универсальным является противопоставление внешней красоты с внутренним безобразием, которое представляют плохой характер человека и отсутствие ума. Одинаковая репрезентация соотношения безобразия и красоты в английских и азербайджанских паремиях проявляется в соотношении внешнего безобразия с внутренней красотой человека, а именно присутствие некрасивой внешности, бедной одежды сочетается с хорошим здоровьем, красивым телосложением, с наличием хорошего характера. Что касается английских и азербайджанских паремий, то в них в одинаковой мере красота предусматривает наличие безобразия, подчеркивая обязательное присутствие гармонии в человеке, когда есть и достоинства, и недостатки.

Национальная специфика проявляется в английских паремиях в том, что внешняя красота в виде незаурядной внешности сочетается в человеке с безобразием в виде присутствия физических недостатков, во внутреннем безобразии в форме плохого поведения, глупости человека. В азербайджанских паремиях внешняя красота человека, его красноречие совмещаются с внешним безобразием старости, с внутренним безобразием в виде кичливости и плохих дел. А специфика внутренней красоты в виде ума совмещается в человеке с его внешним безобразием в форме неопрятности, с его внутренним безобразием, а конкретнее – с недостатками характера (отсутствием практичности). Отличительные черты проявляются в английских паремиях в представлении возможности изменения внешнего безобразия во внешнюю красоту.

Примечания

1. Философия: энцикл. словарь. 2004. URL: http://ariom.ru/wiki/fjes_Философская_энциклопедия/ под ред. Ф. В. Константинова. Т. 5. URL: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/ilosofskaja_ehnciklopedija_pod_red_f_v_konstantinova_tom_5/23-1-0-1293; Философский энциклопедический словарь. 2010. URL: <http://bookre.org/reader?file=404252>

2. Философская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова. Т. 5...

3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь: ок. 20 000 ф. е. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984; *Он же*. Большой англо-русский фразеологический словарь: ок. 20 000 ф. е. 5-е изд., перераб. М.: Рус. яз.: Медиа, 2006; Литвинов П. П. Англо-русский фразеологический словарь. М.: ВАКО, 2005; Сверхинская Д., Сверхинский А. Словарь пословиц на восьми языках. М.: АСТ; СПб.: Астрель, 2008; Vəliyeva. N. C. Azərbaycanca-İngiliscə-Rusca frazeoloji lüğət. Bakı: Nurlan, 2006; Xəlilovun S. Aforizmlər: seçilməşlərdən seçilməşlər. Bakı: Çasıoğlu, 2012; Zeynalli H. Azərbaycan atalar sözü. Bakı, 2012. URL: <http://www.nadirkitap.com/azerbaycan-atalar-sozu-h-zeynalli-kitap2946987.html>

Notes

1. *Filosofiya: ehncikl. slovar' - Philosophy: encycl. dictionary*. 2004. Available at: http://ariom.EN/wiki/fjes; Encyclopedia of philosophy / edited by F. V. Konstantinov. Vol. 5. Available at: http://platonet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/filosofskaja_ehnciklopedija_pod_red_f_v_konstantinova_tom_5/23-1-0-1293; Filosofskij ehnciklopedicheskiy slovar' - Encyclopedic dictionary of philosophy. 2010. Available at: http://bookre.org/reader?file=404252

2. *Filosofskaya ehnciklopediya - Encyclopedia of philosophy / edited by F. V. Konstantinov. T. 5...*

3. Kunin A. V. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'*: ok. 20 000 f. e. [English-Russian phraseological dictionary: approx. 20 000 ph. un.] 4th publ., revised and add. M. Rus. yaz. 1984. Also him. *Bol'shoj anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'*: ok. 20 000 f. e. [Comprehensive English-Russian phraseological dictionary: approx. 20 000 ph. un.] 5th publ., rev. M. Rus. yaz. Media. 2006; Litvinov P. P. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English-Russian phraseological dictionary]. M. VAKO. 2005; Sverchinskaya D., Sverchinsky A. *Slovar' poslovic na vos'mi yazykah* [Dictionary of Proverbs in eight languages]. M. AST; SPb. Astrel. 2008; Vəliyeva. N. C. *Azərbaycanca-İngiliscə-Rusca frazeoloji lüğət*. Bakı: NAvailable atan, 2006; Xəlilovun S. *Aforizmlər: seçilməşlərdən seçilməşlər*. Bakı: Çasıoğlu, 2012; Zeynalli H. *Azərbaycan atalar sözü*. Bakı, 2012. Available at: <http://www.nadirkitap.com/azerbaycan-atalar-sozu-h-zeynalli-kitap2946987.html>

УДК 82(1-87)

Е. Н. Михайленко

Образ байроновского Дон Жуана в контексте мифа о грехопадении

Статья посвящена исследованию образа Дон Жуана из одноименной поэмы Д. Г. Байрона в контексте мифа о грехопадении, сплетенного с прометеевским мифом. Их соединение позволило Байрону акцентировать внимание на ключевой для поэмы идее изначальной двойственности человека и самой цивилизации, возникшей в результате нарушения запрета. Рассказывая свою версию истории Дон Жуана, Байрон на примере его жизни реконструирует миф о грехопадении: состояние невинности, грехопадение и обретение опыта, являясь архетипической моделью, закрепленной в мифе, приобретают характер индивидуального переживания. В частности, сквозь призму мифа в статье рассмотрены детство героя и его любовные похождения, в которых Дон Жуан по воле поэта вынужден поочередно исполнять роли действующих лиц мифа: Адама, Евы и искушителя.

The article investigates the image of Don Juan in the poem by G. G. Byron in the context of the myth of the Fall, woven with the Promethean myth. Their connection allowed Byron to focus on the poem's key idea of the primordial duality of a man and of civilization itself, which arose as a result of violation of the prohibition. In telling his version of the story of Don Juan, Byron by the example of his life reconstructs the myth of the Fall: the state of innocence, the Fall, and the acquisition of experience, as the archetypal model, enshrined in the myth, acquire the nature of an individual experience. In particular, through the prism of myth in the article examined the hero's childhood and his amorous adventures, in which Don Juan at the behest of the poet is forced to perform alternately the roles of the myth characters: Adam, Eve and the tempter.

Ключевые слова: Дон Жуан, миф о грехопадении, прометеевский миф, мифотворчество.

Keywords: Don Juan, the myth of the Fall, the Promethean myth, mythmaking

Английская литературная традиция тесным образом связана с Библией, в особенности с Ветхим заветом. Начало этой традиции восходит к эпохе Реформации, когда Библия была переведена на английский язык и верующие получили возможность читать ее без посредника в лице римской церкви. Помимо Реформации Англия пережила в XVII в. буржуазную революцию, кото-

рая имела столь ярко выраженную религиозную окраску («пуританская» революция), что могла бы быть названа второй реформацией. Именно тогда библейская образность и символика стали неотъемлемой частью английского культурного сознания. В век Просвещения Библия подверглась процессу десакрализации и приобрела статус литературного и мифологического памятника. В этом качестве она оставалась востребованным источником мотивов и образов в английской литературе XIX в. В частности, романтики использовали Библию как фундамент для собственно-мифотворчества [1].

В художественном наследии Д. Г. Байрона библейская образность занимает очень заметное место. Даже если оставить в стороне произведения, написанные непосредственно на материале библейской мифологии, едва ли не в каждой поэме или драме можно найти скрытые или явные цитаты, мотивы и образы, взятые из Библии.

Последнее большое произведение Байрона, поэма «Дон Жуан» (1818–1823), изображающая современный мир и человека, содержит обширный мифологический материал, сгруппированный вокруг двух стержневых тем – ветхозаветной легенды о грехопадении Адама и греческого мифа о Прометее. Их внутренняя близость очевидна и неоднократно зафиксирована. Так, Ф. Ницше, отметив, что «оба мифа находятся между собою в той же степени родства, как и брат с сестрой», увидел это родство в том, что «лучшее и высшее, чего может достигнуть человечество, оно вымогает путём преступления и затем принуждено принять на себя и его последствия» [2]. По Г. Гадамеру, «оба сказания выводят тягостную участь человеческой жизни из провинности» [3].

В англоязычном байроноведении предпринимались попытки понять, что имел в виду сам Байрон, сплетая два мифа. Так, английский литературовед М. Джозеф, считая, что поэт следовал традиционной гуманистической трактовке мифа о Прометее, отмечает, что фигура титана ассоциируется в сознании поэта с мечтами о прогрессе человечества. Связывая огонь Прометея и древо познания, взятые в их символическом значении, исследователь делает вывод о том, что, по мнению Байрона, прометеевское начало в человеке способно устранить последствия первородного греха [4]. В свою очередь, американский байроновед Дж. Риденуор рассматривает «христианскую доктрину грехопадения как *метафору*, с помощью которой Байрон выражает свое собственное видение» [5] мира, лишённого гармонии, падшего мира. Под этим углом зрения прометеевская тема приобретает иной акцент и звучит далеко не оптимистично. Огонь Прометея – это «непрощенный огонь, который Прометей похитил для нас с небес» [6]. Этот огонь не по праву принадлежит людям, и они вынуждены расплачиваться за своеволие титана.

Таким образом, есть основания утверждать, что, соединяя два мифа, Байрон акцентировал внимание на идее изначальной двойственности человека и самой цивилизации, возникшей в результате нарушения запрета. Грехопадение и похищение божественного огня озаменовали начало исторического времени, став причиной всех последующих бед человечества, но в то же время и стимулом к познанию мира и преодолению ограниченности человека.

В «Дон Жуане» поэт заставляет своего героя пережить опыт Адама, имея в виду, что каждый человек проходит в своем существовании путь, пройденный нашими библейскими «прародителями». Состояние невинности, грехопадение и обретение опыта, являясь архетипической моделью, отраженной и закрепленной в мифе, приобретают характер индивидуального переживания. Именно под этим углом зрения Байрон рассматривает ветхозаветную легенду и реконструирует миф о грехопадении на примере жизни своего героя.

Глава о детстве и юности Жуана читается как пародийный парафраз мифа, где эдемское блаженство – строжайшее воспитание в доме высоконравственной ханжи-матери. Байрон дает понять, что состояние невинности, в котором пребывает до поры Жуан, таковым не является, поскольку эта «невинность» навязана извне. Показательно, что поэт демонстрирует свое отношение к невинности такого рода при помощи иронической ссылки на ветхозаветную историю о рае, «где наши прародители так и не научились целоваться, пока не были изгнаны из своего первожилища, где все было мир, невинность и блаженство (я удивляюсь, как они выдержали там двенадцать часов)» [7].

Сама идея изгнания из рая как удача для людей заставляет вспомнить мильтоновскую трактовку этого мотива, которую Байрон, судя по всему, имел в виду. В «Потерянном рае» грехопадение осмысливалось как печальное, но позитивное по своим последствиям событие, без которого не состоялась бы история человечества. Эдем «Потерянного рая», где позволялось целоваться, был более привлекателен, чем иронично обрисованное Байроном царство смертельной скуки, но оба поэта, вопреки общепринятому истолкованию мифа о грехопадении, были уверены в том, что настоящее место для человека не в стерильном саду наслаждений, но в большом мире. Только там человек и может самоутвердиться, преодолевая препятствия, теряя многое, но многое и приобретая. Подобная интерпретация мифа у Мильтона и Байрона ведет к пересмотру самого по-

нятия грехопадения, отчасти снимая с человека бремя вины за преступное своеволие и утверждая необходимость изгнания из рая. Несовершенство природы человека, обусловленное грехопадением, предстает в той же мере объективно необходимым.

Из «блаженного» Эдема детства Дон Жуан выбрасывается благодаря любовному приключению с донной Юлией, которое закономерно уподобляется грехопадению, лишаящему человека невинности и чувства защищенности. Корабль, на котором во избежание скандала был отправлен в путешествие Жуан, Байрон иронически сравнивает с ковчегом Ноя, уносящим праведника прочь от всех земных грехов [8]. Дальнейшие приключения Жуана, связанные с кораблекрушением, пиратами, войной и прочим, олицетворяют трагический жизненный опыт, который ожидал прародителей после изгнания из Эдема и с которым приходится сталкиваться их потомкам.

Любовные похождения героя, являющиеся частью этого опыта, уместно рассматривать сквозь призму мифа о грехопадении: отсылки к мифу возникают каждый раз, когда Жуан встречает новую возлюбленную. Так, опыт «первой и страстной любви», которую Байрон сравнивает с «воспоминанием Адама о своем падении» [9], Жуан переживает с Юлией.

Особое место в поэме принадлежит эпизоду, посвященному пребыванию героя на острове у Гайдэ: отношения молодых людей заставляют вспомнить идиллию Адама и Евы в Эдеме. Однако полностью уподоблять Жуана и Гайдэ прародителям нельзя, поскольку герои Байрона живут в падшем мире и никогда не знали состояния первоначальной невинности. Этим, вероятно, обусловлена двойственность образа Гайдэ. Едва ли случайно при описании ее внешности Байрон использует странные в отношении прелестной девушки эпитеты: глаза Гайдэ «черны, как смерть», быстрота и сила ее взгляда сравнивается с бросающейся змеей [10]. Красота Гайдэ настораживает, а упоминание о змее наводит на определенные ассоциации. Судя по всему, Байрон демонизирует не Гайдэ, а саму любовь, которая дарит человеку рай, но и губит его.

Таким образом, любовь в глазах Байрона обладает двойственной природой, будучи и созидательным, и разрушительным началом. Любовь воскрешает для потомков Адама райское состояние, утраченное прародителем, и потребность в любви есть не что иное, как ностальгия по былому совершенству. С другой стороны, любовь, сотворившая рай, сама и разрушила его. В аспекте темы Прометея любовь – это все тот же запретный дар, «непрощенный огонь», доставшийся людям не по праву, за что они и расплачиваются.

Следующая после Гайдэ женщина в жизни героя, жена султана Гюльбея, предстает искусителем – наполовину херувимом и наполовину змеем. Байрон прямо сравнивает ее с дьяволом, который в облике херувима искушает Еву: «В ней было все, чем страшен слабый пол, // Все дьявольские чары сатаны, // С какими он однажды подошел // Смутить покой Адамовой жены» [11]. Роль Евы вынужден исполнять Жуан и, возможно, он поддался бы искушению, повторив судьбу праматери, если бы не помешали обстоятельства.

Обитательницу гарема Дуду Байрон называет, как и Гайдэ, «дитя Природы». Более того, в ней угадывается Ева, на что указывает сон Дуду, в котором фигурирует яблоко [12]. Жуан был рядом с девушкой, когда ей приснился напугавший ее сон, и в этой ситуации уже сам герой должен восприниматься как искуситель, помимо воли играющий очередную роль.

В Лондоне Жуан получает доступ в «земной позолоченный рай» [13], как Байрон иронически именуется светскую жизнь столицы. Здесь героя ждет встреча с Авророй Рэби, которую поэт уподобляет светлomu серафиму, охраняющему врата рая и скорбящему о грешниках [14]. Аврора скорбит за всех людей, ведь вернуться в Эдем не сможет никто. Она – живое напоминание об утраченном рае, недоступном для человека после грехопадения; она – воплощение идеальной Любви, которая не требует расплаты за счастье и о которой падшему человеку остается только мечтать или «вспоминать», переживая опыт первой любви. Круг замыкается: выброшенный из Эдема детства в мир опыта, неоднократно пытаясь вернуть рай, невольно побывав в роли действующих лиц ветхозаветного мифа (положение искушаемого и искусителя – существенные грани человеческого опыта), и, наконец, получив доступ в суррогатный рай удовольствий, Жуан оказывается перед запертой дверью подлинного рая.

Таким образом, жизненный путь Жуана, увиденный сквозь призму мифа о грехопадении, сплетенного с мифом об украденном и непрощенном огне Прометея, предстает универсальной моделью существования человека. Характерно, что ветхозаветный миф, сочетаясь с историей Дон Жуана, приобретает новое звучание: подчеркивая инстинктивную естественность поступков героя, в том числе и его «грехопадений», Байрон кардинально переосмысливает библейский миф с его объяснением несовершенства человеческой природы. С другой стороны, образ Дон Жуана, детище культуры Нового времени, оказывается закрепленным во вневременной мифологической перспективе, приобретая черты «вечного» – уже не в литературном смысле – образа. Так на пере-

сечении нескольких мифологических тем вырастает новый, личный миф, отражающий представление Байрона о мире и человеке, а поэму в целом можно считать образцом романтического мифотворчества.

Примечания

1. Подробнее об этом см.: Михайленко Е. Н. Особенности романтического мифотворчества Д. Г. Байрона в мистерии «Каин» // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 889–892.
2. Ф. Ницше. Рождение трагедии из духа музыки. М.: Азбука-классика. 2000. С. 106.
3. Гадамер Г. Г. Прометей и трагедия культуры // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 242.
4. ...man, immortal and Promethean, reaches out for knowledge and power. Byron is in the tradition of those who have believed that, in attempting to conquer his limitations, man is attempting to repair the damage of the Fall // Joseph M. K. Byron the Poet. L.: Gollancz, 1964. P. 231.
5. ...in the poem the Christian doctrine of the Fall is a metaphor which Byron uses to express his own personal vision // Ridenour G. The Style of "Don Juan". New Haven: Yale Univ. Press, 1960. P. 21.
6. ...unforgiven Fire which Prometheus filch'd for us from heaven (I, 127; P. 695). Здесь и далее за исключением особо оговоренных случаев перевод подстрочный, а оригинальный текст цитируется по: DonJuan // The Complete Worksof Lord Byron. Paris: Baudry's European Library, 1837. Ссылки на оригинал даются с указанием в скобках номеров песни, строфы и страницы издания.
7. Where our first parents never learn'd to kiss // Till they were exiled from their earlier bowers, // Where all was peace, and innocence, and bliss // (I wonder how they got through the twelve hours) (I, 18, P. 684)
8. 'T was for a voyage that the young man was meant, // As if a Spanish ship were Noah's ark, // To wean him from wickedness of earth. (II, 8, P. 706)
9. first and passionate love...; Adam's recollection of his fall (I, 127, P. 695)
10. black as Death...; as the snake... who hurls at once his venom and his strength (II, 117, P. 718).
11. Перевод Т. Гнедич. Her form had all the softness of her sex // Her features all the sweetness of the devil, // When he put on the cherub to perplex // Eve, and paved (God knows how) the road to evil (V, 109, P. 765)
12. (VI, 75–77, P. 780)
13. An earthly paradise of *Or Molu* (XI, 66, P. 829)
14. She look'd as if she sat at Eden's door, // And grieved for those who could return no more (XV, 45, P. 863)

Notes

1. See more in: Mikhailenko E. N. Osobennosti romanticheskogo mifotvorchestva D. G. Bajrona v misterii "Kain" [Features a romantic myth by Byron D. G. in the mystery "Cain"] // Vestnik Bashkirskogo universiteta – Herald of the Bashkir University. 2009, vol. 14, No. 3, pp. 889–892.
2. F. Nietzsche. Rozhdenie tragedii iz duha muzyki [The birth of tragedy from spirit of music]. M. Azbuka-Klassika. 2000. P. 106.
3. Gadamer G. G. Prometej i tragediya kul'tury [Prometheus and the tragedy of culture] // G. G. Gadamer. Aktual'nost' prekrasnogo – The relevance of the beautiful. M. Iskusstvo. 1991. P. 242.
4. ...man, immortal and Promethean, reaches out for knowledge and power. Byron is in the tradition of those who have believed that, in attempting to conquer his limitations, man is attempting to repair the damage of the Fall // Joseph M. K. Byron the Poet. L.: Gollancz, 1964. P. 231.
5. ...in the poem the Christian doctrine of the Fall is a metaphor which Byron uses to express his own personal vision // Ridenour G. The Style of "Don Juan". New Haven: Yale Univ. Press, 1960. P. 21.
6. ...unforgiven Fire which Prometheus filch'd for us from heaven (I, 127; P. 695). Here and below except where otherwise indicated, the translation of the subscript, and the original text is quoted in: DonJuan // The Complete Worksof Lord Byron. Paris: Baudry's European Library, 1837. Links to the original are given in parentheses by indicating numbers of songs, verse and page of the publication.
7. Where our first parents never learn'd to kiss // Till they were exiled from their earlier bowers, // Where all was peace, and innocence, and bliss // (I wonder how they got through the twelve hours) (I, 18, P. 684)
8. 'T was for a voyage that the young man was meant, // As if a Spanish ship were Noah's ark, // To wean him from wickedness of earth. (II, 8, P. 706)
9. first and passionate love...; Adam's recollection of his fall (I, 127, P. 695) black as Death...; as the snake... who hAvailable ats at once his venom and his strength (II, 117, P. 718).
11. Transl. by T. Gnedich. Her form had all the softness of her sex // Her features all the sweetness of the devil, // When he put on the cherub to perplex // Eve, and paved (God knows how) the road to evil (V, 109, P. 765)
12. (VI, 75-77, P. 780)
13. Year earthly paradise of or Molu (XI, 66, P. 829)
14. She look d as if she sat at Eden's door, // And grieved for those who could return no more (XV, 45, p 863)

Маска в поэзии У. Б. Йейтса

Статья посвящена приему маски как одной из составляющих художественного своеобразия лирики ирландского драматурга и поэта У. Б. Йейтса. Этот прием рассмотрен на примере одного из ранних стихотворений поэта, «Песни скитальца Энгуса», лирическое «я» которого никогда прежде не становилось предметом отдельного исследования. В ходе анализа фигуры лирического героя в контексте всего произведения показано, как использование приема маски позволяет раскрыть специфику основных тем стихотворения – темы поиска поэтического идеала и связанной с ней темы любви. Рассуждая о приеме маски в поэзии Йейтса, автор статьи обращается в том числе к философии диалога, что позволяет взглянуть на «маски» в творчестве Йейтса по-новому.

The article is devoted to the mask as a specific literary device in the poetry of W. B. Yeats. This device constitutes one of the most important parts of Yeats's unique literary style. The author of the article analyzes the mask on the material of "The Song of Wandering Aengus", which is one of Yeats's early poems that has never been considered from the point of view of its poetic persona. It is demonstrated in the article how the use of the mask helps to reveal some peculiarities of the main subjects of this poem – that of the search for a poetic ideal and that of love.

Ключевые слова: лирика, Йейтс, лирический герой, маска, поэт и поэзия, поэтический идеал.

Keywords: poetry, Yeats, poetic persona, mask, poet and poetry, poetic ideal

Одна из важнейших особенностей идиостиля Йейтса — многообразие проявлений фигуры лирического героя. Это многообразие в значительной степени обусловлено активным использованием приема маски [1], с помощью которого поэт создаёт стихотворения от лица героев, с которыми он вступает в двоякие отношения – с одной стороны, автор-творец явно отделяет их от собственной фигуры, с другой – устанавливает определенные связи между собой и образами «других». Автор присутствует в стихотворении как бы под маской, с которой он взаимодействует и через которую фигура творца преломляется тем или иным образом.

Зачем поэту нужно такое разнообразие масок, и как они соотносятся с фигурой автора? Йейтс объяснил свой замысел, сформулировав доктрину маски в книге «Видение». Согласно этой книге, маска для поэта – второе «я», задача которого – дополнить личность автора теми желаемыми качествами, которыми он сам не обладает. Поэтическое творчество, таким образом, становится способом создания идеального «я», совершенной личности, способной полностью постичь и выразить бытие, его абсолютный смысл.

Для Йейтса маска является элементом *мифа о себе*, создаваемого в процессе поэтического творчества. В этом смысле стихотворения Йейтса – пример типа коммуникации, который Ю. М. Лотман охарактеризовал схемой «Я – Я», по контрасту с «Я – ОН». В системе «Я – Я» «носитель информации остается тем же, но... в процессе коммуникации... вводится добавочный – второй – код и исходное сообщение перекодируется в единицах его структуры, получая черты нового сообщения». Этот код «трансформирует самоосмысление порождающей текст личности и переводит уже имеющиеся сообщения в новую систему значений» [2].

Проследим процесс трансформации поэтического «я» на примере стихотворения «Песнь скитальца Энгуса».

I went out to the hazel wood,
Because a fire was in my head,
And cut and peeled a hazel wand,
And hooked a berry to a thread;
And when white moths were on the wing,
And moth-like stars were flickering out,
I dropped the berry in a stream
And caught a little silver trout.

When I had laid it on the floor
I went to blow the fire a-flame,
But something rustled on the floor,

And someone called me by my name:
It had become a glimmering girl
With apple blossom in her hair
Who called me by my name and ran
And faded through the brightening air.

Though I am old with wandering
Through hollow lands and hilly lands,
I will find out where she has gone,
And kiss her lips and take her hands;
And walk among long dappled grass,
And pluck till time and times are done,
The silver apples of the moon,
The golden apples of the sun [3].

(Я вышел в орешниковый лес, / Потому что в моей голове пылал огонь, / Срезал и очистил палочку из орешника, / И подвесил ягоду к нити; / Пока белые мотыльки кружили, / И подобные мотылькам звезды угасали, / Я опустил ягоду в ручей / И поймал маленькую серебристую рыбку. // Положив её на землю, / Я принялся раздувать огонь, / Но что-то зашелестело на земле, / И кто-то позвал меня по имени: / Она стала мерцающей девушкой / С яблочным цветом в волосах, / Которая назвала меня по имени и побежала, / Скрывшись в рассвете. // Хотя я состарился в странствиях, / Бродя по низинам и холмам, / Я выясню, куда она ушла, / И поцелую её губы и прикоснусь к её ладоням; / И пройду по длинной пестрой траве, / И буду срывать до окончания времён / Серебристые яблоки луны, / Золотистые яблоки солнца.)

Стихотворение было впервые опубликовано 4 августа 1897 г. в журнале «Скетч» под названием «Песнь безумца» (A Mad Song). Мотив «песни безумца» традиционен для английской поэзии [4], при этом у разных поэтов он выполняет разные функции [5]. Из наиболее близких к Энгусу безумцев-героев английской поэзии – король Лир. Оба героя показаны как умалишенные мудрецы, они достигают состояния, которое комментаторы стихотворения Йейтса называют «просветлением» [6], «выражением визионерской или мистической свободы от главенства здравого смысла и обыденности» [7]. «Песня скитальца Энгуса» предвосхищает более поздние произведения Йейтса, субъектом которых является лирический герой – безумный провидец, например цикл стихотворений о Безумной Джейн (Crazy Jane), песни Тома Лунатика (Tom the Lunatic).

В 1899 г. Йейтс, не редактируя текст стихотворения, меняет его название на «Песнь скитальца Энгуса» и включает его в сборник «Ветер в камышах». Новое название, практически перемещая мотив безумия на задний план, добавляет к стихотворению новые смыслы. С помощью отредактированного названия Йейтс выделяет фигуру лирического героя и указывает на его важнейшие характеристики.

Имя героя стихотворения, Энгуса, совпадает с именем бога любви и поэтического вдохновения в кельтской мифологии [8]. Так, имя субъекта лирического высказывания указывает на основные темы произведения и на неразрывный характер связи между ними – Энгус одержим любовью и поэтическим вдохновением. «Странствующий» – другое важное для понимания стихотворения слово, возникающее в заглавии в последней редакции. Странствия – традиционная в поэзии аллегория поиска идеала, стремления к познанию.

Литературоведы по-разному толкуют основной смысл стихотворения. Д. Росс полагает, что оно реализует идею «трансцендентного стремления» и последующей «фрустрации» [9], связанной с недоступностью идеала. М. О'Нилл, напротив, утверждает, что Энгус поет о «поиске, страстном стремлении и мечтах о финальном примирении оппозиций» (курсив наш. – Е. М.) [10].

Другие исследователи подчеркивают важность темы «опасности недоступной всепоглощающей любви» [11], прослеживая связь между образами стихотворения и событиями личной жизни поэта [12]. Называя, как и другие литературоведы, поиски идеала в этом стихотворении «саморазрушительными и бесплодными», А. Н. Горбунов проводит параллель между образом «золотых яблок», появляющимся в финале стихотворения, и легендой о земном рае и яблоках Гесперид, подчеркивая, что земной рай – лишь мечта, неосуществимая и недоступная.

Г. Блум видит «силу» «Песни скитальца Энгуса» в том, что «она находит вечное выражение» универсальной идеи неустанного поиска Эдена, некоего абсолютного смысла, идеального мира. Комментатор стихотворения приводит слова самого поэта: «Когда я влюблен, это не я, кто влюблен, а Энгус, который всегда ищет Эден через чужие глаза» [13]. Блум, как и многие другие исследователи, воспринимает финал стихотворения как «поражение» лирического героя: «визионерская надежда» Энгуса найти ускользнувшую девушку «сильнее и опаснее, чем было бы отчаяние», «надежда – это безумие».

Некоторые литературоведы называют «Песнь скитальца Энгуса» драматическим монологом, что, на наш взгляд, ошибочно. Обе формы – драматический монолог и маска – подразумевают, что субъектом стихотворения является герой, явно отличный от фигуры автора-творца. Однако отношения между героем стихотворения и автором-творцом в этих формах выражения лирического «я» совершенно разные. Р. Рейдер определяет разницу между драматическим монологом и маской следующим образом: «...самое общее различие между двумя группами состоит в том, что субъект речи во второй группе (имеется в виду маска. – Е.М.) не имитация настоящего человека, противопоставленного поэту, но заведомо искусственная фигура, проекция автора, маска, через которую он говорит» [14].

В лирическом герое «Песни...» объединяются сразу несколько фигур. Перед нами герой, сочетающий в себе черты древнего ирландского божества и земного, влюбленного поэта. Вводя в стихотворение имя Энгуса, Йейтс подчеркивает, что любовь и поэзия – сферы бытия, находящиеся под покровительством сверхначала, они неподвластны человеку. Божественная «ипостась» лирического субъекта призвана сделать возможным достижение поэтического идеала через любовь.

Автор-творец, смертный человек, ощущает себя не способным выразить те смыслы, которые ему представляются абсолютными, он приобретает сверхсилы, соединяясь с «другим», божественным, началом. Характеристики лирического субъекта двойственны – с одной стороны, он носит имя бога, он сам есть бог, потому что он влюбленный и поэт, с другой – герой стар («я состарился в странствиях»), он подвластен времени, как и любой смертный.

«Земная» ипостась героя этого стихотворения также имеет двойственную природу. С одной стороны, она обладает чертами биографического автора. Герой «Песни...» преследует недоступную девушку из сказочного народа Сидх, и в её образе большинство комментаторов видят Мод Гонн, в которую Йейтс был безответно влюблен на протяжении долгих десятилетий. С другой стороны, «земная» ипостась героя обладает чертами, отличными от черт биографического автора: герой стар, в то время как Йейтсу было тридцать два года на момент публикации стихотворения.

Итак, в субъекте стихотворения «Песнь скитальца Энгуса» можно увидеть сразу несколько фигур, взаимодействие которых и составляет образ героя лирического высказывания и требует специального рассмотрения. Прежде чем перейти к детальному анализу каждой строфы, отметим основные особенности общего строя стиха.

Графически и синтаксически стихотворение разделено на три равные части. При этом внутри каждой строфы с помощью рифмы образуются два катрена (например, схема рифмовки первого октета ababcdcd). Х. Вендлер объясняет отсутствие единства синтаксиса и рифмы следующим образом: «Структура воплощает фазы повествования: строфа для рыбы, строфа для девушки и строфа для поиска» [15]. Это наблюдение во многом верное – оно указывает на причину, по которой стихотворение синтаксически и графически разделено на три части. Перед нами – некий процесс, имеющий три основные стадии.

Однако комментарий Х. Вендлер не даёт ответ на вопрос, почему, с точки зрения рифмы, стихотворение делится на шесть частей, а не три. Деление рифмой подчеркивает, что в каждой строфе стихотворения присутствуют два основных образа. В первой строфе это дерево и ловля рыбы, во второй – пламя и девушка, в третьей – странничество и яблоки. Образы первой половины каждого октета сопряжены с земным началом (лес – в первой строфе, земля – во второй, странствия – в третьей), а образы второй – с небесным (звезды и мотыльки – в первой строфе, «светлеющий воздух», в котором исчезает девушка, – во второй, «яблоки луны» и «яблоки солнца» – в третьей). Иными словами, шестичастная структура стихотворения обусловлена дуальностью мира, описываемого Энгусом. Он стремится к «единству бытия», которое составляет идеальный мир, но достигает его лишь в мечтах, которым посвящён финал стихотворения.

Семантически стихотворение делится на две практически равные части – до и после появления девушки. Знаками границы между двумя этапами становятся слова «пламя» (10) и «имя» (12). Образ разжигаемого героем пламени – символ поэтического вдохновения, творческого горения, из которого рождается «имя», то есть поэтическое слово. Сам процесс подготовки к ловле рыбы, ловля рыбы и трансформация рыбки в девушку – творческий акт, а поиск девушки, которым Энгус становится одержимым, символизирует поиски поэтического идеала.

Перейдём к анализу первой строфы стихотворения. Основным образом первого четверостишия – лес, дерево. Орешник, с которого Энгус срезает палочку (3), согласно кельтской мифологии, является волшебным растением, символизирующим мудрость и познание. Следовательно, орешниковая палочка становится творческим инструментом, позволяющим познать абсолютный смысл, а также она отражает представление о творчестве как волшебстве, мире поэта и поэзии как противопоставленном действительности.

Образ волшебной палочки, «wand» (волшебная палочка, 3), переключается с образом странствий, «wandering» (странствия, 17). Этимологически эти слова не родственны друг другу [16], но в контексте стихотворения они приобретают определенные семантические связи, которые подчёркиваются идентичным звучанием и правописанием корня слов. Палочка – образ творческого усилия, поэтического инструмента, а странствия – символ поиска поэтического идеала, попытки познать и выразить абсолютный смысл, связанный прежде всего с образом девушки и через неё – с любовью.

Другой важный образ, появляющийся в первом октете, – пламя. Именно огонь, разгоревшийся в голове героя, заставил его войти в орешниковый лес. Это пламя, задающее движение Энгуса вперёд, имеет двуединую природу – это одновременно огонь поэтического вдохновения и горение любви. Образ огня сопоставляется со словом во второй строфе стихотворения с помощью рифмы (name, 18 – flame, 20).

Две части первого октета объединяются образом ягоды (4,7): ягода, попадая в воду (stream, 7), становится соединительным звеном между двумя мирами — растительным и водным. Некоторые комментаторы справедливо замечают, что здесь ягода – семя древа познания, а ловля рыбы – процесс познания [8; 39].

Пейзаж второй половины первой строфы полностью преобразуется – фокус внимания героя перемещается с растительного мира на образы *воды и воздуха*. Поэт изображает сумеречный мир, в котором все мерцает, переливается: над героем пролетают мотыльки (5), подсвечивая темноту ночи; на небе он видит звезды, «подобные мотылькам» (6), то «гаснущие», то появляющиеся вновь. Энгус опускает удочку в ручей, переливающийся поток (stream, 7), из которого вылавливает серебристую рыбку (silver trout, 8), чья чешуя мерцает под светом звёзд. Этот сумеречный мир, переходный между днём и ночью, становится временем волшебства, особого знания, являющегося герою. Сумерки – образ, символизирующий процесс перехода от незнания к знанию, трансформацию обыденного в волшебное, необычайное, поэтическое.

Процесс перерождения, начинающий разворачиваться в первой строфе, сопровождается частичными лексическими повторами: орешниковый лес – «hazel wood» (1) – превращается в орешниковую палочку – «hazel wand» (3); ягода, прикрепленная к нити (berry to a thread, 4), помещается в воду (berry in a stream, 7). Идея превращения и сопряженных с ним особых причинно-следственных связей выделяется с помощью фонетического параллелизма: образы волшебного дерева и соединительной нити привязываются к поэтическому сознанию автора (*hazel*, 1 – *head*, 2 – *thread*, 4); акт *вылавливания* рыбы связывается именно с мерцающим миром – звёздами (*flickering out*, 6) и сверкающей форелью (*trout*, 8); ручей (*stream*, 7) становится местом, где появляется форель (*trout*, 8).

На грамматическом уровне использование глагольных форм в первой строфе поддерживает власть героя над творческим процессом – семь из девяти глаголов относятся к действиям лирического субъекта.

Во втором октете процесс познания прерывается: прежде чем Энгус успеет разжечь огонь, форель превращается в девушку (13). В ритуал познания, полностью подконтрольный герою, вторгается чужая воля, воля «другого», и полностью подчиняет себе лирического субъекта. Лесная земля, «floor» (9, 11), являет себя как место, где происходит важнейшая для стихотворения трансформация – превращение рыбки в девушку. Когда образ земли появляется впервые, он связывается с волей Энгуса (I had laid it on the floor, 9), но при повторе он связывается уже с иным действующим лицом (but something rustled on the floor, 11). Герою не удаётся завершить круг алхимических превращений – он соединяет землю, небо и воду, но не успеет разжечь огонь. Таким образом, творческий ритуал, требующий четкого исполнения определённых правил и полностью подвластный поэту, сталкивается с неожиданным явлением, оказывающимся вне понимания и власти героя, и превращается в бесконечный (till time and times are done) поиск *некого* абсолютно-го смысла (недаром Энгус «скитается», «бродит без определенной цели» [17]).

Внутренний огонь из первой строфы (2) во втором октете должен принять внешнюю форму (10) – разгореться пламенем абсолютного поэтического знания, и любовная страсть героя должна оказаться взаимной, претвориться в жизнь. Но всего этого не происходит – истинное знание и взаимная любовь недоступны Энгусу, он может лишь жаждать и искать их.

Непретворенное пламя (10), невысказанное поэтическое слово, превращается в голос «другого», зовущего героя по имени, влекущего за собой (10). Власть над словом переходит от героя к девушке из народа Сидх, волшебному существу. С пламенем поэзии, словом связывается превращение рыбки в девушку – именно в первой части второй строфы «ничто» (11) трансформируется в «некто» (12).

От топоса слова совершается переход к образу девушки и мотиву побега. Во второй половине второго октета, как и во второй части первой строфы, возникают образы *воздуха, мерца-*

ния – «glimmering», «fade», «brightening air». Все они связываются, в первую очередь, с девушкой: именно её герой называет «мерцающей», именно она «рассеивается» в «проясняющемся воздухе». Внимание героя, в первом октете сосредоточенное на всех проявлениях окружающего мира, во второй строфе фокусируется на девушке. Её образ как бы вбирает в себя силы всех начал волшебного мира, описанного в первой части стихотворения, она – его порождение и его концентрация, своеобразное воплощение «единства бытия». «Мерцающая» девушка, убегая от Энгуса, – символ поэтического абсолюта, сумеречного, едва различимого, трудновыразимого и неизбежно ускользающего от поэта.

Любопытное наблюдение по поводу финальной строки второго октета, описывающей побег девушки, делает М. О'Нилл, отмечая, что здесь глагол и прилагательное семантически «тянутся в разные стороны». Действительно, глагол означает процесс угасания, постепенного исчезновения, а прилагательное — процесс просветления, при котором мир приобретает четкие очертания. Побег девушки происходит на рассвете, когда «воздух» начинает «проясняться», когда смутные силуэты сумеречного мира видоизменяются в предметы мира действительности, лишённого теней и подзвездного мерцания тайных смыслов. Побег девушки символизирует *потерю* поэтического вдохновения, трансформация мерцающего мира поэзии в ярко освещённый мир предметной реальности – трудность *удержания* вдохновения.

«Яблоневый цвет» (14) – образ, связывающий девушку из стихотворения с реальной женщиной, возлюбленной поэта Мод Гонн. По воспоминаниям Йейтса, он впервые увидел её в окружении яблоневых цветов, и лицо возлюбленной показалось ему «подсвеченным, словно яблоневый цветок, через который проходит свет» [18]. Таким образом, «яблоневый цвет» в стихотворении – ещё один образ особого, поэтического мерцания, преломленного искусством света.

Девушка, неземное существо, зовёт героя по имени (15) – поэт становится *избранным* божественным, потусторонним гласом. Влечёт героя не только «имя», то есть *слово*, но и «яблоневый цвет», то есть *любовь*.

На грамматическом уровне потеря власти героя над поэтическим словом, прерывание творческого акта выражается с помощью глагольных конструкций. Если в первой строфе почти все действия совершаются Энгусом, то во второй из восьми глаголов только два относятся к лирическому герою, а все остальные действия совершает девушка.

Финальный октет посвящён странствиям лирического героя, его поискам девушки, воплощающей поэтический идеал. Становится известно, что Энгус состарился в странствиях, и поиски его безрезультатны (1–3). Поэтический абсолюта оказывается недостижимым для него, как и взаимная любовь. В последней строфе творческие поиски героя-поэта (*wanderings*, 17), переключаясь с образом мудрости из первого октета, орешниковой палочкой (*wand*, 3), тесно связываются с любовью. Образы «низин» и «холмов», по которым «скитается» лирический субъект в поисках поэтического идеала, вызывают ассоциации с изгибами женского тела. Эти ассоциации усиливаются семантикой четвёртой строки строфы («и поцелую её губы, и прикоснусь к её ладоням»). Не случайно строка про «низины» и «холмы» рифмуется со строкой про «губы» и «ладони». Добавим также, что одно из значений слова «wander» связано с любовными отношениями, причём образ-ядро значения – руки: «Если руки мужчины блуждают (*wander*. – *Е. М.*), он касается тела женщины, в особенности там, где эти прикосновения нежелательны».

Таким образом, первое четверостишие последнего октета вводит мотив страстного желания познать абсолютный смысл, который связывается прежде всего с образом женщины, с её телесностью. Хотя некоторые комментаторы считают связь между Мод Гонн и образом девушки из стихотворения сомнительной, называя её «вестницей воображения Энгуса» [19], мы полагаем, что героиня стихотворения, как и сам Энгус, объединяет в себе сразу несколько фигур и смыслов. Она и неуловимая представительница волшебного народа Сидх, и недоступная Мод Гонн, и поэтический идеал одновременно.

В двадцать первой строке стихотворения происходит плавный переход от образов земли, связанных с плотью, страстью, к небесным образам. Центральный образ этой строки – «пестрая трава» – при переводе теряет значительную часть своего контекстуального значения. Слово оригинала, «*dappled*», фонетически практически совпадает со словом «*apple*», отсылая к «яблоневому цветку» в волосах героини и предвосхищая появление важнейшего образа поэтического абсолюта, образа яблока. Во второй части финальной строфы стихотворения герой мечтает о том, как будет собирать яблоки, плоды поэзии, то есть выражать достигнутое абсолютное знание. В действительности же он видел лишь «яблоневый цвет», зачаток абсолютного смысла, в конце концов ускользнувший от Энгуса.

По Йейтсу, поэтический идеал связан с объединением противоположностей, «единством бытия»: герой жаждет «срывать» одновременно и «яблоки луны», и «яблоки солнца» (23–24). Че-

редование четверостиший, в центр которых помещены образы земли, с четверостишиями, связанными прежде всего с небесными образами, завершается в последнем, шестом четверостишии, потенциальным объединением двух начал, земного и небесного.

Исследователь Ф. Тинкер, анализируя последнюю строфу стихотворения «Песнь скитальца Энгуса», делает вывод, что «время не имеет значения для героя», имея в виду, судя по всему, двадцать вторую строку («И буду срывать до скончания времён»). Это утверждение не вполне справедливо, так как в первой строке финального октета говорится, что герой «стар». На самом деле между семнадцатой и двадцать второй строками нет противоречия. В действительности герой стар, а его слова о бессмертии – это лишь мечты, связанные с его стремлением постичь и выразить абсолютное знание. Это бессмертие – бессмертие поэта, сочинившего идеальное произведение, для которого не имеет значения ход времени.

Вся активность героя в третьей строфе стихотворения лишь потенциальна. Идея возможности, нереальности описываемых действий выражена грамматически (*I will find out...*), и хотя из шести глаголов финального восьмистишия пять относятся к Энгусу, в этой строфе герой *не действует*, он *жаждет действия*.

Итак, основной темой «Песни...» можно назвать борьбу поэта за выражение абсолютного смысла. Инструмент этой борьбы – творческий акт, который в аллегорической форме представлен в стихотворении. Стремление к объединению противоположностей – доминанта стихотворения. Это стремление реализуется на всех уровнях стихотворения: от конкретных образов (в первую очередь, лирического героя) и рифмы до грамматического и фонетического строя произведения. Как и у раннего Йейтса в целом [20], в «Песни...» поиски абсолюта неразрывно связаны с женскими образами и через них – с темой любви.

Любовь в этом стихотворении играет парадоксальную роль: с одной стороны, она вынуждает Энгуса устремиться на поиски идеала, а с другой – становится той силой, которая не позволяет совершиться творческому акту, завершиться чудесному превращению.

Примечания

1. Мартьянов Е. Ю. Герой-маска как тип репрезентации авторского сознания // Актуальные вопросы филологических наук: проблемы и перспективы: материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. Чита: Изд-во «Молодой учёный», 2011. С. 12–15.
2. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты. (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2015. С. 33, 45.
3. Yeats W. B. *The Wind among the Reeds*. N. Y.: John Lane, 1899.
4. См., например, песни Офелии в «Гамлете» и речи Лира в «Короле Лире» У. Шекспира, стихотворения «Безумная песнь» (*The Mad Song*, 1783) У. Блейка, «Безумная мать» (*The Mad Mother*, 1800) У. Вордсворта.
5. У Блейка мотив безумия – элемент иронии, у Вордсворта и в «Гамлете» – элемент трагического.
6. Yeats W. B. *Mythologies*. N. Y.: Simon & Schuster, 1998. P. 115.
7. Pryor S. W. B. *Yeats, Ezra Pound, and the Poetry of Paradise*. N.Y.: Routledge, 2016. P. 65.
8. Tinker F. *Pagan Portal Pathworking through Poetry*. Winchester: John Hunt Publishing, 2012. P. 31.
9. Ross D. *A Critical Companion to William Butler Yeats*. N.Y.: Facts on File, 2009. P. 230.
10. O'Neill M. *A Routledge Literary Sourcebook on the Poems of W.B. Yeats*. L.: Psychology Press, 2004. P. 106.
11. Горбунов А. Н. Последний романтик. Поэзия Уильяма Батлера Йейтса. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 92–94.
12. Речь идет о многолетней безответной любви Йейтса к Мод Гонн.
13. Bloom H. *Yeats*. Oxford: Oxford University Press, 1970. P. 126.
14. Rader R. W. *The Dramatic Monologue and Related Lyric Forms* // *Critical Inquiry* 3 (1976). P. 140.
15. Vendler H. *Our Secret Discipline. Yeats and Lyric Form*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2007. P. 108.
16. Online Etymology Dictionary. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=Wand
17. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: http://www.ldoceonline.com/dictionary/wander_1
18. Yeats W. B. *Autobiographies*. L.: Simon and Schuster, 1999. P. 120.
19. Gorski W. T. *Yeats and Alchemy*. N. Y.: State University of New York Press, 1996. P. 60.
20. См. «Влюбленный рассказывает о розе своего сердца» (*The Lover Tells of the Rose in His Heart*, 1892), «Шутовской колпак» (*Cap and Bells*, 1894).

Notes

1. Mart'yanov E. Yu. *Geroj-maska kak tip reprezentacii avtorskogo soznaniya* [Hero mask as a type of representation of the author's consciousness] // *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (g. Chita, noyabr' 2011 g.)* – Actual problems of Philology: problems and prospects: materials of Intern. highest level scientific conf. (Chita, November 2011) / under the general editorship of G. D. Akhmetova. Chita. Publishing house “Young scientist”. 2011. Pp. 12-15.

2. Lotman Yu. M. Avtokommunikaciya: "YA" i "Drugoj" kak adresaty. (O dvuh modelyah kommunikacii v sisteme kul'tury) [Autocommunication: "I" and "Other" as addressees. (Two models of communication in the system of culture)] // Lotman Y. M. Vnutri myslyashchih mirov – Inside minded worlds. SPb. Alphabet. 2015. Pp. 33, 45.
3. Yeats W. B. The Wind among the Reeds. N. Y.: John Lane, 1899.
4. See, for example, the songs of Ophelia in "Hamlet" and the speech of Lear in "King Lear" by William Shakespeare, poem "Mad song" (The Mad Song, 1783) by William Blake, "Crazy mother" (The Mad Mother, 1800) William Wordsworth.
5. Blake has the motive of madness – an element of irony, Wordsworth and "Hamlet" have an element of the tragic.
6. Yeats W. B. Mythologies. N. Y.: Simon & Schuster, 1998. P. 115.
7. Pryor S. W. B. Yeats, Ezra Pound, and the Poetry of Paradise. N.Y.: Routledge, 2016. P. 65.
8. Tinker F. Pagan Portal Pathworking through Poetry. Winchester: John Hunt Publishing, 2012. P. 31.
9. Ross D. A Critical Companion to William Butler Yeats. N.Y.: Facts on File, 2009. P. 230.
10. O'Neill M. A Routledge Literary Sourcebook on the Poems of W.B. Yeats. L.: Psychology Press, 2004. P. 106.
11. Gorbunov A. N. [Last romantic. The Poetry Of William Butler Yeats]. M. Progress-Tradition, 2015. Pp. 92–94.
12. We are talking about a long-term unrequited love of Yeats for Maud Gonn.
13. Bloom H. Yeats. Oxford: Oxford University Press, 1970. P. 126.
14. Rader R. W. The Dramatic Monologue and Related Lyric Forms // Critical Inquiry 3 (1976). P. 140.
15. Vendler H. Our Secret Discipline. Yeats and Lyric Form. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2007. P. 108.
16. Online Etymology Dictionary. Available at: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=Wand
17. Longman Dictionary of Contemporary English. Available at: http://www.ldoceonline.com/dictionary/wander_1
18. Yeats W. B. Autobiographies. L.: Simon and Schuster, 1999. P. 120.
19. Gorski W. T. Yeats and Alchemy. N. Y.: State University of New York Press, 1996. P. 60.
20. See "Vlyublennyj rasskazyvaet o roze svoego serdca" (The Lover Tells of the Rose in His Heart, 1892), "SHutovskoj kolpak" (Cap-and-Bells, 1894).

УДК 82.09

О. М. Тарасова

Мотив природы в лирике Гюго (к вопросу о библейских сюжетах)

В статье рассматриваются лирические произведения В. Гюго на библейские сюжеты. Особое внимание уделено мотиву природы и анализу французских текстов. Эта тема недостаточно широко изучена в отечественной и зарубежной филологии. В статье анализируется поэма «Прославление женщины» (Le sacre de femme Eve). Ева сравнивается с цветами (незабудка, роза, лилия, лотос) и несет гармонию и красоту.

Поэтический цикл «Бог» (Dieu) и поэма «Небесный огонь» (Le feu du ciel) не переведены на русский язык и представляют особый интерес для изучения. Библейские аллюзии: Ева, Эдем, Содом, Гоморра выразительно представлены французским романтиком и вплетены в канву романтической мифологии. Яркие мифопоэтические иллюстрации представлены согласно библейскому содержанию. Изображение природного мира в произведениях Гюго на библейские сюжеты близко к поэтическому пантеизму.

The article deals with the lyrical works of Victor Hugo to the Bible stories. Special attention is paid to the motive of nature and the analysis of French texts. This topic is not extensively studied in Russian and foreign linguistics. The article analyzes the poem "Le sacre de femme Eve". Eva is compared with some flowers (forget-me-not, rose, Lily, Lotus) and brings harmony and beauty.

Poetic cycle "Dieu" and the poem "Le feu du ciel" are not translated into Russian language and are of particular interest for the study. Biblical allusions: Eva, Eden, Sodom, Gomorrah, expressive presents French romantic and woven into the fabric of the romantic mythology. A vivid poetic illustration according to Biblical content. The image of the natural world in the works of Victor Hugo to the Bible stories close to poetic pantheism.

Ключевые слова: пантеизм, Библия, библейский текст, Ветхий Завет.

Keywords: pantheism, the Bible, Biblical text, The Old Testament.

Природа с ее вечно неизменными и в то же время вечно меняющимися явлениями становилась постоянной темой творчества поэтов-романтиков. В предисловии к сборнику «Оды и баллады» В. Гюго утверждал, что поэту необходимо изучать две книги, Гомера и Библию, так как в них можно найти «мироздание, взятое с двух его сторон: в гомеровском эпосе – как понимает его

человеческий гений, в Библии – как видит его дух божий» [1]. Изображение природного мира в произведениях Гюго с библейским сюжетом близко к поэтическому пантеизму.

Пантеизм получил распространение в философии и культуре Франции начиная с 30-х гг. XIX в. Пантеизм XIX в. отказался от представлений о Боге как личности. Бог – это идея, мировой дух, нравственный закон. Мир – воплощение божественного начала. Как отмечает Т. В. Соколова, в романтической поэзии, проникнутой пантеистическими идеями, «мир как выражение божественной воли обретает внутреннее единство, величие и глубокий смысл, становится не только близким и понятным, но и родственным человеческой душе» [2]. Человек и природа как выражение одной и той же божественной жизни родственны и близки между собой. В стихотворении “*Ce qu'on entend sur la montagne*” поэт, любясь величественным пейзажем, сравнивает рокот волн с божественным гимном, который раздавался в храмах Сиона. Красота природы, моря и звездного неба представляется поэту как воплощение величия творца.

В поэме «Прославление женщины» (*Le sacre de femme Eve*) Гюго восхищается женской красотой как частью красоты самой природы. Ева – самая прекрасная из всех цветов, она такое же чудо, как весь сотворенный Богом мир. (*Eve offrait au ciel bleu la nudité Eve, blonde admirait l'aube, sa soeur vermeille.*)

Ева прекрасна, как цветы: роза, незабудка, гвоздика. Используя метафоры, поэт создает духовный образ природы. (*Comme si de ces fleurs, ayant toutes une âme, La plus belle s'était épanouie en femme.*)

Библия для романтика служит литературным источником, но поэт дополняет библейский текст. Он вводит описание райского сада. Эдем у него целомудренный (*Edem hudique*), сверкающий (*gaieux*), наполненный пением птиц (*les oiseaux gazouillaient*). Восхищение природой и красотой невозможно без веры в Бога. (*Êtreindre la beauté sans croire embrasser Dieu!*)

И Ева с ее неземной красотой так же прекрасна, как прекрасно место ее рождения – райский сад. (*Les vent set les ray on se semaient de tells delires Que les forets vibraient comme de grandes luyes, De l'ombre a la claret, dela base au sommet.*) (Ветра и лучи распространялись так неистово, что леса колыхались, как большие лиры, от тени к свету; от подножия к вершине.)

В поэтическом наследии Гюго есть произведения, в которых показана разрушающая сила природы как Божье наказание. В поэме «Небесный огонь» (*Le feu du ciel*, 1853) изображается гибель Содомы и Гоморры. Огонь, пожар, несущий демонов (*le feu qui porte des demons*), стал страшной силой, разрушившей древние города и унесшей множество человеческих жизней. В. Гюго изображает эту страшную трагедию, выделяя отдельные сцены: рухнувшие дворцы, разрушенные здания, обвалившиеся мосты, бронзовый идол в огне.

Принцип живописания, в котором отражается характерное для поэта видение мира и определяемые им средства художественной выразительности, служит также средством развития сюжета, дает возможность дополнить рассказ изображением ярких сцен, чтобы подчеркнуть драматичность происходящего события. У Гюго огонь – это живое, безжалостное существо. Испепеляющая туча неумолимо движется над землей, иногда она задерживается над морем или пустыней и спрашивает Бога, здесь ли она должна остановиться и выполнить волю Создателя. Но каждый раз Бог посылает ее далее и повелевает: «Нет, дальше. Иди! Следуй!» Голос с небес кричит темнеющей туче: «*C'est alors que passa le nuage noir ci, Et que la voix d'un haut lui cria: C'est ici!*» [3] Движение огня и воды показано по нарастающей, от слабых действий к безумным водоворотам.

Поэт рисует картины темных городов, которые уничтожены стихией, посланной Богом. И вновь автор описывает разрушающую силу огня: безжалостный огонь (*le feu sans pitié*), огонь разрушающий (*le feu qui foudroie*), верховный огонь (*le feu souverain*), алый и ясный огонь (*le feu vermelet limpide*). В поэме, сменяя друг друга, предстают как прекрасный пейзаж, так и разрушенные города, и испепеленная земля. «Вот Египет! Богатство земель, прохлада рек». Но вот уже предстает другая картина: «Безжизненная пустыня, черный хаос». Природа беззащитна перед лицом Творца.

Цветовая палитра, чередование черного и красного, света и тени напоминает вспышки огня. Небесная кара истребила все живое с лица земли. Божья сила и воля принесли не воскрешение добра и искоренение зла, а, согласно романтической концепции, это наказание принесло мрак, превратив цветущую землю в ледяное озеро.

Божий гнев изображен у В. Гюго как слепая, карающая сила, несоизмеримая с грехами людей, убивающая и грешников, и праведников. Небесная кара не приносит искоренение зла. При этом упоминание Бога у Гюго почти не сопровождается оценочными эпитетами, его действия, его могущество реализуется через непомерно жестокое наказание людям. Бог наказывает жителей Содомы и Гоморры, насылая на них разбушевавшуюся природную стихию. Обращаясь к его философско-религиозной концепции мира, можно сделать вывод о том, что В. Гюго понимает Бога как

благое начало, которое через испытания, катастрофы и революции ведет человечество по пути прогресса. Как отмечает Е. М. Евнина, «Гюго, таким образом, глубоко ощущает драматизм развития человеческой истории, но никогда не теряет оптимистической уверенности в преодолении зла и конечном торжестве светлого начала» [4].

В поэтическом цикле «Бог» (Dieu, 1883) Гюго развивает свои пантеистические взгляды, согласно которым добро и любовь являются основой живой и человеческой природы. Бог постоянно присутствует в природном мире: в звездах, в солнце, в огне. Природный мир в изображении французского романтика освобожден от всего случайного и безобразного. Природа, ее красота и многообразие в поэзии В. Гюго на библейские сюжеты являются творением Создателя. Дар поэта видеть прекрасное во всех проявлениях природы и умение изображать ее величие, согласно взглядам Гюго, должен заставить заговорить немое и оживить мертвое. Для поэта природа всегда остается прекрасным поэтическим инструментом.

Примечания

1. *Hugo V. Oeuvres poetiques complets, reunis Bouvel. P., 1961. P. 24.*
2. *Соколова Т. В. От романтизма к символизму: Очерки истории французской поэзии. СПб., 2005. С. 24.*
3. *Hugo V. Oeuvres poétiques complètes. P., 2011. P. 35.*
4. *Евнина Е. М. О творчестве В. Гюго. М., 1976. С. 45.*

Notes

1. *Hugo V. Oeuvres poetiques complets, reunis Bouvel. P., 1961. P. 24.*
2. *Sokolova T. V. Ot romantizma k simbolizmu: Oчерki istorii francuzskoj poehzii [From romanticism to symbolism: Essays on the history of French poetry]. SPb. 2005. P. 24.*
3. *Hugo V. Oeuvres poétiques complètes. P. 2011. P. 35.*
4. *Evnina E. M. O tvorchestve V. Gyugo [The works of V. Hugo]. M. 1976. P. 45.*

УДК 811.111.26

З. Д. Асратян

Синергетические аспекты художественного текста

Текст рассматривается как структура, для которой характерны общие синергетические принципы образования, функционирования и распада, поэтому для его анализа используется тот же самый математический аппарат, который используется для анализа других систем. В работе представлены основные понятия синергетики в процессе становления и бытия текста и дискурса. Рассматриваются синергетические аспекты формирования концепта художественного произведения. Концепт трактуется как дуалистический, включающий в себя семантический (идеологический) и эстетический компоненты. При презентации идеологического концепта тема художественного произведения предидируется к ее авторской интерпретации. На примере из американской поэзии показана роль повторов, особенно в сильных позициях текста, для презентации концепта в его идеологическом, эмотивном и эстетическом аспектах.

Text is looked upon as a structure which is characterized by general synergetic aspects of formation, functioning and decay. That's why it can be analyzed with the same mathematical apparatus which is used for the analyses of other systems. The article represents the main notions of synergetics in the course of formation and functioning of both text and discourse. Synergetic aspects are taken into account in the formation of concepts of Imaginative literature texts. Concept of a work of art is interpreted as bilateral comprising both ideological and aesthetic components. For the representation of an ideological concept the topic of a work of art is predicated to its author's interpretation. The examples from American literature demonstrate the role of repetitions, especially in strong positions of the text, for the representation of the concept in its ideological and aesthetic aspects.

Ключевые слова: синергетика, человекомерность, ГЦ (гармонический центр), концепт, анаграмма, тема.

Keywords: synergetics, human factor, HC (harmonious centre), concept, anagram, topic.

Синергетика – это новое научное направление, «репрезентирующее собой естественнонаучный вектор развития теории нелинейных динамик в современной культуре» [1]. Ю. А. Данилов и Б. Б. Кадомцев, определяют ее как науку, занимающуюся «исследованием процессов самоорганизации и образования, поддержания и распада структур в системах самой различной природы (физических, химических, биологических и т. д.)» [2].

Еще В. И. Вернадский отмечал, что «рост научного знания... быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам» [3]. Однако объединяющее начало синергетики касается не столько самих проблем, сколько способов их рассмотрения, аппарата анализа. Междисциплинарный характер синергетики проявляется в том, что принципы, лежащие в основе процессов самоорганизации, являются идентичными для всех систем, поэтому для их анализа может использоваться один и тот же математический аппарат. Подчеркивая междисциплинарный характер синергетики, ее создатель Г. Хакен отмечал, что «синергетика... позволяет рассматривать с единых позиций явления совершенно различной, казалось бы, природы, до сих пор находившиеся под наблюдением различных же научных дисциплин» [4]. В основе образования, существования и распада структур, по мнению Г. Хакена, лежат «законы, единые для всех происходящих в природе процессов» [5].

Ряд исследователей (Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкина и др.) иногда противопоставляют синергетические аспекты текста антропоцентрическим. Нам же представляется плодотворным другой подход к данной проблеме, который отмечает человекомерность синергетики (В. Г. Буданов, В. П. Визигин, В. Э. Войцеховский, Г. В. Гутнер, С. С. Хоружий, П. А. Колесова, Я. И. Свирский, П. Д. Тищенко, Е. И. Ярославцева и др.). Человекомерность синергетики проявляется в том, что она учитывает антропный характер процессов познания и речемыслительной деятельности. Заслуживает внимания точка зрения, предложенная И. А. Герман и В. А. Пищальниковой, согласно которой «системоцентризм должен находиться с антропоцентризмом в отношениях дополнителности, а следовательно, возможно осуществление совмещения обоих подходов в рамках более общей концепции, в которой объекты и артефакты включаются в иной парадигматический ряд и становятся предметом сопоставления и сравнительной оценки на основе иных интегративных свойств и характеристик» [6].

Основными принципами становления системы в синергетике считаются принципы «ТРЕХ НЕ»: нелинейность, незамкнутость (открытость), неустойчивость [7]. Нелинейность текста обеспечивается, с одной стороны, «свободой» выбора автора, который отражается и в концептуальном пространстве текста, и в его эстетической составляющей, а с другой – «свободой» интерпретации читателя. Рассматривая понятие текста, мы противопоставляем его закрытое пространство открытому пространству дискурса. Однако в процессе прочтения текст открывается читателем, становится частью его культурного дискурса. Одним словом, на уровне становления (создания и прочтения) текст открывается в дискурс. Н. Ф. Алефиренко под синергетикой дискурса понимает «взаимодействие всех порождающих его факторов, в результате которого происходит “слияние и содействие энергией”, направленное на онтологическую и функциональную “самоорганизацию” дискурсивного пространства и определяющее смысловую дистрибуцию его ингредиентов» [8]. Именно это «слияние и содействие энергией» порождает возможные флуктуации в точках бифуркации текста или, другими словами, его неустойчивость. В основе неустойчивости открываемого читателем дискурса лежит множественность его возможных интерпретаций, обусловленных и субъективными (читательскими), и объективными характеристиками (эпоха, страна и т. д.).

Бытие текста обусловлено своими принципами, а именно: принципами гомеостатичности и иерархичности. Через гомеостатичность проявляется стабильность системы, ее способность сохранять характеристики, приближающие ее к аттрактору. В тексте гомеостатичность характеризуется такими основополагающими чертами текста, как его законченность и завершенность. «Основным смыслом структурной иерархии, – утверждает В. Г. Буданов, – является составная природа вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим. То, что для низшего уровня есть структура-космос, для высшего есть бесструктурный элемент хаоса, строительный материал. То есть Космос предыдущей структуры служит Хаосом последующей, и мы говорим о нематериальной иерархии, например, в языке (фонемы, морфемы, слова, фразы, тексты...)» [9]. Принцип иерархичности легко соотносится с уровневой структурой языка. В языкознании принцип иерархичности работает очень четко: все единицы языка реализуют свои функции не на своем, а на более высоком уровне. Так, фонема выполняет свои форморазличительные функции на уровне морфем, морфема проявляет свои смысловоразличительные функции на уровне слов, слова реализуют свои номинативные функции на уровне словосочетаний и предложений и т. д.

В рамках синергетического подхода текст рассматривается как природный объект, подчиняющийся универсальным законам организации и самоорганизации. В тексте выделяются сильные и слабые позиции, чередование которых обуславливает его ритм. Инвариант структуры текста, по мнению Г. Г. Москальчук, «определяет иерархию частей целого, размер частей статистически подчиняется закону золотого сечения, отражающему идею однонаправленного во времени развертывания (экспансии) структуры». Пропорциональные отношения на основе золотого се-

чения при этом выступают как регулятор и посредник «между физическими параметрами языковой материи текста в процессах его структурной организации и самоорганизации и факторами, которые обусловлены биологической природой человека» [10].

Золотое сечение – это гармонический центр текста (0,618 от объема всего произведения). Другими сильными позициями текста являются его начало, конец, заглавие, эпиграф. И. В. Арнольд в качестве таковых рассматривает разного рода выдвигания. «Иерархия сильных и слабых позиций текста, – говорит Г. Г. Москальчук, – выступает в качестве одного из формообразующих факторов» [11]. В своем исследовании Г. Г. Москальчук показала, что «формообразование текста как смыслового целого осуществляется <... > по физическим законам. Одним из текстообразующих факторов выступает повтор как физический параметр текста, определяющий его целостность» [12]. Плотность повторов находится в зависимости от позиций текста и достигает наибольшей интенсивности в сильных позициях.

В данной работе хотелось бы проанализировать синергетические аспекты стихотворения Эдгара Аллана По «Улялюм» (*Ulalume*). Оно состоит из 10 строф. Позиция гармонического центра (0,618) приходится на седьмую строфу. Однако гармонический центр (ГЦ) не находится в одной точке. «Границы зоны ГЦ локализованы в точках (\pm) 0,236» [13]. Зона конца ГЦ приходится на 0,854 позицию текста. Таким образом, восьмая строфа также включается в зону гармонического центра. «Взаимное усиление (резонанс) различных ритмов и биоритмов человека выделяют позицию ГЦ в тексте как его кульминацию» [14]. В анализируемом нами стихотворении кульминация произведения приходится на конец восьмой строфы:

*She replied: "Ulalume-Ulalume-
"T is the vault of thy lost Ulalume!"* [15]

Это место в тексте, где душа поэта (*Soul*) осознает, что все смутные тревоги, мучившие поэта, были предвестниками ужасной встречи лирического героя с могилой своей возлюбленной Улялюм (*Ulalume*).

Более того, если попытаемся рассмотреть количественные характеристики данного текста с учетом не строф, а стихотворных строчек, то и в этом случае процитированные кульминационные строчки попадают в зону гармонического центра, являясь 80-й и 81-й строками из 104 строк всего произведения и занимая соответственно 0,769 и 0,779 позиции текста.

Нельзя не согласиться с точкой зрения большинства исследователей (Н. В. Черемисина, Г. Г. Москальчук, К. И. Белоусова, А. Ю. Корбут и др.), которые считают, что в функции ГЦ и других сильных позиций текста входит передача наиболее важного содержания текста. Так, А. Ю. Корбут подчеркивает, что «сильные позиции действительно выполняют функции смыслоразличения в структуре текста и являются наиболее эффективными точками текста. Информация в этих позициях имеет высокую степень запоминаемости и влияния на формирование содержательной структуры текста» [16].

По мнению К. И. Белоусова, «семантическое пространство текста представляет собой самоорганизующуюся систему, в которой одновременно по нескольким конкурирующим сценариям осуществляется процесс синтеза слов в микротемы (все большей и большей степени общности), завершающийся наибольшей общностью – темой текста» [17]. Микротемы обнаруживаются на уровне диктема, минимальных единиц тематизации текста, формируемых предложениями (М. Я. Блох, 1985, 1994, 1999, 2000, 2004 – понятие диктемы) [18]. Эти микротемы формируют макротемы, которые, в свою очередь, создают глобальную тему произведения, которая становится основным объединяющим и формообразующим фактором текста. И повторы, особенно в сильных позициях текста, играют ключевую роль в репрезентации темы.

В балладе проанализированные нами сильные позиции подчеркивают основные аспекты темы – горе лирического героя, потерявшего возлюбленную *Ulalume*. Заглавие произведения *Ulalume* – еще одна сильная позиция в тексте.

Но роль сильных позиций не ограничивается тематизирующей функцией. Являясь центрами когнитивной и эмотивной информации, они также выполняют концептуализирующую и эстетическую функции. Другими словами, они являются концептуальными центрами произведения. При этом концепт, с нашей точки зрения, включает в себя два компонента: смысловой и эстетический. Смысловой аспект концепта представляет собой предикацию темы художественного произведения к его авторской интерпретации. Эстетический же концепт соотносит произведение с идиостилем автора, определенным художественным направлением и стилем. Тема художественного произведения рассматривается нами как его пропозиция, в которой есть субъект, объект(-ы), предикаты, атрибуты, причины и следствия.

И тема художественного произведения, и его интерпретация могут быть представлены как логически, так и посредством образов. Образы, в свою очередь, бывают иконическими и метафорическими.

Возвращаясь с этих позиций к анализируемому произведению Э. По, можно определить номинализованную тему как возвращение лирического героя то ли в мыслях, то ли в реальности к могиле возлюбленной Улялюм (*Ulalume*). Эта тема предидируется к той боли, которую испытывает лирический герой и которая достигает своей кульминации в зоне ГЦ. Боль, по нашему мнению, передается также и при помощи звукописи. Разделяя точку зрения ряда исследователей (Ю. М. Скребнев, С. В. Воронин, Г. McKnight и др.), что английские звуки [u] и особенно [u:] имеют негативные ассоциации, мы обнаружили следующую картину. Эти звуки встречаются в Абс. Н (Абсолютное начало), т. е. в 1-й строфе произведения (всего 9 строчек), два раза и четыре раза как второй компонент дифтонга, а в 8-й строфе (10 строчек) (зона ГЦ) – 12 раз и один раз как второй компонент дифтонга. В последней строфе (10 строчек), которая тоже представляет собой сильную позицию, звук [u:] повторяется пять раз и четыре раза звук [u] как компонент дифтонга.

Для сравнения посмотрим на частотность этого звука в абсолютно слабой позиции, перед зоной ГЦ. Первая позиция приходится на пятую строфу (11 строчек). Полноценный звук [u:] встречается только один раз в последней строчке, во второй и предпоследней строках появляется редуцированный звук [u] в предлоге *through* и один раз как второй компонент дифтонга во второй строке. Таким образом, мы видим, что частотность употребления этого звука зависит от позиции в тексте и достигает кульминации в ГЦ.

Что же касается эстетического аспекта, то он проявляется в звуковом и образном символизме, характерном и для творчества Э. По, и для искусства романтизма, и для символизма, для которого Э. По стал предтечей.

Структура текста в рамках синергетического подхода подчиняется универсальным законам организации и самоорганизации. Являясь физическим параметром текста, через который и проявляются его синергетические аспекты, повтор, особенно в сильных позициях, выступает как текстообразующий фактор, концентрируя тематическую, эмотивную и эстетическую информацию и концептуализируя ее через авторское идеологическое и эстетическое видение. Приведенный анализ баллады Э. По «Улялюм» дает возможность констатировать концептуализирующую роль повторов как в семантическом, так и в эстетическом плане.

Примечания

1. Всемирная энциклопедия: Философия XX века / [гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов]. М.: АСТ; Мн.: Харвест: Совр. литератор, 2002. С. 677.
2. Данилов Ю. А., Кадомцев Б. Б. Что такое синергетика? // Нелинейные волны. Самоорганизация. М.: Наука, 1983. URL: http://kirsoft.comgru/freedom/KSNews_227.htm (дата обращения: 22.08.2016).
3. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. Кн. 2. С. 57.
4. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. С. 282.
5. Там же. С. 19.
6. Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 1999. С. 7.
7. Буданов В. Г. Принципы синергетики и язык // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002. С. 346.
8. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков: материалы II междунар. науч. конф., Белгород, 26–27 ноября 2009 г. / БелГУ; под ред. А. М. Аmatoва. Белгород, 2009. С. 5–6.
9. Буданов В. Г. Указ. соч. С. 344.
10. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 1999. С. 8.
11. Там же. С. 18.
12. Там же. С. 3.
13. Там же. С. 18.
14. Там же. С. 19.
15. Американская поэзия в русских переводах. XIX–XX вв. / сост. С. Б. Джимбинов; на англ. яз. с параллельным рус. текстом. М.: Радуга, 1983. С. 52–57.
16. Корбут А. Ю. Текстосимметрия: Монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2004. С. 73.
17. Белоусов К. И. Деятельностно-онтологическая концепция формообразования текста: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. С. 20.
18. Блох М. Я. Диктема в уровневой системе языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.

Notes

1. Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya XX veka [Worldwide Encyclopedia: Philosophy of XX century]. M. Sovremenniy literator. 2002. P. 677.
2. Danilov Yu. A., Kadomtsev B. B. Chto takoe sinergetika? [What is synergetics?] // Nelineinnye volny. Samoorganizatsia – Nonlinear waves. Self-organization. M. Nauka. 1983. Available at: http://kirsoft.comru/freedom/KSNews_227.htm (date of access: 22. 08. 2016).
3. Vernadskii V. I. Razmyshleniya naturalista. Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie [Speculations of Naturalist. Scientific Thought as Planetary Phenomenon]. M. Nauka. 1977. Book 2. P. 57.
4. Khaken G. Sinergetika [Synergetics]. M. Mir. 1980. P. 282.
5. Ibid. P. 19.
6. German I. A., Pischal'nikova V. A. Vvedenie v lingvosinergetiku [Introduction into Synergetics]. Barnaul. Publ. of Altay un-ty. 1999. P. 7.
7. Budanov V. G. Printsipy sinergetiki i yazyk [Synergetics Principles and language] // Filosofiya nauki. Vyp. 8: Sinergetika chelovekomernoy real'nosti – Philosophy of science. Iss. 8: Synergetics of human-dimensioned relity. M. IF RAS. 2002. P. 346.
8. Aleferenko N. F. Diskursivnaya sinergetika 'zhivogo' slova [Discourse Synergetics of Word 'Alive' // Lingvisticheskie aspekty prepodavaniya inostrannyh yazykov: materialy II mezhdunarodnoi nauch. konf. Belgorod. 26–27 Nov. 2009. Belgorod. 2009. Pp. 5–6.
9. Budanov V.G. Op. Cit. P. 344
10. Moskal'chuk G. G. Struktura kak sinergeticheskii protses: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Structure as Synergetic Process: abstract dis. Dr. Philology]. Barnaul. 1999. P. 8.
11. Ibid. P. 18.
12. Ibid. P. 3.
13. Ibid. P. 19.
14. Ibid. P. 18.
15. American poetry in Russian translation. XIX–XX centuries / comp. C.B. Gimbinov.; in English with Russian text. M. Raduga. 1983. Pp. 52–57.
16. Korbut A.Yu. Tekstosimmetriya: Monografiya [Text simmetry: monograph]. Irkutsk. Publ. of Irkutsk State Ped. Univ. 2004. P. 73
17. Belousov K. I. Deyatel'nostno-ontologicheskaya kontseptsiya formoobrazovaniya teksta. Diss. ... dok. Filol. nauk [Activity-ontological conception of text formation: dis. Dr. Philology]. Barnaul. 2006. P. 20.
18. Blokh M. Ya. Diktema v urovnevoy sisteme yazyka [Dicteme in multilevel system of language]. Voprosy yazykoznaniya – Questions of language studies. 2000, No 4, pp. 56–67.

УДК 811.133.1+811.161.1

А. С. Мартынычева

Компаративный анализ глаголов передачи сигналов для восприятия во французском и русском языках

В данной статье приводится информация о категории эвиденциальности как грамматической категории, структуре высказываний эвиденциальной семантики. Категория эвиденциальности является достаточно новой, следовательно, недостаточно исследованной, поэтому ей посвящается большое количество статей, книг и т. д. Также данная статья посвящена описанию глаголов, которые выполняют функцию предиката в высказываниях эвиденциальной семантики. Структура процесса восприятия тройственна, она включает в себя 1) акт восприятия – наблюдать; 2) его результат – воспринимать; 3) действия объекта по передаче сигналов перцептору. В статье приводятся примеры высказываний перцептивной семантики, которые были охарактеризованы в соответствии с модусами перцепции: зрительным, аудиальным, обонятельным, вкусовым и кинестетическим. Основное внимание уделяется функционированию глаголов передачи сигналов во французском и русском языках. Целью статьи является подробный сопоставительный анализ алломорфных и изоморфных характеристик глаголов, используемых во французском и русском языках для передачи сигнала для восприятия Перцептору, определяющих главное свойство ситуации – быть воспринятой. Новизна работы состоит в том, что ранее глаголы передачи сигналов, функционирующие в рамках высказываний эвиденциальной семантики, не рассматривались в сопоставительном аспекте.

This article provides information about the category of evidentiality as a grammatical category, the structure of the evidential semantics statements. The category of evidentiality appeared in linguistics not so long ago, thus, now it is under researches. This article focuses on the description of verbs that function as a predicate in statements

of evidential semantics. The structure of the process of perception consists of three parts; it includes 1) the act of perception, to observe; 2) its result to perceive; 3) action of the subject transmitting signals to Perceptor. The article provides examples of statements of perceptual semantics, which have been described in accordance with the modes of perception: visual, auditory, olfactory, gustatory and kinesthetic. The focus is also on the functioning of the verbs of signal transmission in the French and Russian languages.

Ключевые слова и фразы: эвиденциальность, перцепция, глагол, передача сигналов, аналитическая конструкция.

Keywords: evidentiality, perception, verb, signals transmission, analytical structure.

Семантическая структура предложения – это его абстрактное языковое значение, представляющее собою отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических значений членов предложения. Важно помнить, что категории семантической структуры предложения принадлежат целым классам предложений и поэтому представляют собой единицы общеязыковые [1].

Для семантической структуры перцептивной семантики свойственно наличие ситуации, репрезентированной: 1) предикатом; 2) актантом субъектного типа, перцептором. Данная семантическая структура характеризуется наличием воспринимающей части. Семантическая составляющая предиката перцептивного действия, как правило, воплощается в метаглаголе «воспринимать». Агенса – актант субъектного типа / перцептор представляет собой «производителя» или «контролера» физического или ментального действия.

А. Мустайоки указывает на двойственную природу воспринимающего субъекта как Экспериенсера и Реципиента. Получение информации через органы чувств детерминирует его как Реципиента. Статус Экспериенсера определяется тем, что он испытывает чувства и ощущения [2].

Объектом восприятия является глагольно выраженная ситуация, соответствующая воспринимаемой части высказывания, которую представляют: 3) предикат; 4) совершающий действие субъект воспринимаемой ситуации. Предикат выражает действие субъекта воспринимаемой ситуации. Субъект воспринимаемой ситуации представлен активным агенсом, на которого направлен процесс восприятия.

С точки зрения физиологии процессы восприятия связаны с функциональным блоком головного мозга, который обладает модальной специфичностью. То есть составляющие его части способны воспринимать зрительную, слуховую, вестибулярную и общечувствительную информацию. В отличие от данных видов, восприятие обонянием и вкусовое восприятие занимают незначительное место в коре головного мозга [3].

Категория прямой эвиденциальности предполагает непосредственное восприятие ситуации субъектом, то есть личный доступ к информации [4].

В настоящее время не подвергается сомнению тот факт, что количество и качество информации, поставляемой разными каналами восприятия, а также ее значимость для воспринимающего субъекта не одинаковы. Восприятие информации через один из каналов носит название модальности восприятия. Визуальная модальность предполагает, что в наблюдаемой ситуации наиболее сильными и дифференцированными являются зрительные впечатления. Аудиальная модальность определяет первоочередность звуковых, а кинестетическая модальность – двигательных впечатлений.

Наиболее важной особенностью категории прямой перцептивности является выделение одновременности совершения действий. Главное условие состоит в том, что передача сигнала для восприятия и сам процесс восприятия должны осуществляться в одно время: (1) *Hier, Marieavunhomme êtrevenu / Вчера Мария видела, как кто-то пришел* [5]. В данном примере мы видим, что представлены все четыре составляющих ситуации восприятия: ситуация представлена предикатом и актантом, а также выражены предикат и субъект воспринимаемой ситуации, совершающий действие.

Эвиденциальность в такой интерпретации является сложным процессом. Как правило, увиденное можно выразить лексическими средствами. Ситуация прямой зрительной эвиденциальности может быть представлена фразой «Я видел(а) это», а ситуация косвенной эвиденциальности – фразой «мне рассказали».

Согласно Г. И. Кустовой глагол *видеть* выражает не просто физическое действие, а функционирует как предикат восприятия, имеющий валентность содержания восприятия. Эта валентность может быть выражена разными способами и представлена разными сущностями – не только объектом или объектом с наблюдаемым признаком (*видеть красную машину*), но и ситуацией – *Видишь, где он сидит?* В последнем случае субъект восприятия (Экспериенсер) редуцируется до наблюдателя, то есть синтаксически не выражается [6].

Материалом для данного исследования послужили примеры из французских интернет-источников и литературных произведений, а также Национального корпуса русского языка, полученные методом сплошной выборки.

Например, *Я вижу, как он моет окно*. Первая ситуация – ситуация восприятия: *Я вижу*. Вторая ситуация – воспринимаемая: *Он моет окно*. Категория перцептивности в прототипическом варианте предполагает две глагольно выраженные ситуации. Необходимо определить свойства ситуации, репрезентируемые глаголом и детерминирующие ее восприятие различными способами. Главное свойство такой ситуации – *быть воспринимаемой* или *передавать сигналы*. Для зрительного восприятия – воспринимаемая ситуация должна быть в зоне видимости, для аудиального – быть слышимой, для кинестетического – быть осязаемой, для вкусового – обладать вкусом, для обоняния – обладать запахом.

(2) *Je vois que vous y travaillez aussi.* / Я вижу, что вы тоже работаете там [7]; (3) *Je la regarde partir...* / Я смотрю, как она уходит [8]; (4) – Что ты работаешь? *Я вижу, как ты работаешь*. Как работаешь, так и едешь (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001) [9]; (5) – Да, вот я *смотрю*, как он Брамса *играет*, и совершенно явственно вижу, как в нём происходит разлом: как для него – сегодняшнего – становится невозможным прежнее доверчивое, открытое послание миру (Мария Варденга. Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха (2002) // Домовой. 2002. 04 февр.) [10].

Зрительное восприятие в примерах (2)–(5) требует определенных свойств воспринимаемой ситуации, а именно, это должен быть глагол конкретной, агентивной семантики.

Глаголы, выражающие возможные для зрительного восприятия действия, широко представлены в обоих языках. Во французском и русском языках выделяется ряд глаголов, которые специфицируют сигналы зрительного восприятия по степени его постоянства – *palpiter/мерцать, rayonner/сиять*; по степени яркости – *briller/блестеть*; по цвету – *rougir/краснеть, jaunir/желтеть, éclater/переливаться*; по охвату – *освещать/allumer*. Данная группа глаголов характеризует световые сигналы и сигналы, связанные с цветовыми изменениями.

(6) *Je t'écoute pleurnicher devant moi à propos de Jake.* / Я слушаю, как ты *плачешься* о Жаке [11]; (7) *Puis elle commence à préparer le petit-déjeuner, et elle oublie. J'entends chanter...* (Ellesourit.) / Начинает готовить завтрак и забывает об этом. И я слышу, как она *поет...* (Улыбнулась.) [12]; (8) *Слушаю, как дождь барабанит*, выбивает мозги из головы, и вспоминаю, как дождь барабанил когда-то на даче – какой это был приятный звук дачного дождя, шуршащего с утра по крыше веранды! (Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // Знамя. 2010) [13]; (9) Я подтягиваю колени к подбородку, обхватываю их руками, но не встаю. Я *слушаю, как судачат* отцы. Градусов опять за что-то наезжает на Бормана (Алексей Иванов. Географ глобус пропил. 2002) [14].

Ситуация аудиального восприятия в примерах (6)–(9) требует глаголов «звучания»: *sonner/звенеть, chicoter/нуцать, froufrouter/шуршать, râler/хрипеть* и др. Глаголы звучания по своему денотативному содержанию подразделяются на три основные группы: 1) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые неживыми предметами; 2) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые живыми существами; 3) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые человеком [15].

(10) *Au bout d'un moment, il retira son doigt, le porta à son nez, renifla, mais ne sentit rien d'autre que la choucroute qu'il avait mangée à midi.* – Через некоторое время он вытащил из корзины палец, сунул его себе под нос, принюхался, но услышал только запах кислой капусты, которую ел на обед [16]; (11) *Il a des yeux saillants, des yeux d'écrevisse, une cravate qui ressemble à une queue d'écrevisse et je dirai même que toute sa personne dégage une odeur de bisque d'écrevisses.* – Глаза у него выпуклые, рачьи, галстук похож на рачью шейку, и даже, мне кажется, весь этот молодой человек издает запах ракового супа [17]; (12) Коля рассказывал, а я вдруг чётко увидел жаркий азиатский вечер, окраину города, *почувствовал запах тлеющей* неподалёку помойки и... (Олег Гладов. Любовь стратегического назначения. 2000–2003) [18]; (13) Встал на задние лапы – здоровая немецкая овчарка – и *пнюхал* – как *пахнет* сверху? (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем. 2002) [19].

Обоняние требует глаголов, выражающих передачу запаха: *dégager (uneodeur)/испускать (запах), embaumer/благоухать, empester/вонять, souffler/веять* и др. Данные глаголы объединены денотативным значением «пахнуть», но коннотативное значение у них разное. Например, *embaumer/благоухать* имеет значение *приятно пахнуть, распространять благоухание*; а глагол *empester/вонять* имеет значение *плохо пахнуть, испускать вонь*. Для передачи конкретного запаха используются аналитические конструкции *пахнет + существительное в творительном падеже*: *Пахнет утром*. Во французском языке это будет безличная конструкция + прямое дополнение: *Cela sent de caramel*.

(14) *Ce champagne doit laisser un goût amer.* – Шампанское, должно быть, немного *горчит* [20]; (15) *Car tu vois, j'aime ma viande légèrement âpre.* – Потому что, видишь ли, мне *нравится*, когда мя-

со немного *горчит* [21]; (16) Une personne peut *ressentir un goût amer dans la bouche* à cause d'une substance alimentaire ou d'une boisson [22]; (17) Кстати, *чуешь*, что ветер немного *горчит*? Это, наверняка, дымом печным несет (Александр Логинов. *Мираж* (2003)) // *Лебедь: интернет-альманах*. 2003. 21 дек.) [23]; (18) Ты еще успеешь *полюбить* то, как она *горчит* земляным вкусом ячменя (Валерий Панюшкин. *Виски Панюшкина* (1997) // *Столица*. 1997. 15 апр.) [24].

Вкусовое восприятие требует передачи вкусовых сигналов. Во французском языке отсутствуют глаголы, передающие вкусовые сигналы. Ситуация передачи вкуса, как правило, выражается на уровне словосочетаний. Одним из базовых выражений для передачи качества продукта в ситуации восприятия является словосочетание «*avoir le goût*»/иметь вкус. В функционировании данной синтаксической конструкции возможны две структуры: 1) с существительным (*qui a un goût de fromage, avoir un goût d'herbe, avoir un goût de fiel*); 2) с прилагательным (*avoir un goût amer et aromatique, avoir un goût bizarre, avoir un goût charmant, avoir un goût délicat, avoir un goût déplorable, avoir un goût détestable, avoir un goût douteux, avoir un goût excellent*).

Также во французском языке существуют базовые выражения для передачи появляющегося во рту вкуса: *avoir un goût dans la bouche, avoir un saveur dans la bouche* (слово «*saveur*» представляет собой специальное существительное, обозначающее вкус как сигнал) – пример (16).

Глаголы, передающие сигналы вкусового восприятия, как правило, характеризуют субстанции как способные быть воспринятыми на вкус, но редко соотносятся непосредственно с ситуацией восприятия, хотя такое вполне возможно (17). Иногда определенный тип вкусового раздражения – «горчит» – конкретизируется и уточняется (18). Иногда ситуация передачи сигналов вкусового восприятия и ситуация самого восприятия выражены двумя фразами.

(19) *La mère sentait dans sa main seserrer fortement celle de l'enfant, mais le souffle grisant du printemps la rendait moins sensible à cette manifestation du trouble de son fils* / Мать почувствовала, что в ее руке крепко сжалась маленькая ручка ребенка, но опьяняющее веяние весны сделало ее менее чувствительной к этому проявлению детской тревоги [25]; (20) *Ni ce lointain transparent, ni l'azur du firmament, ni le vaste horizon n'existaient pour lui; il sentait seulement que quelque chose de matériel, de caressant et de tiède effleurait son visage d'un tendre attouchement qui le réchauffait...* / Для него не было ни этой прозрачной дали, ни лазурного свода, ни широко раздвинутого горизонта. Он чувствовал только, как что-то материальное, ласкающее и теплое касается его лица нежным, согревающим прикосновением [26]. (21) – Корюшки нажарил. *Чую: впилась, царапает, когда глотаю. Всю ночь и утро мучаюсь, – отломил от хлебной горбушки корочку и отправил в рот, проглотил, не разжёвывая, и попробовал, глотая вхолостую.* (Александр Терехов. *Кошки // Русская жизнь*. 2012) [27]; (22) *Петька поерзал на шершавом плече. – Колется. – Нормально* (Андрей Геласимов. *Степные боги*. 2008) [28].

С точки зрения психологии тактильное восприятие заключается в получении информации через ощущения. Во французском и русском языках ядерные глаголы кинестетического восприятия выражены отдельными лексемами. Однако предикаты для кинестетического восприятия встречаются реже, чем предикаты для зрительного или слухового восприятия, так как данный способ перцепции ограничен в возможности передачи сигналов для восприятия. Чтобы воспринять ситуацию осязанием, необходимо выполнить действия по восприятию, например: *погладить, поерзать, нащупать*.

Таким образом, можно проследить общие тенденции выражения различных ситуаций восприятия. Репрезентация перцептивности требует глагольного выражения ситуации события, которую можно воспринять. Для каждого вида восприятия свойственны определённые глаголы, передающие ситуацию. Следует обратить внимание на то, что в каждой категории можно выделить разное количество таких глаголов. Изоморфизм проявляется в том, что **в обоих языках** количественно доминируют глаголы, передающие ситуацию зрительного восприятия, а глаголы, передающие ситуации кинестетического и вкусового восприятия, представлены в меньшем объёме. Алломорфизм связан с тем, что **во французском языке** глаголы передачи вкуса отсутствуют. Для выражения ситуаций вкусового восприятия используются сложные синтаксические конструкции Noun + Verb, в которых прилагательные и существительные в функции прилагательных дифференцируют вкусовые признаки. Это явление объясняется аналитизмом французского языка. Только **в русском языке** имеются глаголы, выражающие передачу конкретного вкусового сигнала: *горчит, кислит, сладит*, что характеризует русский язык как склонный к синтетическому способу выражения.

Примечания

1. <http://rusgram.narod.ru/1960-1984.html> (дата обращения: 26.05.2016).
2. *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славян. культуры, 2006. С. 134.

3. Лурья А. Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие. М.: Изд-во «Академия», 2006. С. 102.
4. Лутфуллина Г. Ф. Репрезентация ситуации восприятия временными формами английского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2(34). С. 23–33.
5. <http://context.reverso.net/traduction/francais-russe> (дата обращения: 26.05.2016).
6. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 388.
7. <http://context.reverso.net/traduction/francais-russe/>
8. Там же.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.05.2016)
10. Там же.
11. <http://context.reverso.net/traduction/francais-russe/>
12. Alexievitch S. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (p 1). P.: Actes sud, 2013. P. 15.
13. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
14. Там же.
15. Васильев Л. М. Семантика глаголов звучания в современном русском языке // Системные отношения в лексике и методология их изучения. Уфа, 1978. С. 17.
16. Süskind P. Le parfum. Histoire d'un meurtrier. P.: Livre de Poche, 2006. P. 12.
17. Chekhov A. Une banale histoire (Édouard Parayre). P.: Perrin, 1960. P. 8.
18. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
19. Там же.
20. <http://context.reverso.net/traduction/francais-russe/>
21. Там же.
22. <http://sante-medecine.journaldesfemmes.com/faq/13407-gout-amer-dans-la-bouche-definition> (дата обращения: 26.05.2016).
23. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
24. Там же.
25. Korolenko V. G. Le musicien aveugle. P.: Perrin, 2012. P. 57.
26. Ibid. P. 34.
27. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
28. Там же.

Notes

1. Available at: <http://rusgram.narod.ru/1960-1984.html> (date accessed: 26.05.2016).
2. Mustajoki A. Teoriya funkcional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam [Theory of functional syntax: from semantic structures to language means]. M. Languages of the Slavs. Culture. 2006. P. 134.
3. A. R. Luria Osnovy nejropsihologii: ucheb. posobie [Basis of neuropsychology: textbook]. M. Publishing house "Academy". 2006. P. 102.
4. Lutfullina G. F. Rerezentaciya situacii vospriyatiya vremennymi formami anglijskogo yazyka [Representation of the situation of perception of the temporal forms of English language] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Herald of Tomsk State University. Philology. 2015, No. 2(34), pp. 23–33.
5. Available at: <http://context.reverso.net/translation/French-Russian> (date accessed: 26.05.2016).
6. Kustova G. I. Tipy proizvodnyh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya [Types of derivative meanings and mechanisms of language extensions]. M. Languages of the Slavs. culture. 2004. P. 388.
7. Available at: <http://context.reverso.net/translation/French-Russian/>
8. Ibid.
9. National corpus of the Russian language. Available at: <http://ruscorporaru> (date accessed: 26.05.2016)
10. Ibid.
11. Available at: <http://context.reverso.net/translation/French-Russian/>
12. Alexievitch S. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (p 1). P.: Actes sud, 2013. P. 15.
13. National corpus of the Russian language. Available at: <http://ruscorpora.ru>
14. Ibid.
15. Vasiliev L. M. Semantika glagolov zvuchaniya v sovremennom russkom yazyke [Semantics of verbs of sound in the modern Russian language] // Sistemnye otnosheniya v leksike i metodologiya ih izucheniya – System relations in vocabulary and methodology of their study. Ufa. 1978. P. 17.
16. üskind P. Le parfum. Histoire d'un meurtrier. P.: Livre de Poche, 2006. P. 12.
17. Chekhov A. Une banale histoire (Édouard Parayre). P.: Perrin, 1960. P. 8.
18. National corpus of the Russian language. Available at: <http://ruscorpora.ru>
19. Ibid.
20. Available at: <http://context.reverso.net/translation/French-Russian/>
21. Ibid.
22. Available at: <http://sante-medecine.journaldesfemmes.com/faq/13407-bitter-taste-in-the-mouth-definition> (date accessed: 26.05.2016).
23. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka – National corpus of the Russian language. Available at: <http://ruscorpora.ru>

24. Ibid.
25. Korolenko V. G. Le musicien aveugle. P.: Perrin, 2012. P. 57.
26. Ibid. R. 34.
27. Nacional'nyj korpus ruskogo yazyka – National corpus of the Russian language. Available at: <http://ruscorpora.ru>
28. Ibid.

УДК 82.091

А. Д. Иванова

О понятийном аппарате современной имагологии

Статья посвящена проблеме становления понятийного аппарата имагологии. Целью является обобщение опыта исследователей и выявление наиболее соответствующих проблематике терминов. Рассматриваются некоторые основные понятия, используемые учеными для определения предмета исследования: образ и его виды, имаготип, имагема, имаготема, паттерн, стереотип, имидж, миф. Также предлагается несколько трактовок самого термина «имагология» в определении А. Р. Ощепкова, С. А. Мезина, Н. П. Михальской, В. А. Хорева, Н. Е. Яценко, О. Ю. Полякова и О. А. Поляковой, Й. Леерссена и М. Беллера. Данная тема вызывает интерес, так как в последние годы ученые все чаще обращаются к проблеме «другого» в культуре и литературе.

This article deals with the problem of the formation of terms of imagology. The purpose is to summarize the experience of the researchers and to identify the most relevant terms. We consider some of the basic concepts used by scientists to determine the subject of study: the image and its species, imagotype, imageme, imagotheme, pattern, stereotype, image, myth. Also several interpretations of the term “imagology” are available in the definition by A. R. Oshchepkov, S. A. Mezin, N. P. Mikhalskaya, V. A. Khorev, N. E. Yatsenko, O. Yu. Polyakov and O.A. Polyakova, J. Leerssen and M. Beller. This topic is of interest, since around recent years, scientists are increasingly turning to the problem of “the other” in culture and literature.

Ключевые слова: имагология, имаготип, стереотип, образ, национальный образ.

Keywords: imagology, imagotype, stereotype, image, national image.

Образы «других» культур, стран, народов – тема, интересовавшая мыслителей и писателей различных эпох. Естественно, что со временем восприятие и изучение «других» приобрело научный характер. Исследование «своих» и «чужих» образов лежит в области имагологии. Само слово восходит к латинскому *imago* – изображение, образ, отражение. Данное понятие появилось сравнительно недавно. Им обозначается научная дисциплина, предметом изучения которой являются образы «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для восприятия субъекта.

Активное исследование образов иных культур начинается с середины XX в. Во Франции профессор Жан-Мари Карре и Мариус-Франсуа Гийяр положили начало новому направлению компаративистики – имагологическому. В своих работах Карре исследовал формирование и развитие образа Германии во французской литературе. Он подчеркивал свою цель – «напомнить о тех оптических ошибках, которые были допущены французскими писателями» в их представлениях о Германии. Гийяр же, полагавший, что «изучение влияний частично обманчиво», предложил переключить внимание с проблемы литературных влияний на проблему восприятия «другого». Вслед за этими учеными такие исследователи, как А. Лортолари, Ш. Корбе, М. Кадо, Д.-А. Пажо перешли к изучению данной проблемы.

В 1966 г. выходит статья Хуго Дизеринка «К проблеме «имиджей» и «миражей» и их исследования в рамках сравнительного литературоведения» [1] – теоретический манифест и основа «Аахенской программы по имагологии». В своей работе бельгийский ученый обосновал необходимость разрабатывать имагологическую проблематику следующими обстоятельствами: отдельные художественные произведения содержат репрезентации национальных и инациональных образов; подобные образы обычно имеют в себе культурно-исторические смыслы, выходящие за рамки литературы; имагологические образы (стереотипы) незримо работают в собственно литературоведческих исследованиях. При этом Дизеринк говорит о понятии «нация»: это не реально существующая общность, а лишь ментальная конструкция, «временная модель мышления». Здесь можно заметить отсылку к работам Карла Поппера, который провозгласил,

что нация – определенное количество людей, объединенных общим заблуждением касательно своей истории. Позже, в 1988 г., у Дизеринка выходит работа «Компаративистская имагология. О политической значимости литературоведения в Европе» [2]. Он выдвигает мысль о том, что имагология имеет важную гуманитарную функцию – способствует узнаванию народами друг друга в сложном мультикультурном европейском пространстве.

Й. Леерссен в издании «Имагология. Культурное конструирование и литературная репрезентация национальных характеров» рассматривает имагологию именно как литературоведческую дисциплину, так как национальные образы создаются, закрепляются и распространяются в основном в художественных текстах. Каноничность художественных текстов также является имагологически значимой, так как подчеркивает постоянное обращение к стереотипам в культуре. Литература является «привилегированным» средством распространения стереотипов, поскольку она пользуется большим доверием читателей и создает иллюзию достоверности, с которой читатель не спешит расставаться [3]. Согласно Леерссену имагология прежде всего изучает «репрезентативные, репрезентации как текстовые стратегии и дискурс» [4] и в этом смысле не имеет отношения к социологии, как пытались доказывать некоторые ученые. Помимо интертекстуального и интерпретационного подходов Леерссен полагает обязательным опираться на исторический метод.

Среди ученых, которые внесли вклад в развитие и становление имагологии как автономной дисциплины, были А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, Г. Н. Пospelов, М. П. Алексеев, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, Ж.-М. Мура, Н. П. Михальская и другие.

Одним из главных вопросов при становлении дисциплины является определение понятийного аппарата. В. Б. Земсков говорит об имагологии следующее: это «научная дисциплина, которая изучает рецепцию и репрезентацию своего мира или мира других» [5]. Целью имагологии он выделяет «обобщение и выработку некоей объединительной парадигмы рецепции и репрезентации других/чужих в пространстве своей и других культур» [6]. Имагология, в понимании ученого, исследует «имаготипические структуры» – ментальные модели, которые служат основой национальной идентичности и самоидентификации той или иной нации и их объективации в литературе. Иное определение предлагает отечественный литературовед А. Р. Ощепков: имагология – это «сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа “чужого” (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» [7]. О. Ю. Поляков и О. А. Полякова рассматривают имагологию как направление литературоведческой компаративистики, науку, «изучающую авто- и гетерообразы наций, иными словами, образы “своего” и “чужого”, их происхождение, содержание и историческую изменчивость» [8]. Ученый-историк С. А. Мезин интерпретирует имагологию как раздел исторической науки, исследующий те представления о другом народе или стране, которые складываются в общественном сознании той или иной страны на определенном историческом этапе. Н. П. Михальская основной задачей имагологии представляет «изучение образного восприятия иной страны и ее народа <...>, особенностей национального характера» [9]. В. А. Хорев подчеркивает, что имагология изучает национальные «образы», «картины» мира, которые складываются <...> прежде всего в литературе» [10]. Ведущей мыслью становится утверждение, что именно литература определяет если не целиком стереотип о «другом» в массовом сознании, то общее его направление, схематический облик. В «Толковом словаре обществоведческих терминов» Н. Е. Яценко имагология также понимается как «учение об образах как составная часть сравнительно-исторического метода в литературоведении» [11]. В научном справочнике «Миры образов – образы мира» имагология трактуется как ветвь литературоведения, которая, однако, работает на стыке проблем литературы с проблемами психологии, культуроведения, лингвистики. Это область научных исследований устойчивых образов (имиджей) чужого, другого (по этнической, культурной и языковой принадлежности), объективированных в литературных текстах.

Имагология основывается на общих положениях, которые можно сформулировать как представление об инонациональном, это образ другой нации, складывающийся на фоне представлений о «своем», национальном и, следовательно, о «своих» нормах и ценностях.

С этой точки зрения, отнесение только лишь категории «образ» к понятию имагологии являлось бы ошибочным. Первоначально термин «имаго» использовался в энтомологии для обозначения последней стадии развития насекомого. Зигмунд Фрейд применил это же определение для описания бессознательных воспоминаний о близком человеке. По словам Ж.-К. Шмита, «имаго обозначает все символическое творчество людей, особенно образы и метафоры... Слово имаго указывает на мысленные образы, нематериальные и мимолетные продукты мира воображения, памяти, грез, отпечатками которых мы вынуждены довольствоваться» [12]. Производными от «имаго» выступают понятия имаготип, имагема, имаготема.

Термин «имаготип» предложил ученик Х. Дизеринка М. Фишер с целью возвращения от расширенной социокультурной трактовки имагологической проблематики, которую давал Д.-А. Пажо, к сугубо литературоведческой. Он подчеркивает однообразие, повторяемость инокультурных образов. Так, С. Жон доказал на примере изображения американских типов во французском романе и театре, что персонажи-иностранцы лишены индивидуальных черт, представляя собой легко узнаваемые фигуры (типажи).

Французский исследователь Ж.-М. Мура ввел категории «имагема» и «имаготема» для внутренней дифференциации слишком широко трактуемого термина «образ». Согласно Й. Леерсену, имагема выражает полярные черты стереотипа. Ученый полагает, что «национальные имагема определяются их янусовой амбивалентностью и невосприимчивостью к собственному устареванию» [13]. Невосприимчивость к устареванию – это яркая черта стереотипа, а амбивалентность может быть описана бинарной оппозицией «свое/чужое». В доказательство он приводит пример представления о Германии, с одной стороны, как родине поэтов-философов, с другой – как стране тиранических технократов; образ ирландцев отмечен контрастом между иррациональной жестокостью и поэтическим чувством. Отсюда, Леерссен видит задачу имагологии в том, чтобы понять, какова динамика имагем, как, в какой степени национальные образы модифицируются этими оппозициями.

Термин «имаготема» трактуется как мотив, рефрен, переходящий из текста в текст, из группы в группу в пределах воспринимающей общности. С помощью данного концепта возможно не просто выявить систему образов, персонажей, мнений, но раскрыть, как эти представления вплетаются в ткань общественной, интеллектуальной, социокультурной жизни.

Еще одно понятие, которое используется в имагологии, – «паттерн» (от англ. pattern – модель, образец). Оно в равной степени используется техническими и гуманитарными дисциплинами в значениях «шаблон, система, структура, принцип, образ, стереотип, архетип, образец, ментальная модель». Например, У. Липпман писал о “patterns”, фактически имея в виду стереотипы культуры. Если рассматривать паттерны в духе К. Г. Юнга («О природе психе») как поведенческие реакции, то можно отличать их от стереотипов, как действие и мысль, однако стереотип продолжает поглощать область значений поведенческого паттерна. Если же обратиться к социологической трактовке паттерна, то по содержательным и смысловым характеристикам она будет близка к понятию «концепция».

Самое распространенное понятие в имагологии – «стереотип». Стереотипы – стандартные, устойчивые, малоподвижные представления об иной лингвокультуре (ином этносе) и ее носителях. Их называют средством формирования идентичности (Л. Р. Мойле), культуротворческими феноменами (В. Б. Земсков), общественно-историческими мифами (В. А. Хорев), тропами, существующими в интертексте культуры (Й. Леерссен) [14]. В определении У. Липпмана стереотипы – это «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой “картинки” мира в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права» [15]. Стереотип обладает логической формой суждения, с эмоциональной окраской приписывает нации определенные свойства или установки, – или, наоборот, отказывает ей в этих свойствах или установках.

Стереотип – мощное средство формирования представлений о «чужом». Многие стереотипы, действующие сегодня в культурах древнего происхождения в отношении «других» / «чужих», восходят к ранним периодам формирования этносов, этнического сознания. Стереотипы носят прямолинейно, примитивно оценочный характер: «плохой» – при негативном восприятии, «хороший» – при позитивном. В стереотипах выражается «черно-белая», упрощенная оценочность, имеющая эмоциональное измерение [16].

Стереотипы в имагологии нередко отождествляют с предрассудками. Б. Мюттер предлагает основой стереотипа считать клише; группа клише образует предрассудки, а те, в свою очередь, формируют национальный образ.

«Чужое» в литературе в рамках имагологии может рассматриваться как яркое проявление, в том числе стереотипных представлений одной нации о другой. Исследователи полагают, что стереотипы являются первичными имагологическими формами и могут служить для построения других форм, будь то имиджи или образы.

Имиджи – преобразованные СМИ представления о государстве (государственном деятеле, фирме), создаваемые для воздействия на представления большой группой людей (социума, нации). Понятие «имидж» предполагает некое направленное действие на его создание. В узком понимании это политпропагандистский стереотип, специально вырабатываемый в целях идеологической, геополитической борьбы на международной арене.

Иногда понятие «имидж» употребляется в значении «стереотип» или же в значении «образ». По мнению В. Б. Земскова, как особый стереотип имидж можно выделять с периода нового

времени, когда начинается конкурентная борьба за колонии. Особое значение «имиджи» получили на рубеже XX–XXI вв., в эпоху, когда имиджмейкеры, политтехнологи, устраивающие пиар-акции, становятся важнейшими фигурами борьбы на международной арене. Имиджи обычно опираются на «классические» стереотипы, видоизменяя их в своих узких целях.

Термин «миф» не получил широкого распространения и глубокого осмысления в имагологических исследованиях. Энтони Смит в книгах «Национальная идентичность» и «Мифы и память нации» акцентировал связь между ценностями национальной культуры и древними ценностями основного этноса, формирующего нацию. Он определяет нацию как группу людей, разделяющих историческую территорию, общие мифы и исторические воспоминания, массовую, публичную культуру, общую экономику и общие права и обязанности для всех членов, определяемые законом.

Образ (нации) – идеальная, целостная, чувственно воспринимаемая конструкция, создаваемая обществом, объединенным единством культуры, языка и территории, о себе (других), своих (чужих) типичных чертах, национальном характере, своей (другой) стране [17].

В имагологии разграничиваются понятия «имагологический образ», то есть образ нации как ментально-культурное образование, и «художественный национальный образ» как эстетическое явление.

Следуя определению, данному М. Н. Эпштейном в «Литературоведческом энциклопедическом словаре» [18], «художественный образ нации» можно охарактеризовать как особое, присущее только искусству целостное, чувственное образование, преобразующее, пересоздающее (с позиции автора, жанра, традиции) разнообразные проявления «национального» в реальной политической, социальной, экономической, бытовой и тому подобной деятельности. «Имагологический образ» индивидуален, создается автором, но при этом соотносится с актуальным для настоящего исторического момента образом нации. Можно сказать, что «имагологический образ» входит в понятие «художественный» – он также многозначен, многоаспектен, но в то же время он во многом зависит от стереотипов культуры, его отражающих.

Национальные образы как ментальные конструкты в представлении Й. Леерссена относятся к так называемому воображаемому дискурсу, который выделяет определенную нацию из всего человечества, указывая на ее особые типологические черты, и формулирует «моральную, коллективно-психологическую мотивацию данных социальных и национальных особенностей, дает характерологическое объяснение культурных различий» [19]. М. Беллер понимает образ как «ментальную картину “другого”, которая определяется характеристиками семьи, группы, племени, народа или расы» [20].

Современная имагология вводит понятия автообраза и гетерообраза. Первый является представлением о собственной общности, а последний – образом иной нации, этноса. При этом они взаимосвязаны и отражаются друг в друге. Еще одно понятие вводит Леерссен: метаобраз – это представление нации о том, как она воспринимается другими.

Об имагологическом образе говорит Пажо. По его мнению, он не может быть пан- или полисемичным, поскольку он является представлением, результатом рецепционной замены, или подстановки. Также исследователь выделяет три компонента имагологического образа: слово, иерархическую зависимость и сценарий.

Необходимо отметить, что понятийный аппарат имагологии продолжает разрабатываться, появляются новые области взаимодействия с другими науками и дисциплинами, появляются фундаментальные труды, среди которых цитируемая здесь монография «Имагология. Культурное конструирование и литературная репрезентация национальных характеров» под редакцией Й. Леерссена и М. Беллера, монография «Имагология: теоретико-методологические основы» О. Ю. Полякова и О. А. Поляковой и другие. В настоящее время несомненна перспективность этой молодой, но уже занявшей свою нишу в литературоведении научной дисциплины, особенно во взаимодействии с историей, этнографией, социологией, психологией и другими науками.

Примечания

1. *Dyserinck H.* Zum Problem der “images” und “mirages” und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft. Arcadia, 1966. URL: <http://www.imagologica.eu/dyser>

2. *Idem.* Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst and Kultur des 19 und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988. S. 13–33.

3. *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen.* Amsterdam, 2007. P. 26.

4. *Ibid.* P. 27.

5. *Земсков В. Б.* Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. Литературоведение. 2006. № 1. URL: http://www.nrgumis.ru/archives/full_art.php?aid=37&binn_rubrik_pl_articles=246

6. Там же.
7. Ощепков А. Р. Имагология. М., 2010. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2010/1/Oshchepkov_Imagology/41_2010_1.pdf
8. Имагология: теоретико-методологические основы / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 5.
9. Михальская Н. П. Английские писатели о значении творческого наследия русских классиков // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 9. С. 171–182.
10. Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. С. 8.
11. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999. С. 1448.
12. Шмит Ж. К. Культура IMAGO // Анналы на рубеже веков. Антология / под ред. А. Я. Гуревича. М., 2002. С. 80.
13. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters... P. 28.
14. Имагология: теоретико-методологические основы... С. 96.
15. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. С. 148.
16. Земсков В. Б. Образ России «на переломе» времен...
17. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос. Национальные образы мира. М.: Академ. проект, 2007. С. 4.
18. Эпштейн М. Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 252–257.
19. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters... P. 28.
20. Ibid. С. 4.

Notes

1. Dyserinck H. Zum Problem der “images” und “mirages” und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft. Arcadia, 1966. Available at: <http://www.imagologica.eu/dyser>
2. Idem. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst and Kultur des 19 und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988. S. 13–33.
3. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007. P. 26.
4. Ibid. P. 27.
5. Zemskov V. B. Obraz Rossii “na perelome” vremen (Teoreticheskij aspekt: recepciya i reprezentaciya “drugoj” kul'tury) [Image of Russia “at the turn” (Theoretical aspect: reception and representation of the “other” culture)] // Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya. Literaturovedenie - New Russian humanitarian research. Literary criticism. 2006, No. 1. Available at: http://www.nrgumis.ru/archives/full_art.php?aid=37&bin_ru-brik_pl_articles=246
6. Ibid.
7. Oshchepkov A. R. Imagologiya [Imagology]. M. 2010. Available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2010/1/Oshchepkov_Imagology/41_2010_1.pdf
8. Imagologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy – Imagology: theoretical and methodological foundations / O. Yu. Polyakov, O. A. Polyakova. Kirov. LLC “Raduga-PRESS”. 2013. P. 5.
9. Mikhalskaya N. P. Anglijskie pisateli o znachenii tvorcheskogo naslediya russkih klassikov [English writers about the importance of the creative heritage of Russian classics] // Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of history, philology and culture. 2008, No. 9, pp. 171–182.
10. Horev V. A. Vospriyatie Rossii i russkoj literatury pol'skimi pisatelyami [Perception of Russia and Russian literature by Polish writers]. P. 8.
11. Yatsenko N. E. Tolkovyj slovar' obshchestvovedcheskih terminov [Explanatory dictionary of social science terms]. SPb. Lan'. 1999. P. 1448.
12. Schmidt J. C. Kul'tura IMAGO [Culture IMAGO] // Annaly na rubezhe vekov. Antologiya – Annals at the turn of the century. The anthology / under the editorship of A. Ya. Gurevich. M. 2002. P. 80.
13. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters... P. 28.
14. Imagologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy... – Imagology: theoretical and methodological foundations... p. 96.
15. Lippmann W. Obshchestvennoe mnenie [Public opinion] / transl. from English Barchunova T. V.; ed. by K. A. Levinson, K. V. Petrenko. M. In-t of the Fund “Public opinion”. 2004. P. 148.
16. Zemskov V. B. Obraz Rossii “na perelome” vremen... [Image of Russia “at the turn”...]
17. Gachev G. D. Kosmo-Psiho-Logos. Nacional'nye obrazy mira [Cosmo-Psycho-Logos. National images of the world]. M. Academ. Proect. 2007. P. 4.
18. Epstein M. N. Obraz hudozhestvennyj [The image of the art] // Literaturnyj ehnciklopedicheskij slovar' – Literary encyclopedic dictionary / under the general editorship of V. M. Kozhevnikov and P. A. Nikolaev. M. Sov. encyclopaedia. 1987. Pp. 252–257.
19. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters... P. 28.
20. Ibid. P. 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АСРАТЯН Зоя Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Набережночелнинский государственный педагогический университет. 423806, Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28.

E-mail: asratyan@mail.ru

БЕНДА Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент межфакультетской кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10.

E-mail: bvn.1962@mail.ru

ВОРОБЬЁВА Тамара Альбертовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: listak@mail.ru

ИВАНОВА Анастасия Дмитриевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения факультета филологии и медиакоммуникаций, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: aasenka@mail.ru

ИСМАИЛОВА Салфиназ Нариман – аспирант кафедры германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет. 105064, г. Москва, Малый Казенный переулок, 5б.

E-mail: ismailovasally8@gmail.com

МАКАРЕНКО Геннадий Иванович – старший преподаватель кафедры правоведения, Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; 299038, г. Севастополь, ул. Астана Кесаева, 14 ж.

E-mail: mg68@mail.ru

МАРКОВА Екатерина Александровна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы, МГУ имени М. В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет.

E-mail: glazkova1992@gmail.com

МАРТЫНЫЧЕВА Анастасия Сергеевна – ассистент кафедры иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 4.

E-mail: Асуа1313@yandex.ru

МИХАЙЛЕНКО Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры, Башкирский государственный университет. 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: mikhaylenko71@bk.ru

НЕЧАЕВА Светлана Владимировна – соискатель кафедры всеобщей истории ПГНИУ, учитель истории и обществознания, МАОУ «Гимназия № 2». 614051, г. Пермь, ул. Старцева, 1а.

E-mail: nechaeva310@yandex.ru

ПОДКОРЫТОВА Светлана Валерьевна – ассистент кафедры истории и права гуманитарного факультета, Шадринский государственный педагогический университет. 641870, Курганская область, г. Шадринск, ул. Кондюрина, 28.

E-mail: gusewasw@mail.ru

ПОПОВА Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет. 105064, г. Москва, Малый Казенный переулок, 56.

E-mail: larageorg5@gmail.com

СКУТНЕВ Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: skutnev@vyatsu.ru

ТАРАСОВА Ольга Михайловна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков и иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.

E-mail: mininuniver@mininuniver.ru

ТИТОВА Елена Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: lkielenat@gmail.ru

ФАЙЗУЛЛИН Станислав Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела регионоведения и социокультурных исследований, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ. 420015, г. Казань, ул. Пушкина, 56.

E-mail: stas1472580@yandex.ru

ШИБАНОВА Анна Николаевна – аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: shibanova.ann2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ASRATYAN Zoya Dmitrievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of foreign languages of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. 28 Nizametdinov str., 423806, Naberezhnye Chelny.
E-mail: asratyan@mail.ru

BENDA Vladimir Nikolayevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Interfaculty Department of the History, Leningrad State University n.a. A. S. Pushkin. 10 Peterburg Ave., Pushkin, 196605, St. Petersburg.
E-mail: bvn.1962@mail.ru

VOROBYOVA Tamara Albertovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of general history and political sciences, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: listak@mail.ru

IVANOVA Anastasiya Dmitrievna – postgraduate student, Department of Russian and foreign literature and teaching methods of the faculty of Philology and media communications, VyatSU, 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: aasenka@mail.ru

ISMAILOVA Salfinaz Nariman kyzy – postgraduate student of the Department of Germanic studies and linguistics, Moscow State Pedagogical University. 105064, 56 Maly Kazenniy Lane, Moscow.
E-mail: ismailovasally8@gmail.com

MAKARENKO Gennadiy Ivanovich – senior lecturer in the Department of Law, Sevastopol Economic-Humanitarian Institute (branch), Crimean Federal University n.a. V. I. Vernadsky; 14ж, Astan Ke-saev str., Sevastopol, 299038.
E-mail: mg68@mail.ru

MARKOVA Ekaterina Aleksandrovna – postgraduate student of the Department of history of foreign literature, Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov. 119991, Moscow, Leninskie Gory, GSP, 1-St building of humanitarian faculties (1st GUM), faculty of Philology.
E-mail: glazkova1992@gmail.com

MARTYNYCHEVA Anastasiya Sergeevna – assistant of the Department of foreign languages in the sphere of economy, business and finance, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University. 420012, 4 Butlerov str., Kazan.
E-mail: Acya1313@yandex.ru

MIKHAILENKO Elena Nikolaevna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of foreign literature and art culture, Bashkir State University. 450074, 32 Zaki Validi str., Ufa.
E-mail: mikhaylenko71@bk.ru

NECHAEVA Svetlana Vladimirovna – applicant of the Department “Universal history” of PSSRU, teacher of history and social sciences, Municipal Autonomous Educational establishment “Gymnasium № 2”. 614051, 1a Startsev str., Perm, Russian Federation.
E-mail: nechaeva310@yandex.ru

PODKORYTOVA Svetlana Valeryevna – assistant of the Department of history and law of the faculty of Humanities, Shadrinsk State Pedagogical University. 28 Kondyurin str., Kurgan region, 641870, Shadrinsk.
E-mail: gusewasw@mail.ru

POPOVA Larisa Georgievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Germanic studies and linguistics, Moscow State Pedagogical University. 56 Malyi Kazenniy Lane, 105064, Moscow.
E-mail: larageorg5@gmail.com

SCUTNEV Alexey Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of theory and history of state and law, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: skutnev@vyatsu.ru

TARASOVA Olga Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of foreign languages, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n.a. Kozma Minin. 1, Ulyanov str., 603950, Nizhny Novgorod.
E-mail: mininuniver@mininuniver.ru

TITOVA Elena Ivanovna – Candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of general history and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: lkielenat@gmail.ru

FAIZULLIN Stanislav Anatolievich – Candidate of historical sciences, senior scientific worker of the Department of regional management and sociocultural investigations, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of Tatarstan. 56 Pushkin str., 420015, Kazan.
E-mail: stas1472580@yandex.ru

SHIBANOVA Anna Nikolaevna – postgraduate student of the Department of Russian language, culture, language and teaching methodology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: shibanova.ann2014@yandex.ru

Вестник Вятского государственного университета

Научный журнал № 11 (2016)

Подписано в печать 30.11.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 1000. Заказ № 112.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36